[redacted]

Современности

1906

8

Б.К.А.

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОСТИ.

1906 г. 5 Мая. № 3.

Старыя схемы и современная дѣйствительность.

II

Октябрьская стачка стихійнымъ порывомъ увлекла за собой все, что было недовольнаго самодержавіемъ въ городахъ: даже „кадеты“, которые и до и послѣ этого съ большой опаской относились къ стачкамъ, въ то время заявили, что они „кладутъ на вѣсы народнаго освобожденія все свое сочувствіе, всю свою нравственную силу и окажутъ ему всяческую поддержку“. Подъ дружнымъ національнымъ напоромъ правительство объявило 17 октября о своемъ банкротствѣ. Оно уже давно фактически ограничивало свою дѣятельность программой Мырецова, но до октября оно тѣмъ не менѣе ни передъ собой, ни передъ другими не хотѣло еще признать, что оно совершенно неспособно исполнять какія бы то ни было государственныя функціи, кромѣ охранительныхъ.

Въ октябрѣ это банкротство стало для него явнымъ и очевиднымъ и оно констатировало свое политическое безсиліе въ манифестѣ. Но, отказавшись отъ положительныхъ задачъ государственнаго управленія, оно не выпустило изъ рукъ власти, не отказалось отъ Мырецовскихъ функцій, всѣ гражданскіе и военные помпадуры остались по прежнему на своихъ мѣстахъ; исчезло только единство государственной жизни, наступила анархія.

Каутскій въ своей статьѣ противъ Струве пишетъ: „Пусть либералы вопятъ о необходимости сильной вла-

сти; намъ анархіи нечего опасаться. При современныхъ условіяхъ революція является тѣмъ состояніемъ общества, при которомъ пролетаріатъ быстрѣе всего созрѣваетъ и наилучшимъ образомъ развиваетъ интеллектуальныя, моральныя и экономическія силы, при которомъ онъ накладываетъ самый глубокій отпечатокъ на государство и общество и добивается отъ нихъ самыхъ крупныхъ уступокъ."

Каутскій правъ, но не правы тѣ, которые изъ его словъ дѣлаютъ анархическіе выводы.

Революція есть гражданская война, а гражданская война невозможна безъ дезорганизаціи государственной власти. Въ этомъ смыслѣ „анархія" есть необходимое условіе всякой революціи и, если пролетаріату выгодна длительность революціи, то ему выгодна также длительность такой „анархіи." Но для того, чтобы революція рѣшительно двигалась впередъ, недостаточно одной дезорганизаціи власти, а необходимо еще параллельное развитіе открытой политической организаціи общественныхъ силъ, борющихся со старымъ порядкомъ. Иначе это будетъ не революція, а бунтъ, или рядъ бунтовъ, нѣчто въ родѣ войны македонцевъ съ албанцами въ разлагающейся Турціи.

Мало того, чѣмъ моментъ болѣе критическій, чѣмъ полнѣе дезорганизація всего государственнаго аппарата, тѣмъ фатальнѣе для исхода революціи наличность или отсутствіе въ этотъ моментъ элементовъ этой организаціи, болѣе или менѣе сложившихся, и открытыхъ центровъ тяготѣнія разныхъ классовъ и группъ, участвующихъ въ освободительномъ движеніи.

Въ дни полной „анархіи", когда жизнь общества совершенно выбита изъ колеи, когда все находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, обнаружившаяся неорганизованность революціонныхъ и оппозиціонныхъ силъ, ихъ неспособность завладѣть немедленно новыми позиціями, на которыя опирался старый

государственный порядокъ; ихъ неспособность немедленно измѣнить то, что Лассаль называлъ, „дѣйствительной конституціей“ страны, равносильно пораженію революціи, по крайней мѣрѣ, временному. И не надо думать, что измѣненіе „дѣйствительной конституціи“ означаетъ завершеніе революціи: если главныя причины, породившія ее, не устранены, если энергія народа не истощена, завоеванныя обществомъ новыя позиціи неизбѣжно становятся ареной для новыхъ конфликтовъ и орудіемъ для перераспредѣленія общественныхъ силъ и въ интересахъ дальнѣйшаго развитія революціи. Иллюстрація — классическая французская революція 18 вѣка.

Были ли у насъ въ октябрѣ условія для того, чтобы использовать въ этомъ смыслѣ замѣшательство въ правящихъ сферахъ? Все предыдущее изложеніе служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Манифестъ 17 октября окончательно развязалъ революцію, и сейчасъ же все, живущее хоть сколько нибудь сознательной политической жизнью, быстро стало раскалываться на два лагеря: одни съ лихорадочной поспѣшностью устремились въ партіи порядка, другіе открыто и радостно привѣтствовали первую побѣду русской революціи. Это рѣзкое распаденіе общества на два лагеря въ моментъ открытаго отступленія правительства явленіе, обычно повторяющееся во всѣхъ революціяхъ.

Предательство извѣстныхъ слоевъ буржуазіи никоимъ образомъ не было неожиданностью для друзей революціи и само по себѣ еще ничего бы не рѣшило, еслибы въ лагерѣ революціи въ тотъ моментъ существовала демократическая партія, которая способна была бы, опираясь на довѣріе и поддержку массы населенія, властно потребовать у правительства сдѣлать немедленно практическіе выводы изъ манифеста 17 октября. Но такой партіи не было. На сторонѣ революціи

оказалась только одна политически оформленная сила,— пролетаріатъ, наскоро сорганизованный въ Совѣтѣ Раб. Депут. и стоявшій подъ знаменемъ соціализма. Прочіе элементы демократіи сочувствовали пролетаріату и революціи, но находились еще совершенно въ аморфномъ состояніи.

Получилась та самая конъюнктура, которую авторы нашихъ „схемъ“ предвидѣли, какъ одну изъ историческихъ возможностей, но чреватую большими опасностями. Въ революціи, которая могла быть только буржуазной, благодаря незрѣлости демократіи, въ рѣшительныя минуты не только главнымъ двигателемъ, но и единственнымъ оффиціальнымъ представителемъ оказался пролетаріатъ, классъ, который по самому существу своему не могъ взять на себя представительства интересовъ буржуазнаго общества.

То, что было симптомомъ недостаточной еще подготовленности буржуазной революціи, давало поводъ думать, что предѣлы ея превзойдены, и эта иллюзія сейчасъ же стала претворяться въ дѣло. Пролетаріатъ, чувствуя себя единственнымъ активнымъ борцомъ на полѣ брани, началъ немедленно осуществлять экономическую программу—minimum соц.-демократіи захватнымъ путемъ, не координируя этой борьбы съ общимъ ходомъ революціи. Рабочіе совершенно стихійно, независимо отъ какихъ бы то ни было директивъ отъ партіи или отъ Совѣта Раб. Депут., приступили къ завоеванію 8-ми часового рабочаго дня революціоннымъ способомъ—шагъ, который могъ бы двинуть революцію впередъ, если бы она хоть сколько-нибудь была уже обезпечена отъ нападеній съ тылу, который, напротивъ того, только ускорилъ экономическую и политическую организацію контръ-революціонныхъ силъ буржуазіи, при условіи, когда свобода еще не была обезпечена никакими реальными гарантіями. Это было, хотя и съ большими варіаціями, но все же до извѣст-

ной степени повтореніе исторіи февральскихъ дней во Франціи.

Какъ я уже указывалъ, соц.-демократы, оставшіеся вѣрными марксистскимъ традиціямъ, раньше предвидѣли возможность такой невыгодной конъюнктуры и потому никогда не ставили себѣ цѣлью „диктатуры пролетаріата“ въ ближайшей буржуазной революціи. Но когда трудное положеніе создалось помимо ихъ воли, они должны были сказать себѣ то, что сказалъ Бланки въ аналогичномъ положеніи: Puisque je suis le chef, il faut que j'obeisse. (Такъ какъ я вождь, я долженъ подчиняться).

Противъ соц.-демократіи съ разныхъ сторонъ раздавались упреки, что она искусственно создавала изоляцію пролетаріата. Поскольку эти упреки идутъ не изъ той буржуазной среды, которая сама предательски покинула пролетаріатъ, они въ значительной степени основаны на недоразумѣніи. Несомнѣнно, что тенденція соц.-демократіи къ использованію момента для укрѣпленія вліянія своей партіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточно умѣло согласовалась съ необходимостью превратить революціонную борьбу пролетаріата въ общенаціональную.

Такъ называемые „большевики“, въ значительной степени зараженные якобинскими предразсудками, стремились къ организаціонному поглощенію Сов. Раб. Деп. партіей. Такъ называемые „меньшевики“ боролись противъ этой тенденціи такъ же, впрочемъ, какъ и самъ Совѣтъ Раб. Депут., стараясь только подчинить его своему идейному вліянію. Но и „меньшевики“ не пытались въ октябрѣ осуществить тотъ планъ революціоннаго самоуправленія народа, который они пропагандировали въ литературѣ въ до-октябрьскій періодъ—они не пытались связать Совѣтъ Раб. Деп. съ другими демократическими организаціями. Не надо, однако, преувеличивать значеніе этой „ошибки“, если это была ошибка.

Союзы демократической интеллигенціи въ октябрѣ не представляли еще сколько-нибудь видной политической силы, потому что они не имѣли ни самостоятельной политической платформы, ни самостоятельныхъ связей въ массѣ городской и сельской мелкой буржуазіи. При такихъ условіяхъ союзъ съ ними могъ играть роль только извѣстнаго педагогическаго пріема по отношенію къ демократіи, но въ октябрѣ революція переживала такой боевой моментъ, когда интересы педагогики могли пойти въ разрѣзъ съ интересами политики.

Соц.-демократію упрекали еще въ томъ, что она искусственно форсировала развитіе революціи, и тѣмъ самымъ преждевременно раздражая реакціонеровъ и ускоряя организацію контръ-революціи. Этотъ упрекъ уже совсѣмъ неоснователенъ: дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ. Контръ-революція началась съ самаго 17 октября, а пролетаріатъ былъ вынужденъ занять чисто оборонительную позицію по отношенію къ ней, которую онъ не покидалъ ни въ октябрѣ, ни въ ноябрѣ, ни въ декабрѣ, поскольку рѣчь идетъ о политической, а не объ экономической борьбѣ.

Если событія быстро шли къ торжеству диктатуры сабли, то это объясняется, наоборотъ, тѣмъ, что во всѣ рѣшительные моменты отъ 17 октября до конца декабря, всѣ преимущества наступательной позиціи были на сторонѣ контръ-революціи, всѣ невыгоды оборонительной—на сторонѣ революціи, и все это было въ значительной степени предопредѣлено изолированностью пролетаріата и отсутствіемъ организованной демократіи.

За это говорятъ неопровержимые факты, за это говорятъ документы.

Въ самый день объявленія манифеста начались черносотенные погромы, которые обошли десятки городовъ. Это не могло быть отвѣтомъ на „злоупотреб-

леніе свободой", какъ увѣряли правительственныя сообщенія и рептильная пресса, потому что погромы эти начались во многихъ мѣстахъ тогда, когда населеніе не успѣло даже толкомъ разобраться въ значеніи манифеста; и подготовлено это было несомнѣнно еще до его объявленія. Въ проектѣ программы „Курской народной партіи", опубликованной до 17 октября, довольно недвусмысленно говорилось, что „члены партіи поддерживаютъ начинанія правительства до тѣхъ поръ, пока агенты его не окажутся въ противорѣчіи съ положеніями проекта, и въ тоже время ведутъ борьбу съ тѣми изъ послѣднихъ, кто, получая казенное содержаніе, и прикрываясь своимъ служебнымъ положеніемъ, ведутъ противогосударственную политику". Это свидѣтельствуетъ о контръ-революціонномъ заговорѣ, и другой § того же проекта указываетъ, кѣмъ этотъ заговоръ былъ организованъ: „Партія", гласитъ этотъ параграфъ, „поддерживаетъ живую связь съ дворянствомъ, такъ и съ основными (какими?) сословіями земли русской".

Послѣдующія событія — съѣзды крупныхъ землевладѣльцовъ, адресъ дворянскихъ собраній, совѣщанія предводителей дворянства—доказали, что этотъ параграфъ не былъ мертвой буквой.

Контръ-революцію начали крѣпостники въ союзѣ со столпами высшей бюрократіи по заранѣе обдуманному плану. Но и крупные промышленники и помѣщики-аграріи перешли на сторону контръ-революціи съ первыхъ же „дней свободы" на основаніи одного только предвкушенія „диктатуры" революціоннаго народа. Еще 14 октября, стало быть, до манифеста, А. Гучковъ счелъ возможнымъ заявить въ либеральной московской Думѣ, что „въ настоящій моментъ мы дошли въ освободительномъ движеніи до рубежа и совершаемъ не только политическую ошибку, но тяжелое преступленіе". Въ то же время, другой думскій

гласный, по выслушаніи депутаціи отъ рабочихъ, замѣтилъ: „Дума имѣетъ дѣло съ анархическимъ движеніемъ; роль наша, какъ представителей мирнаго разрѣшенія освободительнаго движенія, кончилась". 25 октября рѣшительный поворотъ въ поведеніи нѣкогда либеральной Думы былъ закрѣпленъ. Князь Голицынъ сложилъ съ себя полномочія городского головы съ тѣмъ, чтобы „развязать руки Думѣ и дать ей возможность выбрать твердаго, стойкаго человѣка, который руководилъ бы городомъ въ настоящее время". Такимъ человѣкомъ Дума признала Н. И. Гучкова, который впослѣдствіи ясно формулировалъ свою программу на съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. „Народъ", говорилъ онъ на этомъ съѣздѣ, „уставшій отъ хаоса, разоренный до конца, будетъ привѣтствовать каждую нагайку. Пора остановиться"!!!

Либеральная Московская Дума была только первой ласточкой въ начавшемся перелетѣ владѣльческой буржуазіи на сторону контръ-революціи. Когда открылась земская сессія, обнаружилось, что почти всѣ земскія собранія покончили со своими либеральными традиціями. Большинство земскихъ собраній обрушилось на управы, обвиняя служащихъ въ участіи въ забастовкахъ, въ бойкотѣ оставшихся вакантными послѣ арестовъ земскихъ должностей, въ агитаціи среди крестьянъ и т. п. Началось повсемѣстное сокращеніе смѣтъ разныхъ отраслей земскаго хозяйства и пріостановленіе періодическихъ земскихъ изданій, открылась эра земскихъ ходатайствъ о введеніи военнаго положенія въ уѣздахъ. Промышленники и аграріи не хотѣли возврата къ самодержавію; напротивъ того, они стояли на почвѣ „незыблемыхъ основъ", установленныхъ манифестомъ 17 октября. Но они хотѣли раньше всего и прежде всего подавить революцію всевозможными чрезвычайными и военными мѣрами, а потомъ уже утвердить конституцію, конечно, цензовую,

конечно, бюрократическую, опирающуюся на „твердую власть“.

А конституціонные демократы? Не ихъ ли вынудили „крайнія партіи“ къ позорному отступленію? Господинъ И. Петрункевичъ въ 1-мъ № „Полярной Звѣзды“ писалъ: „заграничная пресса не мало послала упрековъ умѣреннымъ русскимъ партіямъ. Не мало упрековъ слышалось и въ Россіи, но никто не зналъ того, что, приглашая вступить въ кабинетъ, графъ Витте исключалъ самую идею кабинета, т. е. единство состава, программы, дѣйствія и отвѣтственности. При такихъ условіяхъ никакой, даже коалиціонный, кабинетъ составить было невозможно, и если, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время мы имѣемъ кабинетъ министровъ, то это чистѣйшая иллюзія, бумажный терминъ и ничего больше.“ Значитъ, самъ-то г. Петрункевичъ, сами-то г.г. кадеты знали, что правительство и не думаетъ объ образованіи конституціоннаго министерства, о фактическомъ осуществленіи конституціи? Почему же г. Струве на страницахъ того же журнала увѣрялъ общество, что и Россія стала конституціонной страной, почему же онъ писалъ: „Въ особенности мнѣ кажется чреватымъ недоразумѣніемъ разсужденіе С. Л. Франка о томъ, что въ Россіи нѣтъ не только конституціи, но и никакого законнаго порядка, а есть лишь гражданская война, и что поэтому всѣ партіи въ настоящее время, какъ реакціонныя, такъ и радикальныя, революціонны въ силу непреодолимой необходимости вещей“? Почему же самъ г. Франкъ, какъ бы въ опроверженіи словъ своихъ, писалъ: „Бой продолжается, но поворотный пунктъ его уже позади насъ; мы уже преслѣдуемъ бѣгущаго врага“? Почему кадеты сознательно и систематически усыпляли общество, внушая ему обманчивыя иллюзіи, что все дѣло уже сдѣлано, что дальнѣйшая революціонная борьба есть „безумство“ и даже не „бе-

зумство храбрыхъ", „потому что противъ поверженнаго льва отваживаются, какъ извѣстно, даже и не очень храбрыя животныя". (П. З. № 3-й)? Почему они лгали? Неужели въ этомъ была повинна соц.-демократія и ея „нетактичное поведеніе"?

„Immer in's Offensive" (Всегда наступайте) такой позиціи училъ соц.-демократовъ старый солдатъ революціи Вильгельмъ Либкнехтъ. Но когда въ рѣшительный моментъ либеральная буржуазія измѣнила революціи, а буржуазная демократія не подавала никакихъ признаковъ жизни, пролетаріату оставалось только обороняться, а онъ фактически дѣлалъ только отчаянныя усилія, чтобы задержать надвигающуюся лавину контръ-революціи.

Совѣтъ Раб. Деп., народившійся въ самой тѣсной связи съ рабочими массами, не могъ, конечно, не знать, насколько пролетаріатъ былъ истощенъ октябрьской забастовкой, и если онъ рѣшился 2 ноября опять объявить забастовку, то не потому, навѣрное, что онъ хотѣлъ искуственно форсировать развитіе событій, а потому лишь, что надо было отвѣтить чѣмъ-нибудь на угрозу полевыми судами въ Кронштадтѣ и на объявленіе военнаго положенія въ Польшѣ, и, дѣйствительно, какъ только непосредственный поводъ къ забастовкѣ исчезъ, И. К. Совѣта Раб. Деп. поторопился ее прекратить, заявивши, что теперь его главная непосредственная задача—укрѣпленіе организаціи.

Но контръ-революція, начавшаяся въ видѣ партизанской войны, подъ руководствомъ добровольцевъ, вскорѣ успѣла прочно укрѣпиться въ самомъ центрѣ правительства, которое начало систематическую войну по всей линіи съ народомъ. Пролетаріатъ былъ вынужденъ принять сраженіе, потому что раньше или позже оно все равно было неизбѣжно, а между тѣмъ условія его становились съ каждымъ днемъ все болѣе невыгодными для пролетаріата и демократіи, которыхъ

правительство лишало всѣхъ путей къ открытой организаціи.

Декабрьская забастовка была объявлена сознательно только въ цѣляхъ обороны противъ контръ-революціи, и хотя организаціи, призывавшія къ забастовкѣ, въ своихъ воззваніяхъ говорили, что она перейдетъ въ возстаніе, онѣ нигдѣ къ возстанію пролетаріата не призывали: и этотъ заключительный фактъ прошлаго революціоннаго періода былъ лишь актомъ самообороны, начавшимся къ тому же стихійно.

Рѣшительныя столкновенія народа съ правительствомъ, которыя начались октябрьской забастовской, въ срединѣ декабря достигли наибольшаго напряженія, наибольшей силы, и тутъ-то яснѣе всего обнаружилось, чего не хватало революціи въ теченіе всего этого періода для того, чтобы побѣдить въ этой рѣшительной схваткѣ.

Изъ всѣхъ отзывовъ текущей печати о декабрьскихъ событіяхъ намъ представляется особенно заслуживающей вниманія статья М. Ольминскаго въ январьской книгѣ журнала „Образованіе.“ М. Ольминскій отмѣчаетъ, что во время декабрьскаго возстанія ни въ одномъ городѣ, охваченномъ революціоннымъ движеніемъ, не было сдѣлано попытки захвата политической власти партіями, что ни въ одномъ городѣ не было даже сдѣлано попытки захвата матеріальныхъ орудій власти: оружія, денегъ, пищевыхъ и продовольственныхъ складовъ, присутственныхъ мѣстъ и т. п., несмотря на то, что сила во многихъ мѣстахъ была временно на сторонѣ революціи. Напримѣръ, въ Красноярскѣ на сторонѣ комитета былъ цѣлый батальонъ солдатъ и 4 тысячи желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ то время, какъ губернаторъ располагалъ только одной учебной ротой, и не смотря на полную невозможность противодѣйствія со стороны администраціи, революціонеры въ теченіе трехъ недѣль „не обнаруживали никакихъ преступныхъ по-

сягательствъ ни на склады оружія и казеннаго продовольствія, ни на казначейства и отдѣленія государственнаго Банка." При такихъ условіяхъ, разсуждаетъ авторъ, приходится признать, что у насъ въ декабрѣ возстанія, въ настоящемъ смыслѣ того слова, не было, „а въ такомъ случаѣ побѣды миргородскихъ, бердичевскихъ и арзамасскихъ губернаторовъ только съ величайшей натяжкой могутъ разсматриваться, какъ дѣйствительныя подавленія крамолы." Фактъ, отмѣченный М. Ольминскимъ, несомнѣнно вѣренъ и при томъ весьма знаменателенъ. Но объясненіе, которое авторъ пытается дать этому факту, мнѣ представляется не вполнѣ удовлетворительнымъ. Этотъ фактъ, по мнѣнію автора, не есть случайность, „а типичное явленіе для той стадіи развитія, въ которой находится въ данный моментъ въ Россіи соц.-демократическая Рабочая Партія, а, можетъ быть, и другія лѣвыя партіи Россіи".

Слова—„а можетъ быть," показываютъ, что, по мнѣнію автора, главную причину своеобразнаго характера декабрьскаго возстанія нужно искать скорѣе въ извѣстной „стадіи развитія" Р. С.-Д. Р. П., чѣмъ въ состояніи „другихъ лѣвыхъ партій." Да, онъ это прямо и говоритъ. Онъ на основаніи документовъ доказываетъ, что несмотря на разговоры о возстаніи, о временномъ правительствѣ и т. п., всѣмъ соц.-демократическимъ организаціямъ въ декабрѣ все это представлялось „дѣломъ отдаленнаго будущаго, дѣломъ другой стадіи движенія."

Въ этомъ перенесеніи главной отвѣтственности за событія съ „другихъ лѣвыхъ партій" на соц.-демократію мнѣ представляется коренная ошибка автора. Съ одной стороны, онъ слишкомъ преувеличиваетъ то, что могла бы сдѣлать соц.-демократія въ декабрѣ, съ другой—онъ приписываетъ слишкомъ много легкомыслія и наивности ея дѣйствительнымъ поступкамъ.

Документы, приводимые имъ, несомнѣнно доказыва-

ютъ, что соц.-демократія въ декабрѣ нигдѣ не призывала къ возстанію. Это неоспоримо, равно какъ и то, что сама забастовка декабрьская была провоцирована реакціей, которая можетъ быть даже сознательно хотѣла вызвать скорѣе возстаніе. Но тѣ же документы, на которые ссылается М. Ольминскій, доказываютъ, что соц.-демократія предвидѣла, что забастовка можетъ привести и, вѣроятно, приведетъ къ возстанію. Стало быть, она была подготовлена къ этому, и когда фактъ этотъ наступилъ, она должна была изъ этого факта сдѣлать соотвѣтственные практическіе выводы. И какъ показываютъ тѣ же документы, цитируемые авторомъ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ соц.-демократы эти выводы сдѣлали: въ Красноярскѣ, какъ гласитъ цитируемая имъ агентская телеграмма, „мятежниками была выработана впослѣдствіи опубликованная программа: обезоружить мѣстныя власти, вооружиться и выбрать общимъ прямымъ голосованіемъ мѣстное революціонное правительство“. Почему же это не было выполнено? Неужели потому, что, благодаря психологическому складу русскихъ соц.-демократовъ, возникновеніе извѣстной мысли должно представлять одну „стадію развитія“ революціи, рѣшеніе осуществить эту мысль другую „стадію“, а приведеніе въ исполненіе—третью? Когда же и гдѣ революція развивалась по такимъ „стадіямъ?“ Когда и гдѣ дѣлалась сначала „примѣрная“ революція съ „учебной“ цѣлью, а потомъ уже и „настоящая?“ Очевидно, причина заключалась не въ томъ что русская соц.-демократія, которая дала столько блестящихъ примѣровъ отваги и самоотверженія, въ своемъ сознаніи еще не перешла отъ „стадіи“ словъ къ „стадіи“ дѣла, а въ томъ, что въ декабрѣ не было на лицо той совокупности политическихъ условій, при которыхъ программа Красноярскихъ комитетчиковъ могла бы осуществиться. Будь тогда на лицо эти политическія условія, она бы осуществилась даже безъ заранѣе

подготовленнаго „плана“ и безъ соотвѣтственныхъ упражненій „по плану“. Какихъ же именно условій недоставало?

Въ декабрѣ во многихъ городахъ образовались или продолжали функціонировать Совѣты Раб. Деп. и разнаго рода забастовочные комитеты, которые по отношенію къ пролетаріату играли роль настоящаго правительства. Дѣйствія пролетаріата подъ руководствомъ этихъ организацій отличались такой же дисциплинированностью, какъ дѣйствія любой арміи. Но какой могъ быть непосредственный результатъ массовыхъ дѣйствій одного пролетаріата?

Не только забастовка, но и возстаніе пролетаріата само по себѣ непосредственно могло произвести только моральный эффектъ на окружающую среду: вѣдь, очевидно, что пролетаріатъ собственными силами и почти голыми руками физически никогда не можетъ побѣдить армію. И моральный эффектъ былъ достигнутъ въ декабрѣ въ полной мѣрѣ.

Масса городского населенія и часть арміи сочувствовали пролетаріату. Они сочувствовали ему, главнымъ образомъ, конечно, потому, что его борьба имъ сулила свободу и расширеніе правъ, которыя разные элементы населенія представляли себѣ различно. Въ частности онъ привлекалъ къ себѣ симпатіи различныхъ слоевъ населенія тѣмъ, что самые пріемы его борьбы выгодно отличали его отъ правительства.

Въ однихъ случаяхъ мелкая буржуазія убѣдилась, что при надзорѣ стачечныхъ комитетовъ ихъ имущественная безопасность гораздо лучше гарантирована, чѣмъ при полицейскомъ хозяйствѣ; во многихъ мѣстахъ при новыхъ условіяхъ воровство и грабежи совершенно прекратились. Въ другихъ случаяхъ, какъ въ Москвѣ, мелкая буржуазія перешла на сторону пролетаріата, когда она убѣдилась, какъ мало Дубасовы щадятъ жизнь

мирныхъ гражданъ и какъ бережно къ ней относятся „забастовщики“.

Манчжурскіе солдаты проникались сочувствіемъ къ пролетаріату, когда убѣждались, что забастовочные комитеты, взявшись за эвакуацію арміи, выполняютъ это гораздо быстрѣе и лучше, чѣмъ прежняя военная администрація и т. д. и т. д. Но отъ неопредѣленнаго сочувствія свободѣ и пролетаріату, борющемуся за эту свободу, до готовности и рѣшимости немедленно приступить къ планомѣрнымъ дѣйствіямъ для завоеванія государственной власти и съ этою цѣлью завладѣть на мѣстахъ орудіями этой власти—еще весьма большое разстояніе.

А покуда масса мелкобуржуазнаго населенія и хоть сколько-нибудь значительная часть арміи, составляющей плоть отъ плоти этого населенія, на этотъ шагъ не рѣшились—подавленіе возстаній пролетаріата было только вопросомъ времени. Какое значеніе могло имѣть для исхода возстанія то, что въ Москвѣ большая часть гарнизона, около 20 тысячъ солдатъ, не рѣшались вступить въ борьбу съ 4-мя тысячами, принимавшими активное участіе въ усмиреніи города? То же самое и въ Красноярскѣ, гдѣ на сторонѣ революціи былъ батальонъ, на сторонѣ губернатора—учебная рота, причемъ, однако, дѣятельность желѣзнодорожнаго батальона выражалась только въ посѣщеніи солдатами митинговъ. Такъ же мало могло повліять на непосредственный исходъ возстанія то обстоятельство, что на харбинскомъ митингѣ офицеровъ генералъ Надаровъ не встрѣтилъ сочувствія въ массѣ офицерства, что большинство изъ нихъ высказали свои симпатіи освободительному движенію. Даже потемкинское возстаніе, при условіи явнаго сочувствія всей эскадры взбунтовавшемуся броненосцу, неизбѣжно должно было раньше или позже кончиться пораженіемъ, поскольку матросы только „бунтовались“, отказываясь отъ всякихъ планомѣрныхъ дѣй-

ствій, въ цѣляхъ завоеванія политической власти народомъ.

Отчего же у насъ въ декабрѣ возстаніе застыло на мертвой точкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно искать въ опытѣ прошлыхъ буржуазныхъ революцій. Во всѣхъ этихъ революціяхъ бывали такіе моменты, когда борьба пролетаріата вызывала колебаніе въ арміи и привлекала къ себѣ сочувствіе массы населенія. Въ такіе моменты обыкновенно на политическую сцену выступали какія-нибудь демократическія партіи, группы или лица, участвовавшія въ парламентской жизни или даже стоявшія внѣ парламента, но, во всякомъ случаѣ, успѣвшія уже до момента возстанія завоевать себѣ популярность и довѣріе въ широкой массѣ населенія. Эти партіи, группы или лица были родственны по духу и по взглядамъ широкимъ кругамъ средней и мелкой буржуазіи, и потому слои буржуазнаго населенія готовы были имъ довѣрить свою судьбу, въ то время, какъ пролетаріатомъ они могли въ извѣстный моментъ только вчуже восторгаться. Опираясь на это довѣріе, демократическія группы въ критическій моментъ такъ или иначе вмѣшивались въ борьбу между пролетаріатомъ и правительствомъ, объединяли вокругъ себя колеблющіеся элементы арміи и вынуждали тѣмъ самымъ правительство къ полному или къ частичному отступленію. Такъ въ европейскихъ революціяхъ власть переходила либо въ руки оппозиціоннаго министерства, либо въ руки временнаго правительства.

У насъ, какъ мы видѣли, въ критическіе моменты истекшаго революціоннаго періода на сторонѣ революціи такихъ демократическихъ партій еще не оказалось. Могла ли у насъ революція непосредственно побѣдить при отсутствіи такого предварительнаго условія? Я полагаю, что нѣтъ.

Совѣты Раб. Деп. и забастовочные Комитеты были настоящимъ правительствомъ, но только для пролета-

ріата, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ масса средней и мелкой буржуазіи и армія готовы были пойти за этими организаціями, стоящими подъ соціалистическимъ знаменемъ, на борьбу за политическую власть. Это вытекаетъ изъ марксистскаго анализа характера современной русской революціи, изъ того, что эта революція буржуазная, изъ того, что русскій пролетаріатъ уже достигъ значительной степени классоваго самоопредѣленія, гораздо большей, чѣмъ европейскій пролетаріатъ въ прошлыхъ революціяхъ. Отчасти это уже подтверждаютъ факты. Если въ Красноярскѣ въ началѣ декабря рабочая организація выработала опредѣленный планъ наступательныхъ дѣйствій, то трудно предположить, чтобы ею въ теченіе двухъ недѣль не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ осуществленію этого плана, несмотря на то, что администрація была все это время лишена средствъ для противодѣйствія мятежникамъ. Вѣроятно, такія попытки были сдѣланы, но разбились о сопротивленіе тѣхъ самыхъ солдатъ, которые принимали участіе черезъ посредство своего выборнаго комитета въ революціонномъ самоуправленіи. Объ этомъ, конечно, приходится гадать; но опубликованные факты изъ исторіи Потемкинскаго возстанія уже прямо подтверждаютъ, что тамъ соц.-демократамъ пришлось натолкнуться въ рѣшительный моментъ на весьма упорное сопротивленіе экипажа. Я напомню общеизвѣстные факты о борьбѣ между краснымъ знаменемъ и андреевскимъ флагомъ на „Потемкинѣ“, объ упорномъ нежеланіи бомбардировать часть города, занятую правительственными войсками, о нежеланіи высадить десантъ на помощь рабочимъ, или даже выдать имъ часть оружія, имѣвшагося на броненосцѣ. Все вообще поведеніе мятежнаго экипажа показывало,— насколько онъ былъ далекъ отъ мысли о согласованіи дѣйствій съ революціоннымъ пролетаріатомъ портовъ съ цѣлью образованія временнаго правительства, вопреки

настояніямъ соц.-демократовъ, бывшихъ на броненосцѣ.

Революція инстиктивно искала новыхъ путей для того, чтобъ выйти изъ той мертвой точки, въ которой она находилась. Я имѣю въ виду тѣ попытки расширенія состава организацій, руководившихъ революціей, которыя дѣлались въ декабрѣ въ Сибири—попытки импровизаціи революціонныхъ выборовъ отъ разныхъ слоевъ населенія и образованія объединенныхъ безпартійныхъ органовъ революціоннаго самоуправленія народа. Такія организаціи смогли бы, вѣроятно, раньше или позже превратиться во временныя революціонныя правительства. Но путь этотъ очень долгій и онъ не могъ оборваться преждевременно, поскольку элементы демократіи въ разныхъ городахъ ничѣмъ не были связаны другъ съ другомъ, поскольку уже въ самомъ началѣ возстанія не было политическаго центра буржуазной демократіи, общенаціональнаго или, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе крупныхъ городахъ. При такомъ условіи органы мѣстнаго революціоннаго самоуправленія могли бы служить очень важнымъ посредствующимъ звеномъ. При отсутствіи этого условія они никоимъ образомъ обезпечить побѣды революціи не могли.

Исходъ рѣшительныхъ столкновеній народа съ правительствомъ, которыя начались въ октябрѣ и закончились въ декабрѣ, въ значительной степени предопредѣлялся тѣмъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, которое создалось въ предыдущій періодъ революціонной мобилизаціи. Но въ концѣ концовъ, событія отъ октября до декабря составляютъ только одинъ эпизодъ великой русской революціи, которая еще очень далека до конца. Теперь, бросая ретроспективный взглядъ на эти событія, мы убѣждаемся, что они имѣютъ значеніе еще одного великаго урока, даннаго пролетаріатомъ буржуазному обществу въ эпоху его самоосвобожденія. Благодаря своеобразному соотношенію между проле-

таріатомъ и буржуазіей въ русской революціи, она съ великимъ трудомъ выбирается на вѣрный путь. Но уже теперь можно сказать, что она на него выберется, и что это какъ разъ тотъ путь, который предвидѣли авторы нашихъ „схемъ“ на основаніи марксистскаго анализа русской дѣйствительности.

А. М.

Будущее русской революціи.

II *).

Опираясь на опытъ пережитаго и на тѣ выводы, къ которымъ приводятъ попытки его осмысливанія, въ настоящее время, мнѣ кажется, можно уже учесть, каково будетъ дальнѣйшее развитіе русской революціи. Вѣдь представленіемъ о немъ и о различныхъ возможностяхъ опредѣляются тѣ методы, тѣ тактическіе лозунги, какими мы хотимъ проводить въ жизнь защиту интересовъ пролетаріата.

Принимая во вниманіе сказанное о господствѣ стихійности въ настоящемъ движеніи, нѣтъ основанія ждать, чтобы Дума не собралась, чтобы она въ остающіеся два мѣсяца была сорвана новымъ народнымъ подъемомъ. Общаго крестьянскаго возстанія весной также ждать не приходится, хотя частичныя, поддающіяся подавленію волненія. конечно, неизбѣжны. Слѣдовательно, центромъ политической жизни страны, приковывающимъ къ себѣ общее вниманіе, вводящимъ въ курсъ политической борьбы самыя широкія массы, будетъ все-таки Дума, какова бы она ни вышла.

Дѣятельность ея неизбѣжно вызоветъ новый стихійный взрывъ. Для агитаціи откроется широкій просторъ, и посѣвъ будетъ падать на благодарную почву. Примѣненіемъ неслыханной репрессіи правительство озаботилось и еще озаботится, чтобы новая революціонная волна вышла воз-

*) Высказанное въ настоящей главѣ авторомъ мнѣніе о роли революціоннаго самоуправленія и о построеніи народнаго парламента намъ кажется спорнымъ. Мы надѣемся еще вернуться къ этому вопросу.—Настоящая статья писана еще въ февралѣ. *Ред*

можно болѣе озлобленной и рѣшительной. Движеніе въ деревняхъ совпадетъ съ движеніемъ въ городѣ, гдѣ пролетаріатъ, таящій жажду мести, отчасти отдохнетъ къ тому времени, отчасти будетъ доведенъ до послѣдней крайности разрастающейся безработицей.

Трудно указать, какимъ именно образомъ дѣятельность Думы послужитъ исходнымъ пунктомъ новыхъ волненій. Возможно «мирное» принятіе ею прямо обдѣляющихъ крестьянство мѣръ, отказъ въ землѣ или требованіе крупныхъ выкупныхъ платежей въ случаѣ, если большинство крестьянъ-депутатовъ будетъ просто ставленниками земскихъ начальниковъ и прочей братіи. Возможенъ, наоборотъ, выходъ крестьянскихъ депутатовъ изъ Думы, когда характеръ ея ясно предъ нимъ вскроется, если, не взирая ни на какое противодѣйствіе начальства, въ нее пройдутъ все-таки дѣйствительные выборные крестьянства. А наблюдая его теперешнее настроеніе, въ большинствѣ случаевъ надо ждать именно послѣдняго.

Какъ бы то ни было, крупнѣйшее броженіе по всей странѣ приводитъ ее къ освобожденію. Реакція будетъ, конечно, защищаться, должна защищаться, потому что дѣло идетъ о самомъ соціальномъ существованіи представляемой ею группы. Дворянскіе землевладѣльческіе съѣзды, происходившіе послѣдніе двѣ недѣли въ рядѣ губерній, въ этомъ отношеніи вѣрно оцѣнили положеніе и рѣшили бороться до конца. Они только преждевременно назначаютъ окончательную ликвидацію на весну и потому будутъ временно пріятно разочарованы.

Разъ реакція будетъ бороться, то освобожденіе не можетъ пройти такъ сразу и повсемѣстно, какъ дарованный свыше манифестъ 17 октября. И это первое обстоятельство, которое надо учесть—длительность процесса освобожденія чревата важными послѣдствіями. И прежде всего—тѣмъ, что совершенно устраняетъ самый вопросъ о временномъ правительствѣ, понимаемомъ въ качествѣ группы людей, выдвинутыхъ изъ своей среды революціоннымъ народомъ въ

моментъ побѣдоноснаго возстанія или назначенныхъ центральными комитетами партійныхъ организацій и облеченныхъ диктаторской властью. Ожиданія у насъ временныхъ правительствъ по образцу западно-европейскихъ не оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и выяснившимся направленіемъ развитія. Хотя характеръ его въ общемъ пока таковъ же, но несравненно большая сложность формъ должна была сказаться и здѣсь.

Временное правительство, назначенное партіями, было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибъ партіи объединяли настолько крупную часть населенія, что авторитетъ его былъ бы непререкаемъ отъ Варшавы до Урала. Этого условія у насъ нѣтъ, такое правительство оказалось бы бумажнымъ и было бы не въ состояніи объединить народную борьбу противъ падающаго строя. При движеніи широкихъ массъ не возможенъ захватъ власти конспиративными организаціями, хотя бы ихъ вліяніе и значеніе были очень велики. Даже при движеніи городского пролетаріата, гораздо болѣе сознательнаго политически, чѣмъ вся масса, оказались необходимыми Совѣты депутатовъ. Партія была ихъ руководителемъ, но не замѣняла ихъ.

Временное правительство случайныхъ людей, выдвинутыхъ въ моментъ побѣды и объявившихъ себя правительствомъ, также невозможно уже по противоположной причинѣ: соціалдемократія имѣетъ уже слишкомъ крупное значеніе, чтобы побѣдившіе рабочіе могли пойти за случайными людьми. Назначенные же пролетаріатомъ соціалдемократы не будутъ авторитетны для другихъ слоевъ населенія. Импровизированное временное революціонное правительство возможно лишь тамъ, гдѣ въ политическомъ отношеніи массы составляютъ почти сплошь «людскую пыль» и, дезорганизованныя, принуждены довѣряться подвернувшимся подъ руку общеизвѣстнымъ журналистамъ, оппозиціонерамъ. У насъ нѣтъ и этого условія. Въ силу высшаго развитія капитализма и большей наглядности классовыхъ противорѣчій революція проходитъ у насъ гораздо болѣе организованной.

Создать какое ни на есть народное представительство, хотя бы на скорую руку—вотъ одно, что остается, когда нѣтъ мѣста для диктатуры ни случайныхъ людей, ни центральныхъ комитетовъ.

И мы видѣли, что когда какая нибудь мѣстность Россіи оказывалась фактически во власти населенія, тамъ сейчасъ же возникало мѣстное революціонное самоуправленіе. Такъ было и въ Забайкальѣ, и въ Бахмутѣ, и на Кавказѣ и въ Латышскихъ селахъ. Гдѣ же правительственная власть стушевывалась не совершенно, гдѣ отъ нея вполнѣ эмансипировалась лишь часть населенія, тамъ она сейчасъ же выдвигала подобные представительные органы, немедля пріобрѣтавшіе общегражданское значеніе и принимавшіе на себя общегражданскія функціи. Такими были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стачечные желѣзнодорожные и военные комитеты, такими были у насъ Совѣты Рабочихъ Депутатовъ. Существованіе послѣднихъ въ глазахъ многихъ затемняло истинный смыслъ событій и побуждало ихъ думать, что въ нашей революціи, не въ примѣръ западнымъ, пролетаріатъ играетъ не только роль демократической силы, участвующей въ раскрѣпощеніи всего буржуазнаго общества, и себя въ томъ числѣ, но еще и сознательно преслѣдуетъ свои особыя пролетарскія задачи. Нечего и говорить, что при господствѣ стихійности въ движеніи этого быть не могло. Возьмите Петербургскій Совѣтъ Депутатовъ, какъ ясно его общенаціональное значеніе и какъ безсильны были тѣ начинанія, которыя преслѣдовали спеціально пролетарскія цѣли (борьба за 8 часовой день). Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ буржуазное общество было освобождено *формально* манифестомъ 17-го числа, ему надо было осуществить *реальныя* гарантіи этой свободы. Именно этимъ и занялся Совѣтъ, и не могъ не заняться, ибо такова логика буржуазной революціи. Онъ провелъ фактическое освобожденіе печати отъ цензуры, отмѣнилъ правительственныя правила о собраніяхъ и союзахъ и провозгласилъ ихъ полную свободу, онъ при вѣсти о готовящемся погромѣ при-

звалъ рабочихъ къ вооруженію и два дня ковалось на заводахъ Петербурга оружіе, и тѣ, кому это вѣдать надлежитъ, не рѣшились выпустить свои черныя банды. И несомнѣнно и впредь, какъ только гдѣ-либо взовьется знамя свободы,— вновь организуются тамъ мѣстныя революціонныя самоуправленія, тѣмъ болѣе правильно составленныя, съ участіемъ представителей тѣмъ болѣе широкихъ слоевъ населенія, чѣмъ несомнѣннѣе въ данномъ мѣстѣ побѣда народа.

Территоріальное развитіе освободительнаго движенія, при условіи длительнаго стихійнаго его хода въ отвѣтъ на неудачу Думы, трудно себѣ представить иначе, какъ въ видѣ своего рода междуусобной войны. Одинъ пріятель, какъ иллюстрацію этой мысли, привелъ борьбу Оливера Кромвеля. У насъ мы видѣли много военныхъ бунтовъ, начиная отъ кронштадскихъ моряковъ и кончая урупскими казаками или владивостокскими артиллеристами. Отличительной чертой была пассивность, выжидательное настроеніе бастовавшихъ солдатъ. Въ дальнѣйшемъ какая-либо часть (опытомъ предшественниковъ) научается болѣе активному поведенію и оказываетъ широкое содѣйствіе вооруженію населенія. Такъ образуются революціонные кадры, одинъ или нѣсколько очаговъ революціи, которые, разрастаясь, охватываютъ постепенно одну мѣстность за другой и силой рѣшаютъ споръ съ реакціей, если она будетъ и сможетъ защищаться до конца. Другого хода вещей представить невозможно при желаніи не отрѣшаться отъ дѣйствительности и при памятованіи, что подчиненіе сознательнаго пролетаріата стихійнымъ настроеніямъ при рѣшеніи вопроса о Думѣ—отрѣзало путь къ сокращенію этого процесса. Предварительное, до открытаго спора, мотивированное выставленіе Думой революціоннаго требованія о созывѣ Учред. Собранія и ея роспускъ много сдѣлали бы для лишенія реакціи матеріальной и финансовой силы, внеся колебаніе въ ряды ея темныхъ защитниковъ, усиливъ разложеніе бюрократической машины и придавъ однохарактерность и одновременность выступленіямъ населенія по всей Россіи.

При освобожденіи отдѣльныхъ мѣстностей въ нихъ быстро организуются мѣстные органы революціоннаго самоуправленія (сейчасъ же проводящіе мѣры въ родѣ безплатной конфискаціи земель и т. п.). По мѣрѣ того, какъ они входятъ въ связь между собой, по мѣрѣ того, какъ область вліянія какого-нибудь очага революціи разрастается—съѣзжаются выборные представители мѣстныхъ самоуправленій и кладутъ начало революціонному парламенту, конечно, временному, до созыва вполнѣ правильно избраннаго Учредительнаго Собранія. Кто присматривался къ сложнымъ формамъ нашей громадной и громоздкой революціи, кто оцѣнилъ длительность процесса освобожденія, для того не можетъ не быть сомнѣнія, что между побѣдой свободы и Учредительнымъ Собраніемъ у насъ лежитъ не временное революціонное правительство, назначенное партіями или провозглашенное толпой большого города, но временный революціонный парламентъ, избранный самыми широкими слоями населенія, какъ сельскаго, такъ и городского. И пусть не безпокоятся сторонники централизованной революціонной диктатуры: русскій парламентъ сможетъ выполнить свою задачу не хуже французскаго конвента.

Во избѣжаніе всякихъ цензурныхъ недоразумѣній считаю необходимымъ заявить, что все это писано не съ субъективной точки зрѣнія призыва къ возстанію (никакого призыва въ настоящей статьѣ вообще не заключается), но въ цѣляхъ объективнаго изложенія намѣчающейся, по моему, линіи развитія. Кто хочетъ знать, какъ поступать, тотъ долженъ давать себѣ отчетъ въ происходящемъ.

III.

Высшимъ народнымъ органомъ со стихійной необходимостью долженъ сдѣлаться временный парламентъ указаннаго типа. Представители рабочихъ, соціалдемократы, конечно, не могутъ быть въ немъ въ большинствѣ, хотя роль ихъ

неизбѣжно должна быть очень крупной. Если считать, что, въ силу указанныхъ причинъ, Госуд. Дума не сыграетъ роли организатора крестьянства и мелкаго городского люда, такъ что они не сложатся въ обособленныя общественныя партіи съ сознательной «волей къ революціи», съ ясно выраженной классовой позиціей, то попрежнему пролетаріату будетъ принадлежать не только политическая, но и формальная гегемонія, какъ въ октябрьскіе дни. Соціалдемократы будутъ въ парламентѣ не только со своими революціонными лозунгами, пропитанными и поддерживаемыми рѣшительностью и боевымъ духомъ пролетаріата, не только со своей критикой ограниченности буржуазной революціи и поддержкой ея самаго демократическаго выраженія, но и какъ творцы-руководители, какъ отвѣтственные исполнители различныхъ функцій, какъ революціонные министры революціоннаго парламента.

Хоть и революціонный—парламентъ все же остается парламентомъ буржуазнаго общества и по ряду вопросовъ с. д. будутъ оставаться въ меньшинствѣ. Если пролетаріатъ является политически воспитаннымъ классомъ, то онъ не идетъ въ бой противъ всѣхъ, когда дѣйствительно всенародное представительное собраніе высказывается противъ его требованій, потому что побѣда въ такомъ случаѣ въ данный моментъ невозможна. Отступаютъ не потому, что буржуазное общество въ цѣломъ справедливо, а потому, что пролетаріатъ пока еще не можетъ побѣдить его цѣликомъ—иначе бы онъ ввелъ соціализмъ. При сочувствіи или пассивномъ поведеніи мелкой буржуазіи пролетаріатъ можетъ вырвать крупныя уступки у среднихъ и высшихъ ея слоевъ, но когда все буржуазное общество объединяется, напр., въ защитѣ частной собственности на средства производства, то нечего расчитывать, чтобы можно было вопреки этому п р о ч н о провести, напр., передачу пріостановленныхъ или сокращающихъ производство фабрикъ и заводовъ въ руки рабочихъ.

Мы сказали: «если пролетаріатъ является политически воспитаннымъ классомъ». Но если этого нѣтъ, если онъ

подчиняется стихійнымъ влеченіямъ, тогда онъ неизбѣжно приходитъ къ выставленію требованій, неосуществимыхъ въ буржуазномъ обществѣ, потому что все его классовое существо возмущается и отрицаетъ порядки этого общества. Къ этому приходили въ концѣ-концовъ всѣ крупныя стихійно развивавшіяся европейскія революціонныя движенія послѣдняго столѣтія. А разъ пролетаріатъ, какъ мы сказали, „плыветъ по волѣ волнъ", куда его влечетъ революціонный инстинктъ, разъ предшествующее развитіе не могло выработать широкой классовой партіи, а только заложило ея основы, создало лишь небольшія сознательныя группы,—то представители пролетаріата въ револ. парламентѣ, подчиняясь его стихійному давленію, неизбѣжно придутъ въ непримиримое разногласіе съ большинствомъ и споръ не можетъ быть рѣшенъ юридически—голосованіемъ и подчиненіемъ большинству.

Въ революціонное время такіе споры рѣшаются на улицѣ. Условія же русской революціи особенно благопріятствуютъ такому методу. Въ самомъ дѣлѣ, формальная гегемонія пролетаріата, въ дѣйствительности являющаяся проводникомъ общенаціональныхъ интересовъ, при слабой классовой сознательности внушаетъ ему иллюзію, что онъ „все можетъ" Крупная инициативная роль с. д. въ парламентѣ, средоточіе въ ихъ рукахъ, какъ отвѣтственныхъ революціонныхъ агентовъ, значительныхъ матеріальныхъ силъ—все это дѣлаетъ такимъ легкимъ, такимъ удобо-исполнимымъ начало новаго чисто-пролетарскаго движенія. Парижская улица, парижскій рабочій вступалъ въ такихъ случаяхъ въ бой въ гораздо болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ.

Пролетаріатъ значительно обгоняетъ въ своемъ революціонаризмѣ остальную демократическую страну, и въ то же время, составляя рѣшительное меньшинство въ странѣ, онъ составляетъ рѣшительное большинство въ центрахъ, гдѣ сосредоточивается общественная, политическая и культурная жизнь. А отсюда слѣдуетъ то, что если онъ не можетъ въ настоящее время прочно захватить власть

въ странѣ и закрѣпить свои завоеванія, то онъ можетъ временно овладѣть центрами и устроиться тамъ по своему вкусу. Иначе сказать, стихійный ходъ революціи, если «ограничительныя вліянія» не окажутся сильнѣе (что сомнительно), неизбѣжно приведетъ въ дальнѣйшемъ къ попыткамъ пролетаріата устраивать разнаго рода коммуны, къ преждевременной борьбѣ его со всѣмъ объединеннымъ буржуазнымъ обществомъ, со всей страной. Тѣ, кто, подчиняясь стихіи, стояли за декабрьскую забастовку, тѣ, кто, подчиняясь стихіи, стоятъ за бойкотъ—всѣ они вмѣсто борьбы со стихіей за правильную классовую политику пролетаріата—неудержимо плывутъ по теченію навстрѣчу заранѣе осужденнымъ состояніемъ производительныхъ силъ на неудачу недолговѣчнымъ коммунамъ, плывутъ навстрѣчу новому грандіозному историческому пораженію пролетаріата, подобному трагедіи 71 года.

Страна не можетъ обойтись безъ своихъ центровъ, гдѣ экономически и политически сосредоточена вся ея жизнь. Вооруженной рукой водворитъ „нація“ „порядокъ“ и раздавитъ коммунистическія попытки пролетаріата, для которыхъ не созрѣли еще объективныя усилія. Страшной цѣной купитъ русскій пролетаріатъ пониманіе взаимоотношенія общественныхъ силъ современнаго общества, страшной цѣной заплатитъ онъ за проясненіе своего классового самосознанія. И потомъ борьба его долгое время будетъ идти при гораздо менѣе демократическихъ условіяхъ, какія возможны были бы при руководствѣ сознательнымъ политическимъ расчетомъ. Его пораженіе создастъ условія и возможность серьезной общебуржуазной реакціи, сдѣлаетъ ее неизбѣжной по естественному чувству самосохраненія. Экономическія пріобрѣтенія мелкой буржуазіи, отнятыя въ ея пользу отъ крѣпостниковъ земли у нея, конечно, останутся и, создавая условія для роста рынка и производства, для экономическаго расцвѣта Россіи, дадутъ возможность и постепеннаго поднятія жизненнаго уровня пролетаріата и новаго развитія его движенія, уже обога-

щеннаго всѣмъ его ужаснымъ опытомъ. Но политическія пріобрѣтенія революціи окажутся гораздо менѣе значительными, чѣмъ они могли бы быть. Правда, ожидать водворенія у насъ цезаризма или даже возстановленія неограниченнаго абсолютизма не приходится. Съ одной стороны, при теперешнемъ экономическомъ единствѣ европейскаго хозяйства невозможенъ длительный періодъ міровыхъ войнъ, который могъ бы при подходящихъ условіяхъ создать почву для цезаризма. Съ другой, неограниченный абсолютизмъ означаетъ возстановленіе крѣпостническаго преобладанія и, слѣдовательно, землевладѣнія,—чего не могутъ допустить мелкобуржуазныя народныя массы. Послѣ подавленія пролетаріата у насъ долженъ установиться режимъ, близкій къ французскимъ порядкамъ 70-хъ годовъ—формально болѣе или менѣе демократическій съ реальнымъ плутократическимъ господствомъ и, быть можетъ, съ особыми стѣсненіями пролетарской борьбы. Вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ наблюденіе надъ стихійными тенденціями нашей революціи. Послѣ этого значеніе различныхъ „тактикъ“ и желательное направленіе соціалдемократической политики ясны безъ особыхъ разсужденій.

IV.

„Ограничительныя замѣчанія“ заключаются въ томъ, что сама революція воспитываетъ пролетаріатъ въ соціалдемократическомъ духѣ. Если прежняя обстановка общенаціональнаго политическаго безправія крайне затрудняла классовое сплоченіе, выработку классового самосознанія въ широкихъ слояхъ рабочаго класса, то атмосфера революціоннаго періода, активное участіе въ политической борьбѣ создаютъ условія, при которыхъ пролетаріатъ все скорѣе, все полнѣе «находитъ себя», дѣлается способнымъ оцѣнить свою позицію.

Посмотрите на развитіе самосознанія петербургскаго пролетаріата, поговорите не только съ передовымъ, но и

съ рядовымъ организованнымъ рабочимъ, и вы сразу замѣтите плоды уроковъ, которые дала ему жизнь послѣдніе мѣсяцы, заставивъ расплатиться за нихъ голодовкой, безработицей и разстрѣлами братій.

Неудача борьбы за 8 часовой рабочій день и рядъ другихъ событій провели въ общее сознаніе мысль о безплодности мѣстныхъ «всеобщихъ забастовокъ» въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло приходится имѣть съ цѣлымъ классомъ, а не съ отдѣльными представителями крупной буржуазіи, и когда рѣчь идетъ о серьезныхъ завоеваніяхъ. „Всеобщая забастовка“, съ такимъ энтузіазмомъ проведенная въ январѣ прошлаго года, потеряла свою популярность въ рабочей средѣ. Мѣсто ея заняла забастовка всероссійская, ставшая лозунгомъ дня. Пролетаріату вполнѣ очевидной стала необходимость дѣйствовать не разрозненно по отдѣльнымъ мѣстностямъ, но сплоченно, какъ цѣлому классу. Соціалдемократія много сдѣлала для такого учета значенія 8 час. борьбы и въ совѣтѣ депутатовъ и въ десяткахъ митинговъ по этому поводу. И эта роль соціалдемократіи—раскрытіе тѣхъ выводовъ, на которые наталкиваетъ рабочую массу крушеніе тактики, избранной ею по стихійному влеченію—одна изъ наиболѣе благодарныхъ ролей рабочей партіи, смыслъ своей дѣятельности видящей не просто въ сплоченіи рабочихъ, но въ ихъ классовомъ сплоченіи. Вооруженные опытомъ Западной Европы и знаніемъ современныхъ общественныхъ отношеній Россіи, соціалдемократы, учитывая ходъ нашей революціи, должны бороться съ подчиненіемъ пролетаріата стихійности, должны быть проводниками сознательнаго политическаго расчета, а не старательно подтягивать стихіи изъ опасенія «разойтись съ пролетаріатомъ». Разойтись съ пролетаріатомъ соціалдемократія не можетъ по той простой причинѣ, что гдѣ есть пролетаріатъ, тамъ должна быть и его классовая партія и выдержанность позиціи можетъ только обезпечивать ей, въ конечномъ счетѣ, преобладаніе. 9-го января соціалдемократія тоже «разошлась» съ пролетаріатомъ, когда доказывала, что изъ путешествія къ Зимнему дворцу

ничего хорошаго не выйдетъ. И пролетаріатъ оцѣнилъ эту проповѣдь, обративъ партію послѣ этого дня изъ союза конспираторовъ въ организацію, дѣйствительно имѣющую вліяніе на рабочія массы. Я ужъ писалъ, что даже ошибки наши не могутъ отдѣлить насъ отъ массы, потому что наши ошибки ея ошибки, и обыкновенно слѣдствіемъ ихъ бываетъ, въ концѣ-концовъ, ростъ организаціи: учтя свои ошибки, болѣе передовые рабочіе активно вступаютъ въ ряды сплоченной классовой силы своего класса. Тѣмъ болѣе не повредитъ намъ правильная проповѣдь, хотя бы она временно шла въ разрѣзъ со стихійнымъ настроеніемъ массъ.

Революція учитъ—въ этомъ надежда сознательной соціалдемократіи. До декабря всероссійская забастовка казалась широкимъ кругамъ рабочихъ такимъ мощнымъ средствомъ, предъ которымъ врядъ ли что можетъ устоять, и значеніе участія въ освободительномъ движеніи другихъ общественныхъ классовъ почти не учитывалось. Послѣ декабря оцѣнка положенія измѣнилась: вредъ изолированныхъ взрывовъ пролетаріата сталъ очевиденъ для болѣе сознательныхъ круговъ рабочихъ даже почти безъ общенія съ соціалдемократическими верхами, на три-четыре недѣли почти пріостановившагося. Характерны въ этомъ отношеніи были голосованія рабочихъ по заводамъ о тактикѣ бойкота, явившейся политическимъ выраженіемъ стихійно охватившихъ пролетаріатъ унынія и озлобленія и, очевидно, для всѣхъ обрекавшей пролетаріатъ на одиночество и временную пассивность. На ближе мнѣ знакомой Выборгской сторонѣ замѣчалось, что рабочіе болѣе сознательныхъ заводовъ, какъ Металлическій, Лесснеровскій—голосовали почти сплошь противъ бойкота, отсталые же сравнительно ткачи стояли за бойкотъ, хотя и признавали, что, пожалуй, не проведутъ его на своихъ фабрикахъ: они разсуждали не какъ политики, а какъ люди, находящіеся во власти опредѣленнаго чувства.

Бойкотъ, къ сожалѣнію, принятъ, и Госуд. Дума, которая соберется при неучастіи активной и сознательной

части пролетаріата, тоже, безъ сомнѣнія, кое-чему научитъ русскихъ пролетаріевъ вообще и часть соціалдемократовъ въ частности. Вмѣсто того, чтобы мы вступали въ соглашенія и въ общую борьбу съ тѣми тысячами выборщиковъ, которыхъ выдвинетъ изъ себя деревня, это попытаются сдѣлать конституціоналисты-демократы. Конечно, вопросъ о будущемъ Россіи рѣшится не въ стѣнахъ Госуд. Думы, а совершенно инымъ путемъ, который мы пытались здѣсь намѣтить. Но тамъ можетъ произойти вещь, которая будетъ имѣть очень крупное значеніе, если совершится. Если передовые элементы крестьянства не послушаются «крестьянскаго союза» и другихъ бойкотистскихъ совѣтовъ и пойдутъ въ Думу, если кон.-дем. вмѣсто строительства, компромиссовъ возьмутъ на себя выраженіе въ Думѣ, какъ въ органѣ общественнаго мнѣнія, хотя и очень плохо организованномъ, выраженіе общенаціональнаго неудовольствія—то произойдутъ двѣ вещи. Во-первыхъ, Дума будетъ имѣть мало значенія, а конституціоналисты-демократы очень много. Во-вторыхъ, лѣвое ихъ крыло (то, которое голосовало за «націонализацію» и т. п. и при случаѣ улыбалось «эволюціонному» соціализму) можетъ порвать со своими «правыми» союзниками и образовать широкую, дѣйствительно народную мелко-буржуазную радикально-демократическую партію. Къ ней и перейдетъ тогда формальная гегемонія въ революціи, смущающая нынѣ головы пролетаріата и его друзей **политическая** же останется всегда его неотъемлемымъ достояніемъ, какъ класса съ наиболѣе революціонными, въ силу самаго его положенія, лозунгами и иниціативой. И тогда, конечно, сознательной части рабочаго класса и его партіи гораздо легче будетъ противодѣйствовать стихійнымъ порывамъ къ коммунамъ и прочему.

Ю. Ларинъ.

По поводу одного предисловія.

I.

Революціи всегда порождаютъ утопизмъ, но, достигнувъ своего историческаго завершенія, онѣ разстаются съ порожденными ими утопіями. И въ то время какъ въ революціонной борьбѣ побѣждаютъ реальные интересы и приходятъ въ устойчивое состояніе реальныя соотношенія общественныхъ силъ, въ это время „иллюзіи, взгляды, проекты“ революціоннаго времени разбиваются о частичныя и общія ея пораженія.

Не миновала этого закона исторіи и наша русская революція. Уже первая революціонная буря 1905 года дала намъ зачатки революціонной иллюзіи. Литературнымъ образчикомъ ихъ можетъ служить предисловіе Н. Троцкаго къ „Парижской Коммунѣ“ К. Маркса. Иллюзіи эти росли вмѣстѣ съ развитіемъ революціи и дошли до полнаго расцвѣта въ октябрьскіе дни. Ноябрь и декабрь должны были, кажется, разрушить ихъ. Ноябрь и декабрь ясно открыли „тайну“ нашей революціи,—ея буржуазно-демократическую сущность и не оставили мѣста соціальному утопизму.

Но такіе уроки исторіи вовсе и не нужны были, въ данномъ случаѣ, для того, чтобы разоблачить революціонный утопизмъ этихъ иллюзій Политическій анализъ европейскихъ революцій девятнадцатаго вѣка, завѣщанный намъ К. Марксомъ *), какъ нельзя лучше застраховывалъ революціонную мысль нашего времени отъ утопизма. Надъ той же задачей работалъ и Энгельсъ. Ей были посвящены усилія русскихъ марксистовъ въ борьбѣ съ полу-реакціоннымъ утопизмомъ народниковъ и ихъ наслѣдниковъ, соціалистовъ-революціонеровъ до-революціоннаго періода. Указывалъ, наконецъ, на историческія предпосылки и вѣроятные результаты нашей революціи и К. Каутскій. На всемъ этомъ матеріалѣ и слѣдовало бы основывать изслѣдованіе революціоннаго переворота Россіи, и утопическія уклоненія мысли были бы избѣгнуты.

---

*) Сюда, главнымъ образомъ, относятся: «Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г.» (собраніе статей изъ «Новой Рейнской газеты», современной событіямъ); «18-ое Брюмера Луи Бонопарта» (законченный историческій очеркъ той же революціи вплоть до государственнаго переворота 2 декабря 1851 г.,—написанный въ 1851—1852 году), и „Гражданская война во Франціи“ или „Парижская Коммуна“, т. е. написанное Марксомъ „Воззваніе Центральнаго Совѣта Интернаціонала по поводу гражданской войны во Франціи въ 1871 году“.

И Троцкій призналъ для себя обязательнымъ при изложеніи

своихъ взглядовъ на революцію поставить ихъ въ связь со взглядами Маркса, но выполнилъ свое обязательство только формально: онъ *прислонилъ* свои идеи къ блестящей исторической концепціи Маркса, развитой въ „Bürgerkrieg in Frankreich“ и изложилъ ихъ въ упомянутомъ „Предисловіи“. Но обосновалъ онъ свои мысли вовсе не предпосылками и выводами Маркса, а своимъ собственнымъ толкованіемъ парижскихъ событій 1871 года. Наряду съ этимъ онъ принялъ безъ критической провѣрки нѣкоторые взгляды современниковъ этихъ событій и, въ концѣ концовъ, перешелъ свои взгляды со взглядами К. Маркса, несмотря на взаимную противорѣчивость тѣхъ и другихъ. Вотъ образецъ. На четвертой страницѣ „Предисловія“ сказано: „Пролетаріатъ (парижскій 1871 г.—П. С.) увидѣлъ, что пробилъ часъ, когда онъ самъ долженъ спасти страну *и стать хозяиномъ собственной судьбы*“ (курсивъ нашъ. П. С.). Первая мысль есть дѣйствительно важное звѣно изъ общей исторической концепціи Маркса о „Коммунѣ“; но слова, отмѣченныя у насъ курсивомъ и взятыя Троцкимъ изъ прокламаціи Ц. К. національной гвардіи Парижа, противорѣчатъ толкованію Коммуны Марксомъ и должны были бы, на самомъ дѣлѣ, служить образчикомъ революціонныхъ иллюзій.

Непригодность такого метода изслѣдованія и изложенія обезсиливаетъ всѣ ссылки Троцкаго на Маркса. Но, съ другой стороны, только благодаря такой подтасовкѣ идей, мысли Троцкаго пріобрѣтаютъ нѣкоторую видимость обоснованныхъ мыслей. Сами по себѣ его выводы не находятъ ни въ чемъ оправданія. Поэтому достаточно разграничить межи литературныхъ идей, точно указывая, гдѣ, напримѣръ, въ „Предисловіи“ кончается Марксъ и гдѣ начинается Троцкій, и Троцкій—утопистъ будетъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, Троцкій—утопистъ окажется безсиленъ.

Мы и задаемся этой цѣлью въ данной статьѣ, и считаемъ ее необходимой еще по одной причинѣ. Предисловіе къ такому образцовому произведенію, какъ „Парижская Коммуна“ Маркса, должно помогать читателю, прежде всего, постичь духъ и смыслъ предлагаемаго ему труда даннаго автора. По крайней мѣрѣ, оно не должно *мѣшать* ему въ этомъ. Но уже изъ сказаннаго выше можно судить, какую службу сслужитъ „Предисловіе“ Троцкаго „Парижской Коммунѣ“ Маркса. Къ довершенію несчастья, невольными сообщниками тов. Троцкаго въ его литературномъ „преступленіи“ являются переводчикъ Маркса и корректоръ перевода. Текстъ перевода буквально-таки зашифрованъ ихъ небрежностью. Напримѣръ, сослагательныя наклоненія прошедшаго времени превращены въ изъявительныя. Напечатано: „коммунальная конституція *возстановила* всѣ общественныя силы“ (стр. 49, строка 15 снизу),... „*поставила* сельскихъ производителей подъ руководство болѣе развитыхъ областныхъ *народовъ*“ (стр. 49, строка 4 снизу); тогда какъ

слѣдуетъ читать: *„возстановила бы...“*, *„поставила бы...* подъ руководство .. областныхъ *городовъ*“ и т. д., и т. д. [1]). Въ итогѣ это неправильное спряженіе глаголовъ усугубляетъ превратное представленіе о роли Коммуны и о взглядахъ на нее Маркса.

На своемъ толкованіи Коммуны Троцкій строитъ свои сужденія о революціи 1905 года. Но и тутъ еще ему приходится сдѣлать гигантскій прыжокъ отъ фактическаго пораженія Коммуны до предполагаемаго имъ торжества устойчивой пролетарской диктатуры надъ „буржуазнымъ обществомъ“ въ современной Россіи. Соціальную роль нашей революціи онъ предрѣшаетъ уже самимъ заглавіемъ статьи: „Черезъ 35 лѣтъ“,— и въ началѣ „Предисловія“ онъ говоритъ, что „политика русскаго пролетаріата у власти будетъ новымъ колоссальнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ Коммуной 71 года“, а изъ предпослѣдняго абзаца „Предисловія“ видно, что рѣчь идетъ не о далекомъ будущемъ, а о „власти, которую ему, т. е. пролетаріату, доставитъ *революція*“. Послѣ этого прыжка Троцкій дѣлаетъ слишкомъ смѣлые выводы и, наконецъ, строитъ на нихъ совершенно несдержанную тактику. Постараемся здѣсь показать все это.

II. Предпосылки.

Въ предпослѣдней главѣ „предисловія“ Троцкій говоритъ: „Русская буржуазія сдастъ пролетаріату всѣ свои революціонныя позиціи. Ей придется сдать и гегемонію надъ крестьянствомъ. При той ситуаціи, которая создается переходомъ власти къ пролетаріату, крестьянству останется лишь присоединиться къ режиму рабочей демократіи“ [2]). Не правда ли, какъ все это просто! Но какъ доказать возможность всего этого? Троцкій доказываетъ. „Характеръ нашихъ соціальныхъ отношеній, который всю тяжесть буржуазной революціи взваливаетъ на плечи пролетаріата, создаетъ для рабочаго правительства не только громадныя трудности, но даетъ ему также неоцѣнимыя преимущества“. — А именно? — *„Пролетаріатъ у власти предстанетъ предъ крестьянствомъ, какъ классъ освободитель“* [3]). Послѣ этого „народное предста-

---

[1]) Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ подъ руками нѣмецкаго оригинала: „Bürgerkrieg“ и мы пользуемся только болѣе удачнымъ его переводомъ: „Гражданская война во Франціи“ (книгоизд. Козмана, Одесса), которое, не смотря на нѣкоторыя шероховатости,—вродѣ перевода „Krautjunker“ словомъ „капустный юнкеръ“ (въ петербургскомъ изданіи—„деревенщина“?!)—можно рекомендовать читателю для ознакомленія съ мыслями К. Маркса и для сужденія о своеобразности мыслей „Предисловія“ Троцкаго.

[2]) „Предисловіе“ къ „Коммунѣ“, стр. XVII.

[3]) Тамъ же, стр. XV. Курсивъ подлинника.

вительство, созванное подъ руководствомъ пролетаріата, заручившагося поддержкой крестьянства, явится ничѣмъ инымъ, какъ демократическимъ оформленіемъ господства рабочей демократіи". И дѣло въ шляпѣ! Останется только обобществленіе производства, и это обобществленіе, по замыслу Троцкаго, будетъ произведено по системѣ оазисовъ обобществленнаго производства, связанныхъ съ частными хозяйственными предпріятіями законами товарнаго обращенія.

Впрочемъ, на этомъ пути предвидятся организаціонныя и финансовыя затрудненія. А политическія затрудненія? Политическихъ затрудненій не предвидится ни при захватѣ власти, ни при господствѣ рабовъ демократіи. И увѣренность автора во всемъ этомъ покоится: во первыхъ, на своеобразной теоріи государства и революціи; во вторыхъ, на теоріи независимости борьбы за власть отъ уровня развитія производительныхъ силъ, и, въ третьихъ,—на созданной авторомъ философіи исторіи 1871 года. Таковы его предпосылки.

Едва ли точно установленныя прежнія формулы „революціи" и „государства" могутъ быть приняты за аксіомы при изученіи современныхъ государственныхъ переворотовъ. Каждый новый періодъ исторіи, каждый новый политическій кризисъ измѣняютъ и расширяютъ для насъ эти основныя понятія, и примѣненіе старыхъ формулъ при изученіи новѣйшихъ событій не обѣщаетъ богатыхъ выводовъ. И дѣйствительно, Марксъ кладетъ въ основу изслѣдованій революцій 1848 года не эти формулы, а экономическій факторъ, производственныя отношенія. Въ этомъ сущность его матеріалистическаго метода. Формула государства, формула революціи являются у него всякій разъ конечнымъ выводомъ изъ изслѣдованія текущей дѣйствительности. При этомъ опытъ гражданской войны во Франціи 1871 года обогащаетъ представленія о революціи и государствѣ, вынесенныя изъ потрясеній 1848—1850 гг. Троцкій поступаетъ совершенно наоборотъ. Онъ беретъ за предпосылку свое объясненіе государства и революціи, и эта предпосылка ведетъ его прямо къ толкованію характера коммуны 1871, а затѣмъ и нашей русской революціи. При этомъ ему остается объявить второстепеннымъ факторомъ производственныя отношенія.

Государство—это „только рабочая машина въ рукахъ господствующей соціальной силы" [1]) Объективный смыслъ революціи—это борьба

[1]) Подобное опредѣленіе—„государство является только машиной для угнетенія одного класса другимъ"—мы встрѣчаемъ у Энгельса въ его предисловіи къ „Гражданской войнѣ во Франціи" (предпослѣдній абзацъ). Но онъ употребляетъ это упрощенное опредѣленіе государства только въ опроверженіе „суевѣрнаго" и „дѣтскаго" представленія о государствѣ, какъ о „царствѣ Божіемъ на землѣ". Ясно, что для данной цѣли ему не было надобности въ болѣе точномъ опредѣленіи понятія государства".

за (курсивъ нашъ) государственную власть во имя переустройства устарѣвшихъ соціальныхъ отношеній. Первая изъ этихъ двухъ формулъ пригодна только для опредѣленія чистой формы диктатуры буржуазіи въ ея борьбѣ при помощи государства противъ соціальныхъ притязаній пролетаріата. Вторая формула въ рамкахъ буржуазной революціи примѣнима только къ буржуазіи, но не вѣрна въ примѣненіи къ революціонному пролетаріату. Между тѣмъ Троцкій принимаетъ обѣ формулы въ качествѣ аксіомъ при изученіи *всякаго* буржуазнаго государства и всякой *рабочей* революціи. При этомъ, конечно, изъ поля зрѣнія изслѣдователя исчезаетъ компромиссный типъ буржуазныхъ конституціонныхъ монархій и республикъ и *объективный* смыслъ *рабочихъ революцій* прошлаго и настоящаго, въ которыхъ была борьба *противъ* абсолютной власти, но не за власть *рабочей* демократіи. Подобное упрощеніе предпосылокъ донельзя „упрощаетъ“ и способъ разрѣшенія проблемъ революціи.

Марксъ, конечно, неповиненъ въ такомъ упрощеніи анализа революціонныхъ переворотовъ. Для него, напримѣръ, февральское временное правительство 1848 г. во Франціи было и „не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ *компромиссомъ между различными классами*, которые совмѣстными усиліями низвергли іюльскую монархію, но интересы которыхъ были другъ другу враждебны [1]). Спрашивается, къ чему годна при уясненіи характера такой государственной власти теорія „рабочей машины въ рукахъ господствующей соціальной силы“. Буржуазная республика, по Марксу, оказывается компромиссомъ враждующихъ классовъ. Она оказывается формой властвованія всего „буржуазнаго общества“, а не одной „господствующей соціальной силы“. Вмѣстѣ съ конституціонной монархіей – говоритъ Марксъ—„исчезла также фиктивная противоположность между самостоятельнымъ государствомъ и *буржуазнымъ обществомъ*“ [2]). И вотъ „заставивъ... всю Францію принять

Марксъ приблизительно также опредѣляетъ одну изъ текущихъ формъ стараго государства. Но онъ дѣлаетъ это и другія опредѣленія государственныхъ формъ прошлаго (см. гл. III „Гр. война“) именно для противоположенія ихъ „Коммунѣ“ и для того, чтобы опровергнуть еще одну иллюзію современниковъ „Коммуны“, а именно заявленіе Ц. К. національ. гвардіи, будто бы пролетаріатъ долженъ и можетъ просто „взять въ свои руки правительственную власть“. Марксъ на это замѣчаетъ: „Но вѣдь рабочій классъ не можетъ просто захватить государственный механизмъ и направить его сообразно со своими цѣлями“. Послѣ этого слѣдуетъ указанный анализъ старыхъ государственныхъ формъ и опредѣленіе „сфинкса 1871 г.“.

[1]) „Классовая борьба во Франціи“. К. Марксъ. Перев. изд. „Буревѣстникъ“, стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 29. Курсивъ нашъ.

республику, пролетаріатъ... завоевалъ только почву для борьбы за свое революціонное освобожденіе, а отнюдь не само это освобожденіе". Каковы предпосылки таковы и выводы. И какъ далекъ Троцкій со своими „аксіомами" отъ подобныхъ выводовъ, подтверждаемыхъ всѣмъ ходомъ современной исторіи! А вотъ что говоритъ Фр. Энгельсъ въ 1895 году: „не забывайте, что германская имперія есть *продуктъ договора*, какъ и... вообще всѣ новѣйшія государства" [1]). Онъ, представитель рабочаго класса, напоминаетъ тутъ объ условіяхъ этого договора буржуазнымъ фракціямъ. И тутъ формула государства далека отъ той упрощенной схемы, которую даетъ намъ Троцкій.

Наконецъ, и сама „Коммуна" въ опредѣленіи Маркса не подходитъ подъ формулы Троцкаго. По опредѣленію Троцкаго, „Коммуна" была все той же общей формой государственной власти [2]), а, стало быть, для даннаго случая—формой классоваго господства пролетаріата надъ буржуазнымъ Парижемъ. Всѣ опредѣленія „Коммуны" у Маркса прямо противоположны этимъ. Онъ говоритъ [3]): „коммуна являлась истинной представительницей *всѣхъ* здоровыхъ элементовъ французскаго общества и въ силу этого истинно національнымъ правительствомъ"; но, по смыслу его словъ, она не была формой государственной власти въ прежнемъ смыслѣ этого слова; это была диктаторская власть, *„разрушающая государственную власть"* [4]). Это была, наконецъ, открытая (т. е. совершенно новая, только что найденная.—П. С.) форма"; а именно такая „форма, въ которой могло осуществиться освобожденіе труда" [5]). Тутъ Марксъ какъ будто бы избѣгаетъ назвать старымъ терминомъ эту новую „найденную" политическую форму. И у него за ней остаются только названія: „диктаторская власть", „пролетарская диктатура", „Коммуна". Но, не давая ей шаблоннаго названія, онъ даетъ ясное о ней представленіе, когда очерчиваетъ акты ея дѣятельности. Затѣмъ, основываясь на анализѣ реальныхъ общественно-производственныхъ отношеній момента, онъ дополняетъ картину ея тѣмъ, что именно она должна была бы сдѣлать, если бы устояла передъ натискомъ контръ-революціи. Троцкій же излагаетъ вопросъ совершенно не такъ. Онъ предрѣшаетъ, что коммуна есть чистая государственная власть въ формѣ классовой диктатуры. Затѣмъ онъ дѣлаетъ попытку на основаніи этихъ предпосылокъ,—т. е. изъ абстрактной теоріи государства и революціи,—доказать историческую необходимость ея, если

---

[1]) „Классовая борьба во Франціи". Предисловіе Фр. Энгельса. стр. 19. Курсивъ подлинника.

[2]) „Предисловіе", стр. XX.

[3]) Гражданская война во Франціи, стр. 46.

[4]) Тамъ же. стр. 42.

[5]) Фраза эта испорчена обоими указанными переводами.

не въ 1871 году, то въ данное время („черезъ 35 лѣтъ" послѣ Парижской коммуны) для Россіи. Его отвлеченныя предпосылки таковы: власть есть цѣль революціи, и государство есть средство господства. Но что же изъ этихъ двухъ предпосылокъ слѣдуетъ? Очевидно, по большей мѣрѣ, отсюда слѣдуетъ только *субъективная* необходимость, т. е. *надобность*—диктатуры для „субъекта" революцій—пролетаріата. А Троцкій смѣшиваетъ ее съ *объективной* необходимостью, т. е. съ исторической зрѣлостью объективныхъ условій ея возникновенія.

Но вотъ Парижская Коммуна возникаетъ и погибаетъ сначала на глазахъ Маркса и Энгельса,—потомъ въ „Предисловіи" Троцкаго. Черезъ 2 дня послѣ паденія ея Марксъ—и черезъ 35 лѣтъ Троцкій - выступаютъ съ объясненіемъ ея историческаго значенія, каждый со своими научными предпосылками.

Марксъ въ своемъ трудѣ „Гражданская война во Франціи" „обрисовалъ—по словамъ Энгельса - историческое значеніе Парижской Коммуны въ краткихъ, сильныхъ, рѣзкихъ и правдивыхъ чертахъ". И Энгельсъ такъ характеризуетъ основную предпосылку этого объясненія Коммуны: „Въ силу экономическаго и политическаго развитія Франціи, начиная съ 1789 г., вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ Парижъ находится въ такомъ состояніи, что тамъ не можетъ вспыхнуть революція, которая немедленно не приняла бы пролетарскаго характера и немедленно послѣ побѣды, купленной ихъ кровью, пролетаріи не выступили бы со своими требованіями" [1]). Таково было происхожденіе революціонной власти 48 года, таково же и происхожденіе Коммуны". Борьба съ контръ-революціонной буржуазіей выдвинула въ формѣ Коммуны революціонную диктатуру пролетаріата, борьба съ пруссаками сдѣлала ее національнымъ правительствомъ. Пробывъ у власти 2 мѣсяца, Парижская Коммуна погибла. И у Маркса является вполнѣ закономѣрной и естественной такая неустойчивость этой *революціонной* диктатуры. Это непосредственно слѣдуетъ изъ его экономико-соціальныхъ предпосылокъ. „Политическое господство производящаго класса не можетъ существовать на ряду съ его соціальнымъ порабощеніемъ" [2]). Этимъ Марксъ сначала объясняетъ и [3]) *оправдываетъ* всѣ дальнѣйшія,—вслѣдъ за захватомъ власти, мѣропріятія Коммуны, направленныя противъ господства буржуазіи. Но экономически господствующій классъ, въ свою очередь, не имѣлъ надобности терпѣть посягательства на свое господство. И этимъ Марксъ объясняетъ подавленіе возстанія. „Лишь только къ версальскому правительству вернулось немного мужества и силы, какъ оно стало принимать насильственныя мѣры противъ Коммуны [3]). И эти насильственныя

---

[1]) Предисловіе Энгельса къ „Гражданской войнѣ во Франціи", стр. 6.
[2]) „Коммуна", стр. 56.
[3]) „Гражданская война" стр. 74.

мѣры, во всякомъ случаѣ, рано или поздно, достигли бы цѣли, потому что экономическое порабощеніе пролетаріата продолжало существовать и производственныя отношенія были еще не въ пользу этого послѣдняго; а сколько-нибудь прочное и долговѣчное политическое господство экономически-порабощеннаго класса, по мнѣнію *такого* „марксиста", какимъ былъ Марксъ, есть историческій nonsens.

Другой *такой же* „марксистъ", Энгельсъ, говоритъ: „судьба Коммуны снова показала, что не пришло еще время для господства рабочаго класса" [1])...

Но третій „марксистъ", Троцкій, объявляетъ экономико-соціальные факторы второстепенными въ политической борьбѣ факторами и дѣлаетъ отсюда соотвѣтственные выводы относительно возникновенія исторической роли и паденія Парижской Коммуны. Посвященныя этому вопросу страницы III и IV „Предисловія" представляютъ собой тѣсное сплетеніе двухъ разнородныхъ воззрѣній на Коммуну: Маркса и Троцкаго. Отдѣлимъ вторыя и покажемъ, что они опровергаются также приводимыми первыми. Пусть поэтому насъ не обвиняютъ въ *выхватываніи* фразъ: мы принуждены опустить *нахватанныя* мысли именно потому, что мы согласны съ ними. Троцкій говоритъ: „день и часъ, когда власть перейдетъ въ руки рабочаго класса, зависитъ непосредственно не отъ уровня производительныхъ силъ, а... отъ ряда субъективныхъ моментовъ: традиціи, иниціативы, боевой готовности"... Съ этимъ послѣднимъ умозаключеніемъ никакъ нельзя согласиться. И съ нимъ, дѣйствительно, на слѣдующей страницѣ не соглашается и самъ Троцкій, вспоминая философію исторіи Коммуны по Марксу. Марксъ говоритъ и Троцкій повторяетъ, что парижскіе рабочіе взяли въ свои руки власть, что ихъ вынудила къ этому предательство клики Тьера въ дѣлѣ національной обороны. Тутъ выступаетъ не „субъективный моментъ"—традиція захвата власти рабочимъ классомъ, а „объективный" — традиція буржуазіи ставить классовый интересъ выше національнаго, т. е. предательство буржуазіи. Далѣе, власть оказалась въ рукахъ пролетаріата именно потому, что „правительство Тьера... удалилось для своихъ козней въ Версаль и оставило столицу въ рукахъ рабочихъ"... Стало быть, и „иниціатива" въ данномъ случаѣ принадлежала Тьеру, а не пролетаріату. Только въ дѣлѣ обороны противъ контръ-революціи помогла „боевая готовность" національной гвардіи, которая не дала Тьеру украсть ея пушки.

И вотъ на этихъ произвольныхъ предпосылкахъ о „субъективныхъ моментахъ" захвата власти пролетаріатомъ у Троцкаго построена вся схема гражданской войны 1871 года. Подобно тому, какъ захватъ власти

---

[1]) „Классовая Борьба во Франціи". Предисловіе стр. 10 Изд. „Буревѣстникъ".

былъ основанъ на „субъективныхъ моментахъ“, такъ и паденіе Коммуны вызвано „причинами политическаго порядка“. „Если Коммуна разбилась, то вовсе не о недостаточное развитіе производительныхъ силъ, но о цѣлый рядъ причинъ политическаго порядка: блокада Парижа и отрѣзанность его отъ провинцій, крайне неблагопріятная международная обстановка, собственныя ошибки и проч. Отъ аналитика политической исторіи мы вправѣ требовать большаго. Причины, указываемыя Троцкимъ, дѣйствительно объясняютъ намъ, почему Парижъ сдался Пруссакамъ и Тьеру 20 мая 1871 года, а не недѣлю, мѣсяцъ и полъгода позже. Но вѣдь это, такъ сказать, *стратегическое* разрѣшеніе вопроса. Марксъ самъ указывалъ въ числѣ причинъ сдачи Парижа—„измѣну“ [1]. Но мы ждемъ *исторической* разгадки сфинкса 1871 года. И Марксъ далъ намъ ее. Даетъ намъ ее и Энгельсъ. Онъ, напримѣръ, говоритъ о возникновеніи и паденіи Коммуны: „*Даровая* побѣда 1871 г. оказалась такою же *безплодной*, какъ захватъ власти въ 1848 году“ [2]. А „въ 1848 году невозможно было добиться соціальнаго переустройства съ помощью простого захвата власти“, (стр. 9). Итакъ, побѣда 1871 г. была для пролетаріата *даровой*, т. е. самый захватъ власти не стоилъ ему особыхъ усилій, а, стало быть, онъ вызывался именно „объективными“, а не „субъективными“ моментами. Затѣмъ, эта побѣда была „безплодной“ подобно побѣдѣ 48 года, т. е. ни къ чему не привела и ни къ чему не могла привести. Сравните съ этимъ „политическія“ объясненія Троцкаго!

Покончивъ съ условіями возникновенія и паденія „Коммуны 1871 г.“, Троцкій передаетъ намъ *побужденія*, которыми руководствовался парижскій пролетаріатъ въ 1871 году въ своей „борьбѣ за власть“. Это чрезвычайно важный вопросъ! Онъ составляетъ едва ли не главную тему „Воззванія Центральнаго Совѣта Интернаціонала“—т. е. „Гражданской войны во Франціи“ К. Маркса. Марксъ въ этомъ воззваніи является защитникомъ парижскаго пролетаріата на судѣ исторіи. Онъ доказываетъ *объективную необходимость* этой борьбы рабочихъ и преступность жестокаго пораженія Парижа, который возсталъ во имя „возрожденія Франціи“. Онъ постоянно подчеркиваетъ самоотверженность и самопожертвованіе французскихъ пролетаріевъ въ національномъ дѣлѣ. Онъ, наконецъ, доказываетъ „предусмотрительность и умѣренность“ дѣйствій Коммуны у власти. Что же дѣлаетъ Троцкій?—Троцкій подчеркиваетъ такіе „субъективные моменты“, какъ „традиція, иниціатива“, и признаетъ полную „классовую“ трезвость такихъ побужденій пролета-

[1]) Конечно, тоже стратегическую „измѣну“, а не заѣзженную вульгарными марксистами „измѣну буржуазіи“.

[2]) Предисловіе къ „Классовой борьбѣ во Франціи“, стр. 11. Курсивы наши.

ріата, какъ нежеланіе сдать „классовую позицію“ (стр. X), стремленіе „стать хозяиномъ собственной судьбы“ (стр. IV).

Марксъ, дѣйствительно, тоже признаетъ постоянную наличность такихъ побужденій у пролетаріата, но онъ, во-первыхъ, отмѣчаетъ ихъ трагическую роль въ современной жизни массъ, а, во-вторыхъ, оправдываетъ ихъ, ссылаясь на ихъ объективный смыслъ. Онъ говоритъ: [1]) „въ Парижѣ въ моментъ революціи событія толкаютъ пролетаріатъ на попытки, превосходящія его силы“... И въ 1871 году „передъ Парижемъ стояла альтернатива: сложить оружіе по высокомѣрному приказанію возмутившихся рабовладѣльцевъ изъ Бордо... или выступить впередъ, пожертвовать собой за Францію, которая не могла ни спастись отъ разоренія, ни возродиться безъ уничтоженія революціоннымъ путемъ политическихъ и соціальныхъ условій, породившихъ вторую Имперію [2]). А что это были за „условія, породившія вторую Имперію“? Это были условія политическаго и соціальнаго порабощенія *средняго класса*. „Имперія разорила этотъ средній классъ своей растратой общественнаго богатства, своимъ финансовымъ прожектерствомъ, своей помощью ускоренной централизаціи капитала... Она его угнетала въ политическомъ отношеніи, она его развращала своими оргіями, она оскорбляла его вольтеріанство передачей воспитанія дѣтей въ руки „братьевъ“, она возмутила національное чувство всѣхъ французовъ, бросившись очертя голову въ войну... [3]) Во имя уничтоженія этихъ условій порабощенія и развращенія буржуазнаго общества пролетаріатъ жертвовалъ собой въ борьбѣ съ двусмысленнымъ Версалемъ. Средній классъ „чувствовалъ, что передъ нимъ выборъ только между Коммуной и Имперіей, безразлично подъ какимъ именемъ“ [4]). И только благодаря такой сознательности и сочувствію средняго класса, Коммуна очутилась у власти. „Парижская Коммуна взяла въ свои руки руководство революціей (а не „буржуазнымъ обществомъ“ — П. С.)... при неизмѣримо трудныхъ условіяхъ скромно, добросовѣстно и дѣятельно совершали они („простые рабочіе“) свое дѣло“.

Въ противоположность этому Троцкій говоритъ, что въ извѣстный моментъ революціи „объективное развитіе классовой борьбы выдвигаетъ передъ пролетаріатомъ... альтернативу: взять на себя права и обязанности государственной власти или сдать свою классовую позицію“... И Троцкій не находитъ возможнымъ „сдавать классовую позицію“ ни въ какомъ случаѣ и объявляетъ поэтому завоеваніе государственной власти

---

[1]) „Классовая борьба во Франціи“ стр. 32.

[2]) „Коммуна“ стр. 36. Цит. по этому переводу для удобства сравненія.

[3]) „Гражд. война во Франціи“, стр. 45.

[4]) Тамъ же, 45 стр.

очередной задачей русской соціалдемократіи. Непонятно, какую „классовую позицію русскому пролетаріату придется сдавать до „завоеванія государственной власти"? Позицію эксплоатируемаго класса? Будущую „коммунальную" позицію? Но тогда, можетъ быть, лучше и не брать этой позиціи и помолиться богу исторіи—„да мимо идетъ чаша сія"! Мы чувствуемъ, что мѣшаемъ Троцкому расправляться съ логической окрошкой либеральныхъ нападокъ. Но почему же Троцкій въ защитѣ революціи не слѣдуетъ достойному примѣру К. Маркса? Онъ былъ бы тогда неуязвимъ.

Далѣе Троцкій говоритъ о парижскомъ пролетаріатѣ, что въ 1871 г. для него „пробилъ часъ... стать хозяиномъ собственной судьбы". [1]) А вотъ Марксъ и Энгельсъ говорятъ, что тогда для этого „не настало еще время". И тотъ же Марксъ отписываетъ намъ судьбу подобныхъ утопическихъ попытокъ на примѣрѣ иллюзіи 1848 года. Марксъ говоритъ [2]), что „требованія парижскаго пролетаріата, *поскольку они выходили изъ предѣловъ буржуазной республики*, не могли найти другого осуществленія кромѣ туманной Люксембургской коммиссіи". Это, какъ извѣстно, была „коммиссія по изысканію средствъ къ улучшенію положенія трудящихся классовъ". Это была „Соціалистическая синагога", поставленная „рядомъ съ банкомъ и биржей", предназначенная буржуазіей къ тому, чтобы „отвлечь вниманіе парижскаго пролетаріата". И вспомните, что отъ подобныхъ иллюзій приходится, по словамъ Маркса, отдѣлываться только цѣлымъ рядомъ пораженій!

Но вотъ парижскій пролетаріатъ оказался у власти и принимаетъ тѣ мѣры, къ которымъ его обязываетъ положеніе. Марксъ и тутъ беретъ на себя защиту его отъ обвиненій въ утопизмѣ и подчеркиваетъ „умѣренность" его мѣропріятій. Троцкій, наоборотъ, прямо изъ коммуны выводитъ общую схему прочной „диктатуры пролетаріата". Онъ намѣчаетъ переходъ къ „коллективистской практикѣ". Онъ предлагаетъ пролетаріату „сейчасъ же по завоеваніи имъ власти" такія тактическія мѣры: „упрочить свое положеніе, вооружить революцію, разоружить реакцію, расширить базу революціи (подчинивъ себѣ крестьянство—П. С.), перестроить государство. „Коллективистская практика" должна состоять „въ организаціи производства за государственный счетъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ, по системѣ оазисовъ. Затѣмъ должно послѣдовать нѣсколько „простыхъ дѣлъ": уничтоженіе права наслѣдства, экспропріація земельнаго и промышленнаго капитала. Авторъ, впрочемъ, признаетъ организаціонныя и финансовыя затрудненія двухъ послѣднихъ „экспропріацій". Въ общемъ онъ воспроизводитъ картину Коммуны съ

---

[1]) Классовая борьба во Франціи, стр. 31. Курсивъ нашъ.

[2]) Иллюзія, понятная для участниковъ борьбы, но не для теоретика марксизма черезъ 35 лѣтъ.

пропускомъ всѣхъ тѣхъ „бы“, которые, какъ мы уже указывали, пропущены авторомъ плохого перевода „Коммуны“. Марксъ употребляетъ сослагательное наклоненіе, имѣя въ виду историческую незрѣлость событій, крушеніе Коммуны на рифахъ міровыхъ производственныхъ отношеній. Троцкій находитъ возможнымъ примѣнить плохой переводъ Коммуны къ Россіи „черезъ 35 лѣтъ“, обѣщая намъ „колоссальный шагъ впередъ по сравненію съ Коммуной 71 года“. На какомъ основаніи? Вѣдь даже и не наши-то предки по прямой линіи спасали... „классовую позицію“ пролетаріата!... И съ этимъ „планомъ“ Троцкій подходитъ къ нашей революціи 1905 года.

III. Иллюзіи революціи.

По мнѣнію Троцкаго, завоеваніе государственной власти въ извѣстный моментъ революціи становится очередной задачей соціалдемократіи. Наступилъ ли для насъ этотъ моментъ? На это Троцкій отвѣчаетъ такъ: „За послѣдній годъ революція, проявившая колоссальный запасъ энергіи и неутомимости, не создала тѣмъ не менѣе ни одного государственнаго учрежденія...“ (стр.—XI) Она „безплодна“ и „не даетъ установиться какому нибудь буржуазно-конституціонному порядку, который могъ бы разрѣшить самыя примитивныя задачи демократіи“. (стр. XII и XV). А буржуазная демократія безсильна и ничтожна (стр. XII). Отсюда дѣлается такое заключеніе: „Пролетаріатъ — *единственная* руководящая и *главная* боевая сила революціи. Онъ овладѣетъ всѣмъ ея полемъ, его не удовлетворитъ и не удовлетворяетъ никакая уступка,— съ передышками и временными отступленіями онъ будетъ вести революцію до побѣды, которая передастъ ему власть“. (стр. XII). Если эти предпосылки вѣрны, то, дѣйствительно, передъ пролетаріатомъ выдѣляется задача *временной, революціонной* диктатуры. Уже сама по себѣ такая задача—колоссальна, хотя она и несравненно проще, нежели прочный захватъ власти. И выполненіе ея будетъ подвигомъ самопожертвованія со стороны русскихъ пролетаріевъ во имя спасенія Россіи. Задача эта колоссально трудна именно потому, что „пролетаріатъ—*единственная* руководящая сила революціи“. Однако же задача эта всетаки выполнима, пока буржуазія и, особенно, *буржуазная демократія* — не вступаетъ въ борьбу противъ революціи. Въ этомъ случаѣ для пролетаріата рѣчь заходитъ о томъ, чтобы узурпировать право борьбы. Буржуазія,—говоритъ Марксъ,—разрѣшаетъ пролетаріату узурпацію борьбы, но только узурпацію борьбы, а не узурпацію власти.

Однако, Троцкій ставитъ революціи далеко болѣе обширныя задачи. Онъ предлагаетъ расширить сначала „базу революціи“, затѣмъ расширить и—„задачу“ ея. Возможность перваго онъ видитъ въ томъ, что „хозяйственное развитіе уже давно сдѣлало соціализмъ объективно-выгоднымъ строемъ“.

Намъ придется на моментъ остановиться на этой новой предпосылкѣ. Конечно *„объективную* выгодность“ соціализма можно доказывать даже и по отношенію къ десяткамъ милліоновъ нашего обнищавшаго крестьянства. И тѣмъ болѣе велика эта *относительная* выгодность соціализма для обнищавшихъ крестьянъ, чѣмъ болѣе они у насъ страдаютъ отъ недостатка развитія капитализма. Но какой смыслъ имѣетъ такая отвлеченная—даже матафизическая — постановка вопроса при „расширеніи базы революціи“! Вѣдь въ *такомъ* смыслѣ для кочевыхъ народовъ востока соціализмъ еще болѣе *„выгоденъ“*. Но для того, чтобы на этомъ фактѣ построить „расширеніе революціонной базы“, придется еще сдѣлать нашихъ крестьянъ, жаждущихъ только земли, достаточными „объективистами“ въ этомъ вопросѣ, иными словами, - подчинить ихъ вліянію соціалдемократіи. Задача, однако, не становится легче отъ перемѣны ея формулировки.

Но Троцкій въ своемъ предисловіи справляется еще и не съ такими трудностями! Онъ не признаетъ краснорѣчія фактовъ! А убѣдительность доводовъ компетентныхъ людей на него не дѣйствуетъ.

Каутскій, напримѣръ, совсѣмъ не надѣется на сочувствіе современныхъ русскихъ крестьянъ соціализму. Правда, Каутскій допускаетъ возможность союза крестьянъ съ соціалистами противъ контръ-революціонеровъ и либераловъ [1]), но онъ при этомъ имѣетъ въ виду поддержку крестьянъ соціалистамъ только во имя задачъ буржуазно-демократической революціи и предостерегаетъ отъ преувеличенныхъ ожиданій во всемъ, что касается крестьянства и его жажды земли [2]). Марксъ тоже указывалъ на возможность сочувствія крестьянъ Коммунѣ, но опять-таки въ демократическихъ ея задачахъ. По его словамъ, Коммуна „была совершенно права, когда она говорила крестьянамъ“: Ваша надежда въ нашей побѣдѣ. Но только потому она могла выступить исполнительницей крестьянскихъ надеждъ, что она,—какъ онъ говоритъ,—была „разрушительницей строя второй имперіи“. Онъ отмѣчаетъ, что сочувствіе крестьянъ Коммунѣ было готово реализоваться въ 1871 году: „Krautjunker'ы знали—и болѣе всего боялись этого,—что три мѣсяца свободнаго общенія между парижской коммуной и провинціей вызовутъ общее крестьянское возстаніе“ [3]). Однако, и здѣсь имѣется въ виду только возстаніе, имѣющее близкую демократическую цѣль, а именно возстаніе противъ людей „которымъ они (т. е. крестьяне) послѣ 1815 г. заплатили милліардное вознагражденіе за свои

---

[1]) „Аграрный вопросъ въ Россіи“. К. Каутскій, стр. 5. Каутскій имѣетъ здѣсь въ виду „земскихъ либераловъ“, какъ представителей крупнаго землевладѣнія, враждебнаго интересамъ крестьянъ.

[2]) Тамъ же, стр. 5.

[3]) Гражданская война во Франціи, стр. 45.

надѣлы, т. е. противъ помѣщиковъ". Такому возстанію еще далеко до соціальнаго возстанія *пролетаріата*. Поэтому Марксъ и говорилъ о пролетаріатѣ 1871 г.: „онъ знаетъ, что для своего освобожденія... ему придется вести долгую борьбу, придется пережить цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые совершенно измѣнятъ и людей, и среду" [1]).

И конечно, 35 пѣтъ впередъ, да еще съ перенесеніемъ мѣста дѣйствія въ капиталистически - отсталую Россію, по меньшей мѣрѣ не улучшаютъ условій, людей и среды, а въ частности, не создаютъ въ нашей „крестьянской" странѣ особенной воспріимчивости крестьянства къ соціализму и не увеличиваютъ возможностей прочнаго успѣха для новой Коммуны путемъ *расширенія базы революціи*.

Подите же, поговорите съ Троцкимъ! Онъ, не взирая ни на что заставляетъ буржуазію сдать пролетаріату „всѣ свои революціонныя позиціи" и „гегемонію надъ крестьянствомъ". Послѣ этого, конечно, „крестьянству останется лишь присоединиться къ режиму рабочей демократіи". А что если „крестьянство оттѣснитъ пролетаріатъ и займетъ его мѣсто?" Троцкій самъ себѣ ставитъ этотъ роковой вопросъ. Марксъ по поводу февральской республики говоритъ [2]): „Всеобщее избирательное право отдало судьбу Франціи въ руки номинальныхъ собственниковъ, составляющихъ большинство французскаго народа, въ руки *крестьянства*". А оно, какъ извѣстно, передало Францію въ руки Наполеона III. Каутскій, упоминая о томъ, что крестьянство составляетъ большинство русскаго народа, говоритъ: «ихъ бытъ будетъ вліять на характеръ государства тѣмъ болѣе, *чѣмъ демократичнѣе будутъ становиться государственныя формы*" [3]). Вопреки тому и другому Троцкій категорично самъ себѣ отвѣчаетъ: „Это невозможно. Весь историческій опытъ протестуетъ противъ этого предположенія. Онъ показываетъ, что крестьянство совершенно неспособно къ *самостоятельной* политической роли. Исторія капитализма — это исторія подчиненія деревни городу». Тутъ онъ видитъ въ исторіи какъ разъ обратное тому, что видѣлъ Марксъ въ „18-омъ Брюмера Луи Бонопарта". Для *Маркса выборы* Наполеона III въ Президенты это была *„крестьянская реакція деревни противъ города*, деревни, которая оплачивала расходы февральской революціи" [4]). А, стало быть, это была крестьянская реакція противъ революціоннаго, демократически-республиканскаго народа. Выходитъ, что и исторія не очень-то „протестуетъ".

Такимъ образомъ, расчеты Троцкаго на „расширеніе базы революціи"

---

[1]) Тамъ же, стр. 44.

[2]) „Классовая борьба во Франціи" стр. 30.

[3]) Аграрный вопросъ въ Россіи, стр. 22, курсивъ нашъ.

[4]) „18-е Брюмера Луи Бонопарта" стр. 28. Курсивъ подлинника.

по меньшей мѣрѣ проблематичны. Но на нихъ онъ строитъ оправданіе пролетарской „иниціативы и традиціи“ въ захватѣ власти. Однако, оставимъ въ покоѣ „расширеніе базы“, а провѣримъ самую „базу“ прежде всего въ такомъ ея видѣ, какъ она существовала для парижской коммуны 71 г. Такой базой являлся *„средній классъ“*. „И дѣйствительно“— говоритъ К. Марксъ — „послѣ того, какъ вся бонапартистская и капиталистическая богема удалилась изъ Парижа, истинная партія порядка средняго класса показала себя въ формѣ „Республиканскаго Союза“, соединившагося подъ знаменемъ Коммуны... „Но уже и тогда для Маркса возникалъ вопросъ: „Устоитъ ли сознательность этого большинства изъ средняго класса передъ тяжелыми испытаніями настоящей минуты? На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить только время“ [1]).

Что же касается насъ и прочности нашей „базы“, то изъ опыта минувшаго революціоннаго года должно быть ясно, что расчетъ на служеніе массы средняго класса дѣлу даже и буржуазжной революціи не очень-то проченъ. Отсюда, повторяемъ, правиленъ былъ бы выводъ о необходимости для пролетаріата „узурпаціи борьбы“. Троцкій же дѣлаетъ непонятный выводъ о необходимости узурпаціи власти, и эта идея приводитъ его къ идеѣ необходимости „расширенія базы революціи“. Конечно, безъ этого „расширенія базы“ ему никакъ не довести до благополучнаго конца своихъ построеній. Но это предполагаемое „расширеніе“ прямо противорѣчитъ исходной предпосылкѣ объ „одиночествѣ“ рабочаго класса. Получается логическій „порочный кругъ“.

Несомнѣнно, что „одиночество“ пролетаріата можетъ, дѣйствительно, стать исторической предпосылкой соціальной революціи. Но для этого пролетаріату сначала нужно стать количественно и качественно „національной силой“. Тогда онъ пойдетъ къ захвату власти, не останавливаясь надъ вопросомъ о расширеніи революціонной базы. Достаточное развитіе *промышленнаго* пролетаріата является первой необходимой предпосылкой соціальной революціи. А это развитіе, въ свою очередь, требуетъ зрѣлости другихъ историческихъ условій. Такъ на это смотритъ К. Марксъ. И здѣсь можно было бы привести множество выдержекъ въ подтвержденіе этого. Но ограничимся одной полустраницей изъ „Классовой борьбы во Франціи“:

„Вообще развитіе промышленнаго пролетаріата обусловлено развитіемъ промышленной буржуазіи. Лишь подъ ея господствомъ онъ выростаетъ въ національную силу, способную придать его революціи національные размѣры, лишь подъ ея господствомъ онъ создаетъ современныя средства производства, служащія въ тоже время средствами его революціоннаго освобожденія. Лишь ея господство вырываетъ съ корнемъ остатки феодальнаго строя и подготовляетъ почву, на которой

[1]) „Коммуна“ стр. 53.

единственно возможна рабочая революція. Франція самая промышленная страна на всемъ континентѣ, а ея буржуазія самая революціонная. Но уже тотъ фактъ, что февральская (1848 г. — П. С.) революція, главнымъ образомъ, направлялась противъ финансовой аристократіи, показалъ, что промышленная буржуазія не господствовала во Франціи" (стр. 31, 32).

Что же послѣ этого сказать о русской революціи 1905 года, которая направлялась, главнымъ образомъ, противъ *абсолютизма?* Очевидно, нужно признать, что „промышленная буржуазія" не господствуетъ въ Россіи, а, стало быть, русскій пролетаріатъ не могъ еще достигнуть той степени развитія, которая сдѣлаетъ изъ него „національную силу". А, стало быть, и надежда на расширеніе очередныхъ задачъ революціи путемъ расширенія ея базы есть *иллюзія*, созданная революціоннымъ подъемомъ этого года. Она и разбилась о первое „пораженіе революціи".

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что данная литературная иллюзія вызвала трагическія декабрьскія событія и была причиной декабрьскаго „пораженія". Мы только подчеркиваемъ то обстоятельство, что объяснимая въ дни революціоннаго возбужденія мечтательность разлетается вдребезги при столкновеніи съ слишкомъ рѣзущими фактами реальной дѣйствительности.

„Революція не кубарь, который можно кнутомъ гнать впередъ", подобно тому какъ „она и не Черное море", разсѣкаемое ударомъ Моисеева жезла. Это совершенно вѣрно замѣчаетъ Троцкій. Но все это еще не значитъ, что идеологическое служеніе революціи должно выражаться въ преклоненіи передъ ея стихійными порывами. И не подобаетъ „марксисту" быть жрецомъ ихъ, хотя бы и во имя страстнаго служенія дѣлу революціи на основѣ довѣрія къ ней. Революція для Троцкаго—не кубарь и не Черное море, послушливое Моисеямъ. Но она для него—матушка Волга. И онъ самъ передъ ней стоитъ въ образѣ атамана Разина. На ея могучихъ струяхъ онъ думаетъ раздобыть рабочему народу вольную волю, и ей въ жертву онъ приноситъ свою „княжну персидскую",—быстрому бѣгу революціи онъ приноситъ въ жертву научную критику. Но революцію нельзя подкупить. Она ненасытно поглощаетъ „лицъ, иллюзій, взгляды, проекты" и не становится отъ этого внимательнѣе къ субъективнымъ желаніямъ. Она несетъ впередъ къ побѣдѣ только зрѣлыя соціальныя силы, а вѣрный путь къ этой побѣдѣ прокладываетъ только правильный историческій методъ изслѣдованія.

П. Стрѣльскій.

Въ Манчжурскихъ арміяхъ.

II.

Громадный успѣхъ революціонной литературы среди войскъ, явное сочувствіе не только со стороны солдатъ, но и со стороны офицеровъ къ забастовщикамъ и всѣмъ повиннымъ въ Россійской „смутѣ", угрожающее по своимъ размѣрамъ революціонное броженіе въ арміяхъ, мѣстами вылившееся въ солдатскія организаціи „самообороны" и въ открытый переходъ войскъ на сторону народа, наконецъ, захватъ забастовочными комитетами спеціально военной функціи—дѣла эвакуаціи войскъ—и умѣлое ея выполненіе,—все это вмѣстѣ взятое заставило высшее начальство призадуматься надъ вопросомъ, можетъ ли оно расчитывать еще на армію, можетъ ли оно расчитывать даже на свое офицерство.

Въ то же время Петербургское правительство, напрягшее всѣ свои силы на то, чтобы хозяйничать въ завоеванной странѣ еще о д и н ъ, еще хоть д в а года, исходя изъ правильнаго положенія „если не теперь, то когда же?", запросила съ своей стороны Манчжурскихъ военачальниковъ, въ какой мѣрѣ оно можетъ расчитывать на армію. Военачальники стали готовиться,—они занялись пропагандой контръ-революціи.

Командующій 3-ей арміей генералъ Батьяновъ собралъ 26-го Ноября въ Яомыни своихъ георгіевскихъ кавалеровъ, напоилъ ихъ до зеленаго змія и обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью: „Солдаты и офицеры! Служба въ Россіи связала насъ по рукамъ и ногамъ: мы жаждемъ отправить на родину запасныхъ, а желѣзнодорожные рабочіе и служащіе бастуютъ и не хотятъ возить ихъ! Когда мы ѣхали изъ Россіи, насъ везли на девяти поѣздахъ и болѣе, а обратно, благодаря забастовкамъ желѣзныхъ дорогъ, только съ трудомъ отправляются два поѣзда. Я прослужилъ 4-мъ царямъ и скажу Вамъ, что Россія стала богата и могущественна только благодаря царямъ, а не народу. Мы здѣсь сидимъ и ожидаемъ отъѣзда въ Россію, у меня самого десять душъ дѣтей, мы всѣ рвемся на родину, а насъ держатъ. Причина этому—желѣзнодорожныя забастовки! Служащіе требуютъ прибавки жалованья,—имъ мало! Что же получаютъ крестьяне? Вотъ формируются желѣзнодорожные баталіоны, и когда мы займемъ дорогу, то выгонимъ служащихъ и ихъ семьи съ дѣтьми на морозъ; пусть тогда слезы женщинъ и дѣтей заставятъ ихъ работать за самую ничтожную плату и раскаяться въ своихъ поступкахъ. ...Въ Томскѣ народъ уже расправился съ этими забастовщиками и революціонерами—онъ сжегъ 600 смутьяновъ; и Вы, господа, расправляйтесь съ ними также—жгите ихъ, уби-

вайте, не щадите никого!! Затѣмъ, что нужно евреямъ? Это пришельцы въ Россію, и ихъ защищаетъ правительство, а то бы не осталось камня на камнѣ. Они являются первыми зачинщиками и подстрекателями, преслѣдуя свои интересы".

Другой командующій—генералъ Назаровъ—сталъ агитировать въ томъ же направленіи и въ своей газетѣ „Военная Жизнь" натравливалъ солдатъ на рабочихъ и революціонеровъ, какъ на истинныхъ виновниковъ ихъ горестнаго положенія. Командиръ 8-ой Восточно-Сиб. Стрѣлк. дивизіи генералъ Лашкевичъ въ концѣ октября издалъ приказъ въ духѣ, возбуждающемъ чиновъ арміи противъ желѣзнодорожниковъ, обвиняя послѣднихъ въ безпорядкахъ эвакуаціи запасныхъ и плѣнныхъ. 27 ноября на станціи Цайд-зя-гоу командующій пятой дивизіей генералъ Полковниковъ въ присутствіи массы нижнихъ чиновъ и офицеровъ сталъ поносить желѣзнодорожниковъ и евреевъ, которыхъ онъ объявилъ истинными виновниками того, что армія до сихъ поръ торчитъ въ Манчжуріи. „Если вы хотите домой, то необходимо всѣхъ ихъ перебить, перерѣзать и загнать въ степи къ Монголамъ". Главнокомандующій Линевичъ распространялъ въ арміи свои прокламаціи, въ которыхъ по поводу Владивостокскихъ событій выставлялъ стачечниковъ виновниками задержки запасныхъ. Словомъ, черносотенники въ образѣ командующихъ принялись за свою работу усердно и беззастѣнчиво.

Но страшныя вѣсти изъ Забайкалья и Сибири, грозное положеніе вещей на театрѣ военныхъ дѣйствій заставили тревожимыхъ и допрашиваемыхъ изъ Петербурга Линевича, Надарова и проч. ихъ военачальниковъ рѣшиться созвать въ Харбинѣ митингъ офицеровъ для выясненія нѣкоторыхъ бытовыхъ сторонъ офицерства, какъ сказано было въ объявленіяхъ и пригласительныхъ запискахъ, на самомъ же дѣлѣ для выясненія его политической благонадежности.

Ни для кого въ арміи не было тайной, съ какими надеждами связывался созывъ этого митинга. Усиленно готовились къ нему черносотенники, но готовилось также и прогрессивное офицерство. Несомнѣнно однако, что реакціонные элементы арміи знали гораздо раньше объ этой затѣѣ командующихъ и при благосклонномъ участіи и ревностной поддержкѣ высшаго начальства имѣли въ своемъ распоряженіи гораздо больше времени для того, чтобы собрать свои силы.

Дѣлая нѣсколько дней подрядъ въ Харбинскихъ газетахъ объявленія, коими на митингъ приглашались офицеры всякихъ чиновъ и ранговъ, начальствующіе тѣмъ временемъ употребили всю свою энергію на то, чтобы митингъ этотъ высказалъ мнѣнія и взгляды, идущіе въ унисонъ со взглядами и намѣреніями начальства. Доказательствомъ тому были не только упорно циркулировавшіе объ этомъ въ городѣ слухи, но и посылка на этотъ митингъ вѣрныхъ, испытанныхъ слугъ изъ всѣхъ

тѣхъ мѣстъ, гдѣ войска расположились на зимнія стоянки. И, отправляясь на этотъ митингъ, многіе—и я въ томъ числѣ—были увѣрены, что идемъ мы на митингъ черносотенцевъ par excellence. И если тѣмъ не менѣе митингъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, то это обстоятельство должно явиться сугубымъ memento mori (напоминаніемъ о смерти) для всѣхъ тѣхъ, кто еще питаетъ тайную надежду вернуться къ старому порядку.

Какъ я уже указывалъ, у прогрессивнаго офицерства мало было времени для того, чтобы организоваться и собрать свои силы, но кое-что оно все же сдѣлало. Такъ, за два дня до митинга часть офицеровъ собралась и спѣшно намѣтила тѣ вопросы, которые они имѣли въ виду предложить на обсужденіе митингу. И 2-го декабря утромъ отъ ея имени появилось въ газетѣ слѣдующее письмо:

„Въ виду назрѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ о положеніи чиновъ военнаго вѣдомства и реорганизаціи, мы покорнѣйше просимъ помѣстить на столбцахъ вашей газеты нижеслѣдующіе вопросы, отъ благопріятнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ будущее благо всего нашего русскаго государства вообще и русской арміи въ частности:

1) Уравненіе гвардіи съ арміей!

2) Уравнять образовательный цензъ.

3) Уничтоженіе кадетскихъ корпусовъ.

4) Изыскать новыя основанія для связи офицера съ солдатами путемъ введенія разумной сознательной дисциплины (отмѣна стараго дисциплинарнаго устава). Уваженіе къ личности всѣхъ чиновъ арміи и обращеніе на „Вы“ къ солдатамъ.

5) Задача арміи, какъ хранительницы отъ внѣшнихъ враговъ, но ни въ какомъ случаѣ не употребленіе ея для политическихъ надобностей.

6) Совершенная отмѣна смертной казни.

7) Улучшеніе солдатскаго быта въ образовательномъ, воспитательномъ и матеріальномъ отношеніи и введеніе солдатскихъ судовъ.

8) Свобода ношенія штатскаго платья внѣ службы.

9) Свобода собраній офицеровъ для обсужденія различныхъ вопросовъ и отмѣна чиновнаго начала при избраніи офицеровъ на общественныя должности.

10) Отмѣна всякихъ процентныхъ ограниченій, распространенныхъ на лицъ другихъ вѣроисповѣданій въ арміи.

11) Право участія въ митингахъ, во всѣхъ собраніяхъ, обществахъ и т. д.— Офицеры“.

Другая часть офицеровъ также устроила совѣщаніе наканунѣ предстоящаго митинга и выработала программу болѣе радикальнаго характера. Она ее не напечатала предварительно, а явилась съ ней на самый митингъ. Этими двумя наскоро созванными совѣщаніями и ограничилась предмитинговая агитація въ прогрессивной средѣ офицерства.

Когда народъ собрался, еще до открытія митинга стало ясно, какія мысли и чувства обуревали офицерство. Въ разныхъ углахъ только и было рѣчи, что о забастовочныхъ комитетахъ, смутѣ, полномъ растлѣніи армія, абсолютной потерѣ власти надъ солдатами, вилянiи правительства, объ обманутомъ въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ Государѣ, стрѣльбѣ въ народъ и глубокой ненависти къ офицерству, казачеству и т. д. и т. д. Надаровъ, окруженный генералами, полковниками, офицерами, сталъ имъ говорить, что начальство не сомнѣвается, конечно, въ вѣрности офицеровъ данной присягѣ,—ни главнокомандующій, ни онъ ни на минуту не сомнѣваются въ томъ, что подчиненное имъ офицерство пойдетъ туда, куда ему прикажутъ, и будетъ дѣлать то, что ему прикажутъ, но имъ хотѣлось бы, чтобы и души офицеровъ были съ ними; чтобы офицерство подчинялось не только за страхъ, но и за совѣсть, съ любовью. Цѣлью настоящаго митинга и является узнать ихъ чувства, ихъ думы, высказанныя ими *свободно*. Всѣ эти разговоры велись до открытія митинга.

Открывъ митингъ, ген. Надаровъ произнесъ рѣчь, о которой одна весьма умѣренная харбинская газета на слѣдующій день выразилась, что „она не въ силахъ повторить ее, такъ какъ перо у нея вываливается изъ рукъ“. Какъ бы испугавшись своего предложенія высказаться *свободно*, генералъ постарался затѣмъ своею рѣчью дать вполнѣ опредѣленное направленіе митингу. Онъ говорилъ о томъ, что растлѣніе въ войскахъ вызвано революціонерами и желѣзнодорожными стачечными комитетами, что солдаты и офицеры все же не поддаются революціонной пропагандѣ и во всякую минуту готовы броситься на агитаторовъ и забастовщиковъ; что хотя долгъ офицерства удерживать солдатъ отъ кровопролитія, но такъ какъ стачечники и революціонеры сами открыто рвутся въ бой и раздражаютъ армію своими забастовками и пропагандой, то ничего другого не остается, какъ принять вызовъ и тогда... тутъ звѣриная натура генерала прорвалась наружу, и онъ кончилъ такъ, какъ хотѣлъ кончить,—призывомъ къ избіенію стариковъ, матерей, младенцевъ: „Пока у насъ миръ въ арміи“, сказалъ генералъ, „но, господа, недалекъ, быть можетъ, тотъ день, когда я призову всѣхъ Васъ на войну! И тогда никого не пощадимъ! Я пойду тогда во главѣ всѣхъ Васъ съ мечомъ въ рукѣ и первый буду рубить,—рубить сыновей, матерей, стариковъ, дѣтей, младенцевъ!“...

Сказавъ это патріотическое слово, генералъ Надаровъ уступилъ предсѣдательство генералу Глинскому и удалился, попросивъ собраніе поразмыслить надъ тѣмъ, что онъ сказалъ, и вообще надъ тяжелымъ моментомъ, переживаемымъ родиной.

Кучка охранителей изжившаго порядка сгрудилась вокругъ кафедры: она пѣла въ унисонъ своему начальству. Но громадное, подавляющее большинство собранія отнеслось къ рѣчи своего начальника и повелителя съ рѣзкимъ порицаніемъ и сочла ее явно преступною. Подавляющее

большинство категорически заявило, что оно рѣшительно примыкаетъ къ охватившему родину освободительному движенію. Оно заявило, что считаетъ смуту и забастовки необходимымъ слѣдствіемъ неискренности правительства въ проведеніи имъ завоеванныхъ народомъ правъ. „Не войну смутѣ и всякимъ стачечнымъ комитетамъ должны мы объявить, а миръ! Не воевать, а войти съ ними въ соглашеніе должны мы!“ „Стрѣлять или не стрѣлять въ народъ, въ забастовщиковъ?“ Все въ залѣ притаилось, когда одинъ изъ ораторовъ рѣзко поставилъ этотъ вопросъ. „Будемъ ли мы клятвопреступниками, ежели откажемся стрѣлять?“ „Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ?“ было отвѣтомъ многочисленныхъ ораторовъ и *всего*, буквально *всего* собранія. Это *нигдѣ* было *такъ* сказано, что *никто* не осмѣлился хотя бы робко возразить противъ него! Новоявленный Иродъ очутился въ крайне смѣшномъ и жалкомъ положеніи, ибо мечъ, которымъ онъ собрался избивать младенцевъ, сталъ казаться бумажнымъ мечомъ.

Въ виду того значенія, которое Харбинскій митингъ имѣетъ въ качествѣ показателя настроенія нашего офицерства, сосредоточеннаго въ Манчжуріи, я приведу здѣсь рѣчи многочисленныхъ ораторовъ, говорившихъ на этомъ митингѣ. Я записывалъ эти рѣчи на самомъ митингѣ и дополнилъ записи тотчасъ же послѣ митинга по свѣжей памяти.

Вслѣдъ за Надаровымъ выступило нѣсколько ораторовъ Надаровскаго толка, въ томъ числѣ и начальникъ военныхъ сообщеній полк. Захаровъ. Дисциплины въ войскахъ нѣтъ никакой, признавались они; армія совершенно растлѣла: солдатъ чести не отдаетъ, приказовъ не исполняетъ. Во всѣхъ трехъ арміяхъ и въ тылу, какъ далекомъ, такъ и близкомъ, броженіе среди солдатъ достигло крайнихъ предѣловъ, и возможно, что въ то самое время, когда здѣсь происходитъ митингъ, тамъ уже начался разгромъ такой, который затмитъ Владивостокскій. Необходимо отдѣлить запасныхъ отъ дѣйствительныхъ,—первыхъ немедленно отправить на родину, а со вторыми двинуться противъ забастовщиковъ и революціонеровъ. Необходимо сокрушить власть стачечныхъ комитетовъ, уничтожить, истребить революціонеровъ и среди нихъ главнымъ образомъ соціалъ-демократовъ. Если этого не сдѣлать, тогда плоха надежда и на солдатъ дѣйствительной службы. Что такое соціализмъ? чего хотятъ соціалъ-демократы? Они говорятъ, что хотятъ наступленія золотого царства на землѣ? Они стремятся къ тому, чтобы не было никакого начальства, никакого правительства, чтобы никто не подчинялся, и никто не смѣлъ приказывать. Они хотятъ, чтобы на землѣ былъ сверхчеловѣкъ. Этого же домогается и Нитцше, ихъ вождь, которому они слѣпо подчиняются. Есть много офицеровъ, которые совѣтуютъ арміи войти въ соглашеніе со стачечниками, революціонерами,—но тогда престижъ начальства совершенно рухнетъ. Солдаты не слушаются насъ, мы даже боимся давать имъ приказанія,—поэтому нужна строгая суровая дисциплина. Мы дол-

жны вполнѣ положиться на начальство и правительство, которыя желаютъ намъ и русскому народу добра и исполняютъ волю Государя". „Почтово-телеграфные чиновники, говорилъ одинъ изъ ораторовъ, захвативъ почту и телеграфъ въ свои руки, систематически лгутъ и возстановляютъ армію противъ правительства! Правительство вовсе не медлитъ, оно свято выполняетъ свое и государево дѣло, — только мы этого не знаемъ". . . Ораторамъ не давали говорить: ихъ прерывали на каждомъ шагу, ихъ сгоняли, чуть ли не стаскивали съ кафедры; но явно покровительствуемые предсѣдателемъ—генераломъ Глинскимъ – они неизмѣнно снова появлялись лишь для того, чтобы сказать еще два-три слова, заглушаемыхъ всеобщимъ взрывомъ негодованія. Сначала умѣренно, а затѣмъ все смѣлѣе и радикальнѣе стала высказываться другая серія ораторовъ. „Не въ томъ растлѣніе арміи, говорилъ одинъ изъ нихъ, что солдатъ чести не отдаетъ и приказаній не исполняетъ, а въ томъ, что высшее начальство и все офицерство потеряли всякій нравственный авторитетъ въ глазахъ солдата (этого авторитета, быть можетъ, никогда и не было!); въ томъ, что высшіе начальники потеряли всякій авторитетъ въ глазахъ нисшихъ начальниковъ; въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ офицеръ отдѣленъ отъ солдата китайской стѣной, не знаетъ и не хочетъ знать чувствъ и помысловъ солдата, всячески третируетъ его не только во время ученія, но когда угодно и гдѣ угодно; растлѣніе въ томъ, что то, что строжайше воспрещено солдату, совершенно безнаказанно сходитъ съ рукъ офицеру; въ томъ, что многіе и многіе офицеры на глазахъ у солдатъ прокучиваютъ цѣлыя ночи напролетъ, пьянствуютъ, развратничаютъ, играютъ въ карты, а солдата, если онъ поиграетъ въ карты, ставятъ подъ ружье, сажаютъ въ карцеръ; растлѣніе въ томъ, что и безъ того тощая солдатская копеечка, пока она доходитъ до солдата, застрѣваетъ въ карманахъ несолдатскихъ". . . „До войны,—говорилъ другой, у начальства былъ авторитетъ силы,—имъ армія держалась,—теперь этотъ авторитетъ испарился, и армія, какъ цѣлое, распадается. Почему солдатъ съ жадностью набрасывается на прокламаціи смутьяновъ? Потому что смутьянъ умѣетъ улавливать солдатскую душу! Смутьянъ знаетъ, гдѣ солдату щемитъ! Если мы истребимъ всѣхъ смутьяновъ и соціалъ-демократовъ,—какъ это совѣтуютъ наши товарищи—лучше ли станетъ тогда, сумѣемъ ли мы приблизиться къ солдату, понять его? Намъ говорили здѣсь, чего хотятъ соціалъ-демократы, что такое соціализмъ! Не вѣрнѣе ли будетъ пригласить соціалъ-демократовъ сюда и спросить у нихъ самихъ, чего они домогаются, а не узнавать объ этомъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ? Быть можетъ, они разскажутъ намъ свой секретъ уловленія солдатскихъ душъ?! Тогда, быть можетъ, не надо будетъ истреблять ихъ, а возможно будетъ войти съ ними и со всѣми забастовочными комитетами въ какое-либо соглашеніе!". „Забастовщики и соціалъ-

демократы, говорилъ третій ораторъ, не вѣрятъ правительству, но и мы ему вѣрить перестали! Они раньше, мы позже! Если мы—офицеры—не войдемъ въ соглашеніе со стачечниками и соціалъ-демократами, тогда солдаты съ ними войдутъ — солдаты уже вошли въ соглашеніе помимо насъ, и мы очутились за флагомъ, будемъ выброшены за бортъ!". . . „Стачечники взялись теперь за дѣло эвакуаціи войскъ, говорилъ четвертый, и дѣлаютъ это дѣло куда лучше, чѣмъ военное начальство. Значитъ, они намъ не враги, а друзья! И если армія протянетъ имъ свою дружескую руку, тогда они на спинахъ своихъ выведутъ ее изъ постылой Манчжуріи!" Одинъ превозмогъ силъ земство: „Намъ нужно сойтись съ обществомъ, не дичиться его! Земство—вотъ съ кѣмъ намъ слѣдуетъ соединиться! Когда все въ Россіи молчало, одни земскіе люди подымали свой голосъ; сорокъ лѣтъ они боролись съ чиновниками! Само правительство чувствуетъ, что ему не обойтись безъ помощи, безъ знаній земства; оно приглашало и приглашаетъ земцевъ для совмѣстнаго съ ними обсужденія государственныхъ вопросовъ. Если армія вмѣстѣ съ земствомъ станетъ у трона, тогда нашъ Государь пойметъ ложь и надувательство его окружающія,—испарится тогда теперешнее правительственное средостѣніе". „Намъ говорятъ—выступилъ другой,—что телеграфисты, захвативъ въ свои руки телеграфъ, надуваютъ армію, передавая лживыя телеграммы, рисующія въ ложномъ свѣтѣ истинныя намѣренія и дѣйствія правительства. Говорятъ, что правительство, быть можетъ, вовсе не медлитъ осуществленіемъ манифеста 17 октября! Но тогда оставимъ ихъ телеграммы и обратимся къ фактамъ; что же намъ факты говорятъ? 18 февраля Царь даровалъ народу нѣкоторыя права. Шесть мѣсяцевъ прошло, пока правительство составило августовское положеніе о Думѣ. Даже консервативныя газеты, напр. „Новое Время", возмущались медлительностью, неискренностью правительства. Вѣдь это уже не телеграммы забастовщиковъ, а дѣйствительный фактъ. Далѣе, въ этомъ положеніи министры ни единымъ словомъ не обмолвились о свободахъ: слова, печати, собраній и т. д., и не будь октябрьской всеобщей забастовки, намъ не видать бы свободъ, какъ своихъ ушей. Кому, какъ не забастовщикамъ, мы обязаны тѣмъ, что въ настоящемъ собраніи можемъ свободно высказаться? . . . . ".

„Дисциплина! Строгая дисциплина, кричалъ одинъ офицеръ, но развѣ насъ когда-нибудь можно было упрекнуть въ послабленіяхъ, въ отсутствіи строгости къ солдату? Наша дисциплина всегда была строга и сурова. Но сознавалъ ли солдатъ необходимость, справедливость такой дисциплины? Ему, наоборотъ, на каждомъ шагу бросалась въ глаза ея несправедливость, ея ненужность. И намъ никогда не удавалось и не могло удасться внѣдрить въ голову солдатъ сознаніе необходимости, правильности нашей дисциплины, ибо она всегда проявлялась не тамъ и не такъ, гдѣ и какъ должна была проявляться. И потому солдаты

оказались недисциплинированными, отказываются повиноваться какъ разъ въ тѣ моменты, въ которые, главнымъ образомъ, и необходимо проявленіе дисциплины, ради которыхъ вся дисциплина и построена. Такъ, напр., чуть ли не на дняхъ Нарвскій полкъ, состоящій на половину изъ солдатъ дѣйствительной службы, отказался повиноваться приказу остановиться въ одномъ изъ городовъ Забайкалья для усмиренія и послѣдовалъ дальше безъ остановки.

„Полковникъ Захаровъ—говорилъ слѣдующій—въ отчаяніи крикнулъ здѣсь: „Господа, помогите, чтобы солдатъ мнѣ повѣрилъ!“ Но теперь уже поздно такъ кричать! Солдатъ нашъ не вѣритъ намъ по той же причинѣ, по которой мы сами не вѣримъ, по которой извѣрилась вся Россія. Вся Россія смотритъ теперь на насъ съ мучительной думой и какъ бы спрашиваетъ: неужели и теперь послѣ всего пережитаго народомъ и послѣ всѣхъ ужасовъ, перенесенныхъ арміей, неужели и теперь армія будетъ продолжать свою старую работу? Неужели она и теперь будетъ разстрѣливать народъ въ угоду петербургскимъ чиновникамъ? Страна мучительно ждетъ отвѣта, ибо она не знаетъ насъ. И мы должны оповѣстить всѣхъ и вся, что оружіе наше мы будемъ направлять только противъ внѣшнихъ враговъ и противъ тѣхъ, кто по нашему разумѣнію дѣйствительно являются врагами родины! Мы должны заявить открыто, что не станемъ избивать матерей и младенцевъ ради прихоти Треповыхъ. Когда объ этомъ узнаетъ вся страна, когда правительство узнаетъ твердую волю всей арміи—осуществить манифестъ 17 октября во всей его широтѣ безъ всякихъ урѣзокъ немедленно же, тогда наступитъ конецъ преступной медлительности, конецъ смутѣ. Въ рукахъ арміи теперь счастье всего народа, нужно лишь, чтобы правительство знало ея волю!“

Среди всѣхъ ораторовъ особенно выдѣлился полковникъ Бутузовъ, который произнесъ слѣдующую рѣчь: „Я буду говорить не отъ своего личнаго имени, а отъ имени всѣхъ пославшихъ меня сюда. Мы совмѣстно выработали резолюцію, и я хочу прочесть ее на этомъ собраніи“.

„Въ передовой статьѣ газеты „Новый Край“ сдѣлано горячее обращеніе къ генералу Линевичу, въ лицѣ котораго авторъ статьи видитъ силу, могущую въ значительной степени помочь и спасти нашу родину отъ грозно надвигающихся событій, неизбѣжныхъ жертвъ анархіи.

„Нельзя не согласиться съ авторомъ статьи, что главной причиной происходящихъ теперь по всей Россіи смутъ, безпорядковъ и погромовъ, ведущихъ страну къ гибели, является медлительность правительства въ осуществленіи даннаго съ высоты Престола Манифеста 17 октября. Эта медлительность правительства, въ связи съ принимаемыми имъ мѣрами, явно противорѣчащими и духу, и буквѣ Манифеста, какъ напр., введеніе военнаго положенія во многихъ мѣстностяхъ государства, вызываетъ въ прогрессивной части общества недовѣріе къ искренности

правительства и опасеніе, что Манифестъ 17 октября останется только актомъ, свидѣтельствовавшимъ лишь о лучшихъ намѣреніяхъ Верховной власти. Реакціонной же части общества медлительность правительства даетъ право думать, что Верховная власть издала свой манифестъ подъ давленіемъ внѣшней силы, что она не считаетъ осуществленіе началъ, изложенныхъ въ манифестѣ, необходимымъ для блага и счастья русскаго народа и откажется отъ проведенія ихъ въ жизнь, если сумѣетъ ходъ событій снова взять въ свои руки.

„Проявленіе активной дѣятельности правительства въ данную минуту даетъ основаніе предполагать, что въ подавленіи освободительнаго движенія оно всецѣло будетъ опираться на военную силу государства—на армію. Тогда у насъ снова можетъ наступить всецѣло прежній государственный строй.

„Однако, почти вся интеллигентная, рабочая и крестьянская Россія признала, что дальнѣйшее развитіе и самое существованіе нашей родины возможно только при введеніи началъ, указанныхъ въ Манифестѣ 17 октября. Но тѣмъ не менѣе, есть еще довольно людей, думающихъ, что для Россіи пригоденъ только самодержавный строй, они поэтому противодѣйствуютъ освободительному движенію, видя въ немъ стремленіе умалить права царя, ошибочно думая, что благо царя можетъ идти въ разрѣзъ съ благомъ народа.

„И вотъ приверженцы стараго строя во многихъ городахъ прибѣгали къ содѣйствію войскъ для подавленія и разгрома той части населенія, которая открыто заявляла о своемъ участіи въ освободительномъ движеніи.

„Какъ же должны дѣйствовать войска? Должны ли они принимать участіе въ подавленіи освободительнаго движенія или равнодушно стоять въ сторонѣ, или способствовать умиротворенію страны, не допуская насилія одной части населенія надъ другой. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ высказывается взглядъ, что армія должна стоять внѣ партійной борьбы, подчиняясь распоряженіямъ своего Верховнаго Вождя. Наша армія въ переживаемую эпоху, независимо отъ личныхъ чувствъ и убѣжденій каждаго отдѣльнаго лица, принадлежащаго къ ея составу, не только не имѣетъ права ослушаться воли ея Верховнаго Вождя. но не должна способствовать хотя бы косвеннымъ образомъ искаженію и задержкѣ въ выполненіи воли Государя, ясно выраженной въ Манифестѣ 17 октября.

„Поэтому, если правительство, въ силу какихъ бы то ни было соображеній, корыстныхъ или безкорыстныхъ, въ силу ли неспособности, неумѣнія или злого умысла или даже изъ желанія принести благо, медлитъ въ исполненіи воли Государя, расчитывая на поддержку арміи въ подавленіи дарованной странѣ свободы, обязанность арміи заявить, что ей извѣстна воля Государя, ясно выраженная манифестомъ, что всякія дѣй-

ствія и приказанія какого бы то ни было начальства, идущія вразрѣзъ съ началами, изложенными въ манифестѣ, она считаетъ незаконными и неподлежащими исполненію.

„Она считаетъ своей священной обязанностью охрану жизни и имущества всѣхъ гражданъ Россіи, безъ различія ихъ національности и политическихъ убѣжденій и видитъ единственную возможность успокоенія страны въ широкомъ и немедленномъ осуществленіи началъ, изложенныхъ въ Манифестѣ 17 октября.

„Если бы армія, въ лицѣ своихъ старшихъ начальниковъ, высказала бы твердо и категорически подобный взглядъ, то ея сплоченная въ полномъ согласіи съ народомъ грозная сила, сдѣлавшись могучей поддержкой Верховнаго Вождя, дарующаго Россіи свободу, остановила бы преступное колебаніе и медлительность правительства въ исполненіи воли царя, слѣдствіемъ коего является разложеніе страны, потоки крови. гибель сотни милліоновъ народнаго имущества и, наконецъ, гибель самой арміи, разъ язвы анархіи заразятъ ея организмъ“.

Митингъ былъ въ высшей степени безпорядочный,—не было никакого общаго плана въ рѣчахъ различныхъ ораторовъ, не было никакого руководства преніями. Несчастный Глинскій стоялъ растерянно, прислонившись къ кафедрѣ и, видимо, не понималъ, не сознавалъ всего происходящаго вокругъ. Ораторы умѣренные смѣнялись крайними, въ его уши влетали страшныя слова, страшныя въ обычное время фразы, но онъ не смѣлъ никого остановить, никого призвать къ порядку! Всеобщій гулъ страстнаго одобренія всѣмъ тѣмъ, кто выражалъ сочувствіе смутѣ, полная неожиданность совершающагося совершенно парализовали умъ и волю предсѣдателя. Съ нимъ стали перешептываться какія-то лица, видимо, стараясь поддержать его упавшій духъ: они ему давали какую-то бумажку для прочтенія вслухъ, и онъ, ободренный ими, наконецъ, произнесъ: „Господа! Я прошу Вашего вниманія выслушать телеграмму, только-что полученную отъ всероссійскаго стачечнаго комитета. Всероссійскій стачечный комитетъ *от-рѣ-шаетъ* отъ должности ком. тыномъ ген. Надарова, командующаго 3-й арміей ген. Батьянова. Онъ постановилъ, чтобы ген. Надаровъ, Батьяновъ и всѣ тѣ высшіе военные чины, которые когда-либо что-либо говорили противъ забастовавшихъ, оставались навсегда въ Манчжуріи—жел. дорога не будетъ перевозить ихъ. По этому же предмету онъ—стачечный комитетъ—не постыдился войти въ соглашеніе съ нашими врагами—японцами,—чтобы и они по своимъ жел. дор., по своимъ пароходамъ не перевозили упомянутыхъ генераловъ! Вотъ до чего дошли забастовщики и революціонеры! Они командуютъ нами, они насъ третируютъ, какъ мальчишекъ, они въ лицѣ командующихъ позорятъ всю армію. Они еще покажутъ намъ свои когти!“

Вслѣдъ за этимъ взошелъ на кафедру какой-то капитанъ и про-

челъ самую телеграмму. Гробовое молчаніе! Ни единаго звука протеста. Маневръ Глинскаго и сподручныхъ не удался. Настроеніе митинга не измѣнилось. Митингъ отдалъ командующихъ на съѣденіе забастовщикамъ.

Для того, чтобы закончить митингъ, чтобы внести хоть нѣкоторый порядокъ въ тотъ невообразимый шумъ и гулъ, который царилъ въ собраніи, надо было привести въ систему все то, что одобрено было подавляющимъ большинствомъ присутствовавшихъ, выработать резолюціи. Но тутъ-то сказалась одна, на первый взглядъ, странная, но весьма характерная черта. Между тѣмъ какъ устно собраніе все время высказывалось вполнѣ открыто и рѣзко, теперь, когда насталъ моментъ перенесенія всего высказаннаго на бумагу, изъ разныхъ угловъ то и дѣло начали раздаваться голоса, требовавшія смягченія нѣкоторыхъ выраженій, словъ, сглаживанія угловъ. Такъ, напр., выраженіе „завоеванныя народомъ права“ замѣнили выраженіемъ „данныя народу права“. Генералъ Глинскій заявилъ, что вовсе не надо никакихъ резолюцій, что онъ самъ разскажетъ начальнику тыла обо всемъ. Снова поднялся невообразимый шумъ, требовали выбора депутатовъ. На кафедру подымаются одинъ за другимъ ставленники Глинскаго и рекомендуютъ себя въ выборные. Но имъ не даютъ и слова сказать, сгоняютъ съ кафедры и выкрикиваютъ фамиліи Бутузова, Шаурова, Кузьмина, Шульца, Макарьева, Виноградова. Предсѣдатель вдругъ объявляетъ засѣданіе закрытымъ и удаляется. Резолюція, так. образ., сорвана! Но собраніе продолжаетъ волноваться и требовать выработки резолюціи и выбора депутатовъ. Наконецъ, выбраны пять офицеровъ изъ прогрессивныхъ элементовъ офицерства (прап. Шауровъ, подп. Кузьминъ, шт. кап. Шульцъ, шт. кап. Макарьевъ и полк. Печановъ; полковника Бутузова не оказалось уже на собраніи), и имъ поручено было отправиться къ Надарову и изложить обо всемъ высказанномъ на митингѣ.

Ошеломленный неожиданностью происходящаго, я съ самаго начала митинга старался составить себѣ какое-либо представленіе о качественномъ составѣ его. Съ этою цѣлью и протискивался въ разныя стороны, и велъ бесѣды съ очень многими; всѣхъ, съ кѣмъ велъ разговоръ, я неизмѣнно спрашивалъ, состоитъ ли онъ на дѣйствительной службѣ или взятъ изъ запаса. И я съ положительностью утверждаю, что офицеровъ дѣйствительной службы было *очень много*. Какъ ни интересно было бы узнать точный составъ собранія, я, не желая быть голословнымъ, никакъ не могу вполнѣ удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ; но изъ личныхъ моихъ наблюденій, изъ разспросовъ я вынесъ впечатлѣніе, что офицеровъ дѣйствительной службы было ни въ коемъ случаѣ не менѣе запасныхъ. Что же касается военныхъ врачей, то ихъ на собраніи было не болѣе двухъ десятковъ—въ томъ числѣ и дѣйствительныхъ, и запасныхъ. Поэтому слѣдуетъ признать безусловно

ложнымъ мнѣніе ген. Чичагова о томъ, что митингъ 2-го декабря, какъ „состоявшій изъ прапорщиковъ и врачей запаса“, не можетъ явиться представителемъ взглядовъ и чувствъ всего офицерства. Начальственныя приготовленія къ этому митингу и нескрываемыя надежды, возлагавшіяся на него командующими, могутъ служить самымъ лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія ген. Чичагова. Просто, мечты и надежды начальства не оправдались и пришлось повернуть фронтъ!

„Начиная съ вечера 2-го декабря, по заявленію „Новаго Края“, редакцію усиленно посѣщаютъ гг. офицеры всѣхъ родовъ оружія, чиновники и врачи, выражающіе сочувствіе рѣчи, прочтенной полковникомъ Бутузовымъ 2-го декабря въ офицерскомъ собраніи. Многіе просятъ подписаться подъ оригиналомъ его рѣчи“.

Со слѣдующаго же дня въ газетахъ стали появляться голоса офицеровъ и разныхъ военныхъ группъ, выражавшихъ свою полную солидарность со всѣмъ тѣмъ, что одушевляло митингъ 2-го декабря. Впечатлѣніе, произведенное митингомъ на невоенныхъ, было потрясающее. Для характеристики созданнаго кругомъ настроенія, я приведу письмо желѣзнодорожниковъ, подписанное 236 лицами: „До сихъ поръ желѣзнодорожные служащіе не имѣли болѣе или менѣе опредѣленнаго представленія объ отношеніи арміи къ настоящему движенію вообще въ Россіи и въ особенности здѣсь; не знали, куда относить офицерство: къ врагамъ ли своимъ или друзьямъ? Частные разговоры съ отдѣльными лицами не могли, конечно, имѣть рѣшающаго значенія, а примѣры недостойной агитаціи со стороны большихъ людей въ арміи и натравленіе ими на насъ нижнихъ чиновъ только способствовали развитію чувства непріязни. Теперь, очевидно, положеніе выяснилось. Полная солидарность съ нами лучшей части офицерства встрѣчена въ нашей средѣ съ чувствомъ искренней, глубокой радости. То, что сказано г. Бутузовымъ и бурно одобрено всѣмъ собраніемъ, служитъ намъ ручательствомъ за то, что наши пути никогда не разойдутся, что армія или лучшая часть ея думаетъ такъ же, какъ и народъ, и рука объ руку съ народомъ будетъ идти по пути къ освобожденію, что никогда рука солдата не будетъ поднята для братоубійства? Примите, гг. офицеры, наше искреннее, горячее спасибо за тѣ чувства, которыя Вы выразили 2 декабря! Крѣпко жмемъ руки истиннымъ русскимъ гражданамъ Бутузову, Виноградову и Шнурову. Да здравствуетъ армія! Желѣзнодорожные“.

Декабрьскій Харбинскій митингъ заставляетъ читателя призадуматься надъ однимъ мучительнымъ вопросомъ! Какъ объяснить себѣ два такихъ взаимно исключающихъ другъ друга факта: съ одной стороны, офицерство въ подавляющемъ большинствѣ своемъ проявило на митингѣ во всякомъ случаѣ оппозиціонное настроеніе, вполнѣ опредѣленно и страстно высказалось противъ стрѣльбы въ народъ и сочло

дѣло народа, дѣло забастовщиковъ, своимъ собственнымъ дѣломъ, а дѣйствія правительства и призывъ своего начальника явно преступными; съ другой стороны, офицеры Манчжурскихъ армій на дѣлѣ посылались изъ Манчжуріи въ командировку на Кавказъ, въ Польшу, Прибалтійскій край, во внутреннія губерніи для усмиренія тамъ народныхъ волненій, для стрѣльбы въ народъ и выполняли свою работу со рвеніемъ и даже съ самостоятельнымъ разбойничьимъ творчествомъ? Но кому пришлось теперь совершить путешествіе изъ Манчжуріи въ Россію и бесѣдовать въ пути съ посланными для усмирительныхъ подвиговъ офицерами, тотъ могъ убѣдиться, что даже теперь, когда народъ придушенъ, когда физическая сила временно на сторонѣ правительства, командующіе, получивъ урокъ на офицерскомъ митингѣ въ Харбинѣ, не рѣшались посылать всякаго офицера для усмиренія Россійской смуты,- они выбирали офицеровъ съ явно черносотеннымъ образомъ мыслей – благо при пушкахъ и пулеметахъ можно ограничиться таковыми. Тамъ же, гдѣ офицеры не были выхвачены отдѣльными единицами изъ различныхъ полковъ, ротъ, батальоновъ, а отправлялись на родину цѣлыми частями, мы встрѣчаемъ съ ихъ стороны какъ разъ такое отношеніе къ освободительному движенію, какого можно было ожидать, судя по настроенію офицерства на митингѣ. Весьма поучительно въ этомъ отношеніи поведеніе офицерства 2-го Читинскаго полка. Прибывъ съ театра военныхъ дѣйствій въ Читу, офицеры этого полка отправили слѣдующее письмо на имя Читинскаго городского головы Шемшинцева: „Прибывъ въ городъ Читу, офицеры 2-го Читинскаго пѣхотнаго полка привѣтствуютъ Читинскихъ гражданъ и поздравляютъ съ пріобрѣтеніемъ гражданской свободы. Мы возмущены ходящими по городу крайне нелѣпыми спухами, что мы будто бы присоединяемся къ какимъ-то партіямъ, стремящимся путемъ насилія идти противъ освободительныхъ идей, осуществленія которыхъ желаютъ различные союзы и кружки г. Читы... Мы вполнѣ сочувствуемъ происходящему въ настоящее время въ Россіи освободительному движенію и передачѣ законодательной власти представителямъ народа.. Мы давно сознаемъ необходимость самыхъ коренныхъ реформъ въ арміи и будемъ привѣтствовать проведеніе ихъ законодательнымъ путемъ...

„Армія имѣетъ своею задачею исключительное обезпеченіе родины отъ внѣшнихъ враговъ, нападающихъ на наше отечество открытою силою.

„Армія или часть ея въ силу объявленной въ Россіи неприкосновенности личности не можетъ производить ни убійства, ни какого-либо насилія надъ мирными гражданами Россіи, къ какой бы партіи граждане не принадлежали, и кто бы въ арміи не предъявлялъ требованія такія насилія совершать...

„Въ борьбѣ различныхъ политическихъ партій Читинскій полкъ не принимаетъ на себя полицейскихъ обязанностей...

„Мы считаемъ позоромъ подавленіе какой бы тамъ ни было политической партіи силою оружія...

„Подлинное подписали: Командиръ полка генералъ-маіоръ Румшевичъ; подполковники: Соловьевъ, Степановъ, Чанышевъ, Сапожниковъ; подпор. Карелинъ, кап. Костенко, кап. Якубовскій, кап. Скороткевичъ, подп. Голяшкинъ, подп. Колышевъ, подп. Астафьевъ, кап. Бѣльскій, кап Соломко, пор. Каплинскій, подп. Кычаковъ, прап. Графъ, подп. Вознесенскій II, прап. Рыцкъ, лѣкарь Куриковъ, врачъ Аристовъ, штабсъ-кап. Цитовичъ, прап. Багаевъ, шт.-кап. Грешнеръ, прап. Пашихинъ, кап. Еремѣевъ, шт.-кап. Барановъ, кап. Даниловъ, шт.-кап. Саламовъ, подп. Крыхановскій, кап. Лосевъ, шт.-кап. князь Ухтомскій, кол. регистраторъ Матовъ и т. д., начальникъ штаба I-ой сибирской пѣхотн. дивизіи, генер. штаба подп. Вицнуда"... и т. д.—всего около 50 подписей.

Машинъ.

Декабрьскіе дни въ Ростовѣ на Дону.

I.

Ознакомленіе ростовскаго населенія съ манифестомъ 17-го октября происходило въ Ростовѣ на Дону приблизительно при такихъ же условіяхъ, какъ въ большинствѣ русскихъ крупныхъ городовъ. Утромъ городъ разукрасился флагами, населеніе высыпало на улицы и на тюремной площади состоялся импровизированный грандіозный митингъ, на которомъ рядомъ съ соціалъ-демократами выступали конституціонные демократы. Торжество можно было назвать дѣйствительно народнымъ... Не долго оно продолжалось. Неожиданно и предательски митингъ былъ разстрѣлянъ казаками. Были убитые и раненые... Нападеніе казаковъ на мирную толпу послужило сигналомъ для начала еврейскаго погрома. Здѣсь не мѣсто описывать его ужасы... Втеченіе $2^1/_2$ дней происходило сжиганіе и разгромленіе имущества евреевъ при явномъ содѣйствіи полиціи и казаковъ. Всѣ усилія геройской еврейской самообороны были тщетны. Ее безжалостно разстрѣляли.

Октябрьскіе дни подѣйствовали самымъ различнымъ образомъ на различные классы ростовскаго населенія. Въ элементарномъ политическомъ сознаніи имущихъ классовъ, болѣе всего пострадавшихъ отъ погрома, завоеванная политическая свобода заслонялась пережитыми ужасами, насиліями надъ имуществомъ и личностью. Общее настроеніе было подавленное, приниженное. Боя-

лись выходить ночью, ходить пѣшкомъ—гдѣ же тутъ было до политической жизни. Только къ концу ноября устраивается учредительное собраніе конституціонно-демократической партіи. Собраніе происходило въ частномъ домѣ, при очень немногочисленной публикѣ. Это единственное политическое собраніе ростовской буржуазіи прошло совсѣмъ незамѣтно въ городѣ. Имущій Ростовъ жилъ такъ, какъ будто въ Россіи не было 17 Октября [1]).

Совсѣмъ другое дѣлалось въ пролетарскомъ Ростовѣ. Еврейскій погромъ, организованный при явномъ содѣйствіи ростовской администраціи въ отвѣтъ на политическую демонстрацію, еще болѣе углубилъ недовѣріе ростовскихъ рабочихъ къ правительственной власти. Поскольку я могъ выяснить разспросами, настроеніе въ то время ростовскихъ рабочихъ было точно такое же, какъ и настроеніе Петербургскихъ рабочихъ въ памятные октябрьскіе дни, которые я лично наблюдалъ. Когда 17-го Октября ночью намъ принесли въ Петербургѣ изъ телеграфнаго агентства первые оттиски манифеста, мы, конечно, не скрывали другъ отъ друга радости по поводу нашей побѣды. Но когда одинъ изъ товарищей рабочихъ поставилъ вопросъ: „Итакъ, какой пароль мы даемъ завтра на митингахъ?“, то единогласный, безъ всякихъ преній, отвѣтъ былъ: „Мы продолжаемъ забастовку! Рабочіе могутъ также мало довѣрять Витте, какъ и Трепову или Булыгину!“. Дальнѣйшія событія только укрѣпили это недовѣріе.

Недовѣріе же ростовскихъ рабочихъ укрѣпилось еще благодаря тому, что уже въ первые дни „политической свободы“ имъ пришлось принести нѣсколько кровавыхъ жертвъ. Я уже упомянулъ о разстрѣлѣ митинга, гдѣ была убита знаменоска, молодая дѣвушка, работница Рейзманъ, и нѣсколько рабочихъ были ранены. Во время погрома рабочая дружина Влад. ж. д., направлявшаяся на подмогу еврейской самообороны, была частью задержана около Темерницкаго моста, частью разстрѣляна около зданія Городской Думы казаками (убитъ жел.-дор. служащій Михайловъ и др.). Но если понесенныя потери могли укрѣпить недовѣріе рабочихъ къ правительству, то меньше всего эти потери могли удержать рабочихъ отъ дальнѣйшей борьбы. Затаивъ въ своихъ сердцахъ память о погибшихъ товарищахъ, ростовскіе рабочіе расположились на завоеванныхъ позиціяхъ, чтобы готовиться къ дальнѣйшему походу. Работа была направлена по двумъ линіямъ: организаціонной и агитаціонной.

Какъ и во многихъ другихъ, особенно южныхъ, городахъ, въ

---

[1]) Партія 17 Октября появляется въ Ростовѣ уже непосредственно передъ декабрьской забастовкой.

Ростовѣ сталъ организоваться по Петербургскому образцу Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Рѣдко какая-либо организація такъ быстро создавалась и такъ быстро пріобрѣтала авторитетъ въ рабочихъ массахъ. Зародившись непосредственно послѣ октябрьской забастовки, Совѣтъ рабочихъ депутатовъ Ростова и Нахичевани п/Д къ половинѣ Ноября объединялъ почти все трудящееся населеніе этихъ двухъ городовъ. Не говоря уже про всѣ крупные заводы и фабрики, про ремесленныя заведенія, но въ немъ имѣли своихъ представителей также и приказчики, домашняя прислуга, кучера и дворники, береговые рабочіе, банщики, прачки и т. д. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа рабочихъ и производствъ, представленныхъ въ Совѣтѣ, увеличивалось и его значеніе. Особенно укрѣпило авторитетъ Совѣта удачно проведенная при его содѣйствіи стачка на крупной табачной фабрикѣ Асмолова и затѣмъ двухъ-дневная забастовка, объявленная Совѣтомъ въ отвѣтъ на избіеніе казаками работницъ фабрики Асмолова. Это былъ пробный смотръ пролетарской арміи. Смотръ былъ удачный; ростовскіе рабочіе дали первое предостереженіе ростовской администраціи...

Для Совѣта рабочихъ депутатовъ двухъ-дневная забастовка имѣла то значеніе, что въ глазахъ всей рабочей массы Совѣтъ становится такимъ учрежденіемъ, гдѣ только и можно найти правду и справедливость.

Параллельно съ организаціей Совѣта рабочихъ депутатовъ стали складываться и укрѣпляться профессіональные союзы. На первомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ (С.-Петербургъ, Москва) приходится отмѣтить союзъ рабочихъ печатнаго дѣла, желѣзнодорожный союзъ, союзъ рабочихъ зав. „Аксай“, союзъ булочниковъ и т. д. Одновременно съ развитіемъ и укрѣпленіемъ указанныхъ организацій произошла демократизація партійной соціалъ-демократической организаціи. Въ 20-хъ числахъ ноября на общемъ собраніи всѣхъ членовъ партіи былъ выбранъ Донской Комитетъ, въ составъ котораго вошли преимущественно рабочіе. Необходимо отмѣтить, что, въ видѣ рѣдкаго исключенія, за все время губительнаго раскола въ партіи въ Ростовѣ существовала единая организація, примыкавшая къ фракціи „меньшинства“, но въ которую входили иногда и „большевики“. Благодаря этому обстоятельству, реформированье организаціи произошло гораздо легче и быстрѣе. Еще болѣе положительнымъ результатомъ было то, что въ глазахъ рабочихъ массъ имя соціалъ-демократіи не было скомпрометировано расколомъ, что во всѣхъ мѣстныхъ организаціяхъ соціалъ-демократія играла руководящую и исключительную роль. Мѣстная группа соціалистовъ-революціонеровъ (кажется „дикихъ“ по отношенію къ своей партіи) не была

представлена въ Сов. Раб. Депут. Соціалъ-демократія играла руководящую роль не только идейно, но и персонально, такъ какъ громадное число депутатовъ примыкали къ этой партіи, большая часть Исполнит. Комит. Сов. Раб. Деп., предсѣдатель Сов. Раб. Деп. и Желѣзнодор. Бюро были членами нашей организаціи. Такая тѣсная связь организацій, объединяющихъ широкія массы рабочихъ, съ соціалъ-демократической организаціей, обусловленная выше указанными причинами, могла имѣть только благотворные результаты для обѣихъ сторонъ.

Я уже указалъ на результаты организаціонной работы, необходимо отмѣтить и работу агитаціонную, повліявшую не меньше, чѣмъ первая, на развитіе дальнѣйшихъ событій. Въ то время, какъ въ буржуазномъ Ростовѣ политическая жизнь замерла, въ пролетарскомъ Ростовѣ она съ каждымъ днемъ развертывалась все шире. Громадная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ политическимъ митингамъ, которые въ Ростовѣ не прекращались съ 17-го Октября вплоть до начала военныхъ дѣйствій. Руководство митингами принадлежало Исполн. Ком. Сов. Раб. Депут., Желѣзн. Бюро и Донскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. Устраивались они въ роскошномъ помѣщеніи Столовой Владик. ж. д., находившемся въ распоряженіи Желѣзнодор. Бюро, въ Новопоселенскомъ театрѣ, въ столовой завода „Аксай“, на многихъ заводахъ и на ст. Батайскъ Вл. ж. д. (въ 10 верстахъ отъ Ростова). Митинги велись очень правильно и планомѣрно, заранѣе распредѣлялись ораторы, намѣчались и разрабатывались предварительно темы. На каждый митингъ назначалась предварительно тема на текущія событія, затѣмъ одна-двѣ рѣчи на вопросы пропагандистскаго характера. Изъ первыхъ отмѣчу рѣчи о земскомъ съѣздѣ, о томъ, кто ведетъ Россію къ анархіи, о Севастополѣ, о почтово-телеграфной забастовкѣ, о законахъ Витте—Дурново и т. д. Изъ пропагандистскихъ—о буржуазіи и пролетаріатѣ, изложеніе „программы работниковъ“, о соціализмѣ, о значеніи политич. забастовки и т. д. Всѣ рѣчи слушались охотно и съ большимъ вниманіемъ, чувствовалось, что масса съ замираніемъ слушаетъ новое для нея свободное революціонное слово, создавалась та тѣсная духовная связь массы съ ораторомъ, которая одна только и можетъ служить наградою ему. Собранія происходили въ образцовомъ порядкѣ. Столовая Влад. ж. дор. вмѣщаетъ въ себя 5—6000 человѣкъ, митинги продолжались иногда 6—7 часовъ, происходилъ обмѣнъ публики—и я, бывавшій на многихъ рабочихъ собраніяхъ въ Западной Европѣ, могу сказать, что русскіе рабочіе могутъ гордиться своею дисциплинированностью, своею выдержкою. Несмотря или, можетъ быть, правильнѣе, благодаря отсутствію полиціи, за все время митинговъ не

произошло ни одного столкновенія, ни одного скандала. Свобода слова была обезпечена всякому.

Митинги посѣщались преимущественно рабочими и работницами, хотя привлекали также и много публики изъ среднихъ городскихъ слоевъ, учащейся молодежи. Съ расширеніемъ политической агитаціи сказывалось ея воздѣйствіе и на тѣ элементы, которые раньше были чужды революціонному движенію. Такъ во время почтово-телеграфной забастовки на одинъ изъ митинговъ явились депутаты отъ мѣстнаго почтово-телеграфнаго союза, чтобы заявить свою солидарность съ рабочими. Ихъ появленіе было встрѣчено восторженно, было рѣшено во время митинговъ постоянно собирать деньги въ пользу стачечнаго фонда почт.-телегр. союза. На другой митингъ явились солдаты мѣстнаго, правда, очень небольшого гарнизона.

Но наибольшее впечатлѣніе произвело появленіе на митингѣ 4-го декабря депутаціи отъ мѣстныхъ казаковъ въ числѣ шести человѣкъ. Казаки появились въ полной формѣ, и сначала произвели даже нѣкоторое смятеніе въ публикѣ, но затѣмъ, когда, подойдя къ трибунѣ, они заявили, что пришли для того, чтобы присоединиться къ народу, восторгу не было конца. Казаки были приглашены на эстраду, одинъ изъ ораторовъ въ горячей рѣчи, обращенной къ нимъ, выяснилъ, для чего собираются и за что борятся рабочіе и привѣтствовалъ ихъ появленіе въ средѣ революціоннаго народа. По требованію рабочихъ въ честь казаковъ былъ исполненъ рабочій гимнъ. Появленіе казаковъ на митингѣ произвело огромное впечатлѣніе на все населеніе города, особенно въ виду послѣдовавшихъ фактовъ. 5-го декабря депутаты-казаки были арестованы, а 6-го весь гарнизонъ отказался выйти на парадъ. Парадъ не состоялся. Но это были только первыя ласточки, въ умахъ казаковъ начало только что-то бродить... 13-го декабря эти же казаки уже разстрѣливали безоружный народъ. То огромное, темное, невѣжественное, что воспитывалось старымъ режимомъ въ казакахъ вѣками, поглотило тѣ свѣтлые лучи, которые начали проникать въ казачьи человѣческія души... А много надеждъ на нихъ возлагали!

Мое изложеніе политической-агитаціонной дѣятельности Ростовской организаціи въ предъ-забастовочное время осталось бы незаконченнымъ, если бы я не упомянулъ о тѣхъ лозунгахъ, которые выдвигались въ агитаціи. Основнымъ лозунгомъ былъ созывъ учредительнаго собранія, укрѣпленіе и объединеніе рабочихъ въ единую соціалъ-демократическую рабочую партію для отстаиванія въ учредительномъ собраніи требованій ея программы. Какъ средство добиваться учредительнаго собранія выдвигалась,

главнымъ образомъ, мирная всеобщая политическая забастовка. Но указывалось, что провокаціонныя дѣйствія правительства могутъ превратить мирную забастовку въ вооруженныя столкновенія съ войсками, а при частичномъ переходѣ войскъ на сторону народа въ вооруженное возстаніе. Поэтому выдвигался лозунгъ „вооружайтесь". Практически же вооруженіе рабочихъ происходило въ видахъ самообороны, какъ личной отъ хулигановъ, такъ и, главнымъ образомъ, противъ еврейскаго погрома, подъ страхомъ котораго продолжалъ находиться Ростовъ. Начальникъ рабочихъ дружинъ такъ и назывался „начальникомъ соціалъ-демократической самообороны" въ отличіе отъ другихъ „самооборонъ": пайлесіонистовъ, соціалъ-революціонеровъ, молодежи и т. д. Событія скоро заставили рабочія дружины выступить совсѣмъ въ другой роли.

II.

7-го декабря послѣ обѣда была получена телеграмма изъ Москвы съ краткимъ сообщеніемъ, что Петербургскій и Московскій Совѣты Депутатовъ и Совѣщаніе 29 желѣзныхъ дорогъ объявили всеобщую политическую забастовку. Трудно передать то впечатлѣніе, которое произвела эта телеграмма на организаціи, стоящія во главѣ ростовскаго движенія. Подобное же впечатлѣніе произвела эта телеграмма, какъ мнѣ извѣстно, и во многихъ другихъ городахъ. Достаточно будетъ сказать, что въ первый моментъ явилось подозрѣніе, не провокація ли это? До того неожиданнымъ фактомъ явилось такое раннее объявленіе забастовки. Въ самомъ дѣлѣ, когда агитація выставляла лозунгъ всеобщей политической забастовки, то послѣдняя понималась, какъ рѣшительное и послѣднее сраженіе. Точно также она воспринималась и рабочими. Отсюда логически вытекало, что для такого рѣшительнаго шага необходимо укрѣпить мѣстныя пролетарскія организаціи, а главное установить и упрочить объединеніе организацій по всей Россіи. Необходимо было обезпечить поддержку взаимныхъ связей во время самой забастовки. Для этого требовалось время; поэтому, когда во время митинговъ и въ печати выступали противники забастовки, то имъ обыкновенно отвѣчали, что, говоря о забастовкѣ, руководящія организаціи не думаютъ ее объявлять сейчасъ, но что къ ней нужно готовиться. С.-Петерб. Сов. Раб. Деп. предпринялъ кой-какіе шаги въ отношеніи объединенія провинціи, но это были только первые шаги. Почтово-телеграфная забастовка, отрѣзавъ совершенно провинцію отъ столицъ, помѣшала начавшемуся объединенію. Съ другой стороны, оторванность столицъ отъ провинціи дала имъ, вѣроятно, невѣрное освѣщеніе положенія дѣлъ въ по-

слѣдней и способствовала ошибочному шагу: такому раннему объявленію забастовки, при полной неподготовленности, при отсутствіи организаціонаго объединенія, и къ тому же наканунѣ праздниковъ *).

Такъ или иначе, собравшіеся поздно ночью 7-го декабря представители организаціи стояли предъ совершившимся фактомъ. Вѣсть объ объявленіи забастовки облетѣла весь городъ съ быстротою молніи, а желѣзнодорожная дисциплина заставила желѣзнодорожниковъ уже въ 12 час. ночи съ 7 на 8 декабря прекратить движеніе по всѣмъ тремъ желѣзнымъ дорогамъ. Исп. Ком. и Донской Комит. Партіи рѣшили, что они не имѣютъ возможности входить въ обсужденіе цѣлесообразности объявленія забастовки, а обязаны поддержать петербургскихъ и московскихъ товарищей. Въ этомъ смыслѣ были выработаны указанія на слѣдующій день. 8-го Декабря, днемъ, происходили митинги на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ. На многихъ изъ нихъ рабочіе бросали работу съ полудня, не ожидая рѣшенія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Вечеромъ того же дня Совѣтъ Р. Д. единогласно рѣшилъ объявить всеобщую политическую забастовку.

Ораторы организаціи старались оттѣнить эту забастовку, какъ вынужденную, которая можетъ въ своемъ развитіи привести къ окончательной развязкѣ; въ рѣчахъ же многихъ рабочихъ слышалась рѣшимость отчаянія: „умремъ отъ голода, но пусть это будетъ послѣдняя битва“. По поводу возраженій нѣкоторыхъ о неудобствѣ забастовки наканунѣ праздниковъ одинъ рабочій заявилъ: „у пролетаріата не можетъ быть праздника до завоеванія полной политической свободы“. Настроеніе было очень приподнятое, и на слѣдующій день забастовка начала захватывать весь Ростовъ. Мѣстное отдѣленіе союза союзовъ рѣшило поддержать постановленіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Мѣстная администрація своими дѣйствіями съ перваго же дня забастовки начала укрѣплять и подымать революціонное настроеніе рабочихъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е декабря были арестованы 12 человѣкъ изъ Исполнит. Комитета, Желѣзнодорожнаго бюро и Донского Комитета. Собравшіеся на митингъ 9-го декабря въ столовой Владик. ж. д., не видя въ своей средѣ любимыхъ товарищей, рѣшили послать градоначальнику требованіе немедленно освободить арестованныхъ. И. д. градоначальника, начальникъ порта фонъ-деръ-Вейде, растерялся и началъ торговаться. Сначала были выпущены четверо, затѣмъ послѣ напоминанія по телефону двое

*) Для сознательныхъ элементовъ это обстоятельство не имѣло значенія, для широкихъ массъ—большое.

и, наконецъ, послѣ настойчиваго телефонированія изъ столовой въ тюрьму, остальные. Въ видѣ трофея у начальства остались только 817 рублей, взятые у секретаря Сов. Раб. Депутатовъ.

Эта побѣда оказала крупное вліяніе на настроеніе рабочихъ и на ходъ самой забастовки. Рабочіе конкретно увидѣли результатъ своей сплоченности и солидарности. Поклявшись утромъ не уходить съ митинга, если арестованные товарищи не будутъ освобождены, и будучи въ теченіе цѣлаго дня свидѣтелями, какъ растерянная администрація трусливо уступала предъ ихъ рѣшимостью, они вечеромъ уходили побѣдителями, уводя съ собою освобожденныхъ товарищей.

Поднятіе настроенія выразилось и въ распространеніи стачки. 10-го декабря весь Ростовъ фактически прекратилъ свою обычную жизнь. Фабрики, заводы, желѣзныя дороги, типографіи, трамвай, магазины, банки, конторы, театры, аптеки—словомъ, все – прекратило свою дѣятельность. Газъ и водопроводъ дѣйствовали по распоряженію Сов. Р. Деп. (для демонстраціи водопроводъ былъ закрытъ на 12 часовъ), съ его же разрѣшенія пекарни пекли только простой хлѣбъ, и велась мелочная торговля пищевыми продуктами. Начиналось броженіе въ Городской Управѣ. Не бастовали—и то только оффиціально—казенныя учрежденія.

Предъ руководящими организаціями сталъ на очередь вопросъ, какъ поддерживать революціонное настроеніе всей массы забастовавшихъ. Помѣщенія столовой Вл. ж. д. уже не хватало. По постановленію Исполн. Ком. Сов. Р. Деп., Желѣзн. Бюро и Донского Комитета Р. С. Д. Р. П.—которые все время дѣйствуютъ совмѣстно—рѣшено было расширить агитацію и предоставить для митинговъ театры въ Ростовѣ– Асмоловскій и въ Нахичевани—городской; кромѣ того, при надобности пользоваться клубами. Начиная съ 10-го ежедневно происходятъ митинги въ столовой по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, въ театрахъ съ 10 до 2—3 час. дня. Безъ преувеличенія можно сказать, что на митингахъ перебывали десятки тысячъ населенія. Происходили они въ образцовомъ порядкѣ Обсуждались текущія событія, дѣйствія администраціи, дальнѣйшая тактика; все время населеніе призывалось отъ имени С. Р. Д. къ сохраненію полнѣйшаго порядка, къ продолженію мирной политической забастовки, которая должна сломить силу врага. На собраніяхъ объявлялись ежедневно всѣ постановленія и рѣшенія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, раздавались печатные бюллетени и объявленія. Эти объявленія, кромѣ того, расклеивались по всему городу. Настроеніе все время было бодрое, политическій подъемъ отражался и на обществѣ. Помимо ораторовъ, выступавшихъ ежедневно на всѣхъ митингахъ отъ имени организацій, изъ

самой массы начали выступать свои ораторы. Они служили какъ бы барометромъ настроенія. Интересно было, между прочимъ, выступленіе одного монаха, который, перекрестившись и благословивъ слушателей, сталъ призывать народъ къ борьбѣ со старымъ режимомъ. Матросъ изъ Портъ-Артура съ 2-мя Георгіями и безъ ноги безхитростно рисовалъ предъ тысячными массами картинки этого стараго режима и заставлялъ многія сердца биться ненавистью и воодушевляться предстоящей борьбой. Особенно сильное впечатлѣніе произвело появленіе на митингѣ въ столовой офицера со своимъ взводомъ (40 солдатами), которые явились благодарить рабочихъ за то, что ихъ, какъ запасныхъ, везутъ домой. Подъ красными знаменами они всѣ вмѣстѣ клялись бороться съ народомъ за его требованія. Съ каждымъ днемъ агитація расширяла свои рамки и съ каждымъ днемъ престижъ С. Р. Д. въ глазахъ населенія все увеличивался.

Въ это же время мѣстная администрація, оправившись отъ перваго удара, начинала подбирать свои силы. Пораженіе, испытанное фонъ-деръ Вейде, заставило его сложить съ себя обязанности градоначальника. Ихъ принялъ на себя полицеймейстеръ Прокоповичъ, нынѣ отданный подъ судъ за бездѣйствіе во время еврейскаго погрома (см. „Молва“ отъ 5/X). Сей храбрый мужъ принялся за рѣшительныя дѣйствія. Собравъ вечеромъ 11-го декабря военный совѣтъ, онъ объявилъ Ростовъ и Нахичевань на положеніи чрезвычайной охраны съ подобающими запрещеніями собраній и т. п. Къ своему несчастью, объявить объ этомъ онъ долженъ былъ путемъ плохо *гектографированныхъ объявленій*. Ни *одинъ* наборщикъ въ Ростовѣ не нарушилъ товарищеской солидарности. Въ ту же ночь было *напечатано* въ 3000 экземплярахъ объявленіе Сов. Раб. Деп. по поводу чрезвычайной охраны, такъ какъ Сов. Р. Деп. уже вечеромъ 11-го было извѣстно рѣшеніе военнаго совѣта. С. Р. Д. призывалъ рабочихъ продолжать дружно стачку, собираться на митинги, сохранять спокойствіе и ожидать дальнѣйшихъ указаній Сов. Р. Д. 11-го и 12-го митинги продолжались, какъ и въ предыдущіе дни. По прежнему соблюдался образцовый порядокъ. Но уже чувствовалось приближеніе грозы. Уже началась черносотенная агитація, передъ театрами начались демонстраціи артиллеріи и казаковъ. Митинги стали охраняться боевыми дружинами мѣстной соц.-дем. организаціи. 12-го по приказанію Наказнаго Атамана обязанности градоначальника принялъ на себя полковникъ Макѣевъ—ростовскій н/д. воинскій начальникъ. 12-го же было тайное засѣданіе городской Думы совмѣстно съ Макѣевымъ, Прокоповичемъ и Карловымъ (нач. жанд. упр.) подъ охраной сотни казаковъ. Результатомъ явилось воззваніе „отцовъ го-

рода“ къ населенію. Наивно заявляя, что ни правительство, ни Городская Дума (!) не объявляли о прекращеніи работъ, отцы города прибавляютъ, что забастовщики добиваются „созыва *какого-то* учредительнаго собранія для *цѣлей неизвѣстныхъ*“. Позже только стало извѣстно, что Макѣевъ предложилъ разстрѣлять митинги шрапнелью и это предложеніе было встрѣчено *аплодисментами*. Такъ или иначе, 13-го утромъ чувствовалось тревожное настроеніе, по городу ходили разные слухи; помня Томскъ, Ѳеодосію, организація поручила дружинамъ зорко охранять митинги. Въ этотъ день кромѣ обычныхъ митинговъ въ столовой и театрахъ, были назначены митингъ конторщиковъ въ Коммерч. клубѣ и митингъ конст.-дем. партіи въ Ростовскомъ клубѣ. Въ 2 ч. дня заканчивался митингъ въ стол. Вл. ж. д., когда по городу пронеслись еще незнакомые населенію звуки *пушечныхъ залповъ*. Это агенты Витте-Дурново начали осуществлять въ жизни *дѣйствительную* неприкосновенность личности.

Для того, чтобы понять всю тактику Макѣевыхъ и К°, нужно въ нѣсколькихъ словахъ объяснить расположеніе города. Вокзалъ, мастерскія и столовая Вл. ж. д. отдѣлены отъ города рѣчкой Темерникъ и находятся у подножья горы, на которой расположено Темерницкое поселеніе, заселенное главнымъ образомъ рабочимъ людомъ. Другая часть города расположена также на горѣ, такъ что Темерникъ протекаетъ въ узкой долинѣ между двухъ горъ.

Батареи были установлены около еврейскаго кладбища съ городской стороны Темерника. Изъ столовой батарея не была видна, и никто не подозрѣвалъ, что митингу угрожаютъ пушки. Въ 2 ч. дня митингъ началъ расходиться. Вдругъ раздались первые выстрѣлы. Никто не могъ думать, что выстрѣлы направляются на Темерникъ, между тѣмъ смерть уже приближалась... Первые выстрѣлы попали въ церковь, училище Шаховскаго, пробивъ царскій портретъ, слѣдующіе въ частныя жилища и мастерскія и, наконецъ, шестой зарядъ попалъ въ толпу. Разорвавшаяся шрапнель убила на мѣстѣ шестерыхъ (сестру милосердія, 2-хъ депутатовъ, одну депутатку и еще 2-хъ рабочихъ) и ранила человѣкъ 7—8. Намѣтивши цѣль, ростовскіе полководцы выпустили еще 15 зарядовъ въ разбѣгающуюся въ паникѣ толпу. Сколько было еще убитыхъ и раненыхъ, трудно сказать, потому что ихъ уже подбиралъ пріемный покой Вл. ж. д. Первыя же жертвы были подобраны рабочими и отнесены въ столовую.

Такъ, безъ всякаго предупрежденія, безъ всякой предварительной угрозы гг. Макѣевы и К° разстрѣляли мирную толпу. Но этотъ разстрѣлъ былъ только *началомъ*, онъ долженъ былъ послужить сигналомъ для дальнѣйшихъ звѣрствъ. Какъ только разда-

лись первые пушечные выстрѣлы, въ городѣ появились казаки и началась кровавая оргія. Безъ всякихъ предупрежденій, безъ всякихъ поводовъ отряды пьяныхъ казаковъ разстрѣливали населеніе. Стрѣляли по всѣмъ улицамъ, по всѣмъ направленіямъ, совершенно наобумъ. Творилось что-то дикое... Обезумѣвшіе жители вмѣсто того, чтобы прятаться, собирались на углахъ. Казаки ихъ разстрѣливали. Оргія продолжалась до 9 час. вечера; въ этотъ день оказалось около 100 жертвъ убитыхъ и раненыхъ только въ самомъ городѣ. Жертвы, конечно, были главнымъ образомъ изъ „мирнаго“ населенія, хотя вообще въ этотъ день еще никакихъ военныхъ дѣйствій со стороны рабочихъ не предпринималось. Поздно вечеромъ было созвано собраніе руководящихъ организацій. Насколько и въ этотъ даже моментъ—послѣ пережитыхъ ужасовъ дня, послѣ цѣлаго ряда звѣрствъ, свидѣтелями которыхъ были всѣ члены организаціи—насколько, я говорю, организація была далека отъ мысли организовать вооруженное возстаніе, показываетъ планъ дѣйствій, выработанный ею для слѣдующаго дня. Рѣшено было не созывать митинговъ, но всѣмъ ораторамъ и организаторамъ быть на мѣстахъ у помѣщеній, гдѣ происходили митинги, для того, чтобы въ случаѣ возможности организовать ихъ Боевымъ дружинамъ было поручено охранять митинги, если таковые состоятся. Боевой дружинѣ на Темерникѣ было поручено охранять до послѣдней крайности трупы убитыхъ товарищей и похоронить ихъ торжественно на слѣдующій день на Темерницкомъ кладбищѣ. Въ случаѣ военныхъ дѣйствій власть переходила въ руки начальника боевыхъ дружинъ, ему предоставлена была свобода дѣйствій. Я уже выше указывалъ, что рабочія дружины были организованы на случай еврейскихъ погромовъ, вооружены они были главнымъ образомъ револьверами. Въ эту ночь мобилизаціи вооруженіе ихъ обогатилось 20—25 ружьями, отчасти отобранными у разоруженныхъ жандармовъ, частью у населенія, которое послѣ событій дня отдавало ихъ охотно рабочимъ. Наиболѣе смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ рабочихъ были ручныя бомбы.

На слѣдующій день въ городѣ съ утра началась прежняя вакханалія, казаки стрѣляли по улицамъ безъ всякаго разбора. Ни о какихъ митингахъ въ городѣ не могло быть и рѣчи. На Темерникѣ же къ 12 часамъ дня въ зданіе столовой собралась тысячная толпа. Готовились къ похоронамъ, омывали трупы, обшивали красной матеріей гробы и т. д. Собраніе носило торжественно-печальный характеръ, о вчерашнихъ событіяхъ говорили еще въ полъ-голоса, о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ хотѣли говорить послѣ похоронъ. Но врагъ бодрствовалъ, и уже въ 1 ч. дня возобновилась бомбардировка. Было выпущено около 30 зарядовъ, но только

нѣсколько изъ нихъ попали въ зданіе столовой. Благодаря предусмотрительности организаторовъ собранія, раненыхъ оказалось очень немного, да и то легко. Бомбардировка была подготовительной. Вслѣдъ за ней полъ-батареи и сотня казаковъ были отправлены въ аттаку на Темерницкое поселеніе. Но мобилизованныя за ночь боевыя дружины рабочихъ, вооруженныя револьверами, бомбами и винтовками – послѣдними, правда, въ очень мизерномъ количествѣ, дружно отразили аттаку. Казаки были храбры только въ городѣ, гдѣ разстрѣливали мирное и безоружное населеніе. Но предъ горстью вооруженныхъ рабочихъ они предпочли отступить, оставивъ одного плѣннаго казака въ полномъ вооруженіи. Казакъ былъ обезоруженъ и посаженъ подъ арестъ, той же участи подвергся затѣмъ городовой, присланный въ штатскомъ платьѣ въ качествѣ развѣдчика. Особенно устрашающе подѣйствовала на казаковъ брошенная въ нихъ бомба во время ихъ нападенія на вокзалъ. Рабочіе при аттакѣ потеряли нѣсколько раненыхъ и убитыхъ. Особенно тяжелой была потеря молодого героя-рабочаго *Анатолія Сабино*. Онъ былъ членомъ Исполн. Ком. Сов. Р. Деп., пятидесятникомъ боевыхъ дружинъ, а при аттакѣ командовалъ дружинами. Молодой, красивый, онъ всегда горячо и самоотверженно отзывался на всякія обиды, наносимыя рабочимъ. Послѣ разстрѣла мирныхъ рабочихъ въ іюлѣ прошлаго года жандармскимъ полковникомъ Ивановымъ, онъ послѣ трехъ-недѣльнаго выслѣживанія застрѣлилъ его. Онъ же застрѣлилъ утромъ въ день своей смерти пристава Смосарева, дававшаго съ Темерника сигналы батареѣ. Во время аттаки онъ стоялъ въ первыхъ рядахъ. Когда пронзенный въ сердце онъ упалъ безъ одного стона, къ нему подошелъ его отецъ. взялъ его винтовку и сказалъ: „Товарищи, не отчаявайтесь, я умѣю стрѣлять также мѣтко, какъ и мой единственный сынъ“...

Съ этого дня начинаются правильныя военныя дѣйствія. Еще 13-го вечеромъ были убиты городовой, а 14-го утромъ приставъ Смосаревъ, дававшіе сигналы съ каланчи батареѣ. Съ ихъ убійствомъ и бѣгствомъ остальныхъ представителей полиціи все темерницкое поселеніе, вокзалъ и всѣ желѣзнодорожные пути оказались въ рукахъ рабочихъ, къ которымъ 14-го и 15-го прибыла подмога со ст. Тихорѣцкой и Кавказской. Въ Нахичевани, гдѣ рабочія дружины дѣйствовали партизански, полиція фактически устранилась отъ власти. Присланные ей на помощь 30 казаковъ отказались повиноваться приставу. и сидѣли вмѣстѣ съ нимъ взаперти въ участкѣ. И только Ростовъ остался въ рукахъ казаковъ, правда, и здѣсь были отдѣльныя нападенія на нихъ. 14-го около новопоселенскаго театра была въ нихъ брошена бомба, причемъ были убиты

7 казаковъ и 4 ранено. Были случаи нападенія на казаковъ со стороны озлобленнаго населенія. Но фактически они были господами положенія. Съ ранняго утра до поздней ночи по городу раздавались ружейные залпы, это казаки упражнялись въ стрѣльбѣ по живымъ цѣлямъ. Одновременно они занялись грабежомъ; всѣхъ обыскиваемыхъ—а имъ было предоставлено обыскивать всѣхъ днемъ и ночью—они обирали какъ липку, не брезгая самыми мелкими суммами. Нечего и говорить, что этотъ массовый разстрѣлъ еще болѣе углубилъ забастовку: закрылись государственный банкъ, казначейство, мелочныя лавочки, которымъ Сов. Раб. Д. разрѣшилъ торговать.

Одновременно противъ Темерницкаго поселенія велась правильная осада. Ежедневно съ 12 до 3 час. производилась бомбардировка изъ артиллерійскихъ орудій. 17, 18 и 19-го бомбардировки не было, благодаря густому туману и непрерывному дождю. Въ эти дни и. д. градоначальника полк. Макѣевъ занимался литературной бомбардировкой. Чуть ли не каждый день появлялись за его подписью гектографированныя воззванія, которыя поражали своею безграмотностью. Въ однихъ онъ приглашалъ населеніе помочь ему побѣдить „мятежниковъ“. Въ другой онъ убѣждалъ гражданъ, что въ теченіе семи дней ихъ разстрѣливаютъ не пьяные казаки, а переодѣтые въ казачьи формы революціонеры (!!?).

Въ лагерѣ рабочихъ въ это время жизнь била ключемъ. Жители Темерницкаго поселенія (около 10—12 т.) признали безъ всякихъ возраженій власть начальниковъ рабочихъ дружинъ. Съ перваго же дня военныхъ дѣйствій на Темерникѣ сами рабочіе ввели военное положеніе. Позже 8-ми часовъ нельзя было выходить на улицу, повсюду ходили рабочіе патрули, которые охраняли жителей отъ воровъ, и въ тоже время слѣдили за дѣйствіями непріятеля. Боялись ночной аттаки казаковъ. Была организована штабная квартира, куда стекались всѣ поступавшія свѣдѣнія, откуда исходили распоряженія. А послѣднихъ было не мало. Кромѣ распредѣленія патрулей, выдачи патроновъ и оружія, пріема пріѣзжающихъ съ линіи ж. д. делегатовъ и т. д., приходилось организовать огромную интендантскую часть. Нужно было прокормить ежедневно 350—400 дружинниковъ, нужно было многихъ обуть и т. д. Приходилось устраивать квартиры. Жители Темерника во всемъ этомъ охотно содѣйствовали дружинамъ. Были отведены квартиры, жители жертвовали провизію: муку, молоко, сухари. Такія же пожертвованія были въ Ростовѣ и Нахичевани, трудно было только доставить ихъ на Темерникъ, но и эти затрудненія устранялись благодаря самоотверженности охотниковъ. Провизію доставлялъ также крестьянскій союзъ изъ окружныхъ деревень. Были организованы столовыя, пекарни для дружинниковъ.

Но все это была внутренняя, лагерная жизнь. Военныя дѣйствія ограничивались обстрѣломъ батарей во время бомбардировки. Благодаря условіямъ мѣстности, батареи находились постоянно въ сферѣ ружейнаго огня, поэтому рабочіе стрѣлки (особенно кавказцы) причиняли часто уронъ непріятелю и заставляли его мѣнять положеніе батарей. Но и въ этихъ дѣйствіяхъ принимали участіе только винтовочники. Огромное же большинство дружинниковъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующаго оружія, должны были бездѣйствовать. Они должны были быть на готовѣ только на случай аттаки. Съ перерывомъ бомбардировки, благодаря дождливой погодѣ, положеніе становилось еще болѣе неопредѣленнымъ. Обѣ стороны какъ бы выжидали рѣшительныхъ дѣйствій другъ отъ друга. Наконецъ, областная и мѣстная администрація, послѣ тщательныхъ поисковъ бригаднаго генерала (каковой по новому „конституціонному“ закону въ правѣ превращать чрезвычайную охрану въ военное положеніе), рѣшили превратить воинскаго начальника полковника Макѣева во временнаго генералъ-губернатора! Какъ таковой, онъ 19-го вечеромъ объявилъ Ростовъ и Нахичевань на военномъ положеніи съ присущими этому положенію прелестями. А 20-го утромъ онъ предпринялъ рѣшительныя мѣры, т. е. съ 7 часовъ утра начался усиленный артиллерійскій обстрѣлъ Темерницкаго поселенія. Въ теченіе шести часовъ было выпущено болѣе 150 зарядовъ, обстрѣлъ производился перекрестный. Съ трехъ часовъ дня до пяти продолжался ружейный обстрѣлъ по продольнымъ и поперечнымъ улицамъ Темерника. До 5 часовъ дружины стойко отражали нападенія, заставляя часто батареи мѣнять позиціи. Но въ 5 час. запасъ ружейныхъ патроновъ изсякъ, было рѣшено оставить Темерницкія позиціи. Подъ прикрытіемъ ночной темноты дружинники со всѣми боевыми запасами и оружіемъ покинули Темерникъ, предупредивъ о томъ населеніе, которое на слѣдующее утро выкинуло бѣлый флагъ. Поэтому телеграмма Макѣева на имя Витте отъ 26 декабря о томъ, что „мятежники, оставивъ оружіе, бѣжали“—является чистѣйшимъ вымысломъ. Въ руки Макѣева не попало ни одного револьвера...

Положеніе дѣлъ, конечно, это мало мѣняло. Фактически Темерникъ переходилъ въ руки Макѣева, и жители его оцѣнили этотъ фактъ достойнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ дружинниками покидали они свои дома, захватывая съ собой наиболѣе цѣнныя вещи. Они знали, что предстоитъ разгромъ. До тѣхъ поръ, пока дружинники были на Темерникѣ, ихъ имущество и жизнь были внѣ опасности, теперь же... они видѣли передъ собою примѣръ Ростова, отданнаго въ распоряженіе казаковъ...

Военныя дѣйствія въ Ростовѣ закончились трагическимъ фак-

томъ, настолько же ужаснымъ, насколько и безумнымъ. Дружинники, избѣгнувъ тысячи опасностей, перенесли оружіе, динамитъ и бомбы въ Нахичевань въ столовую при заводѣ Аксай, которой они заранѣе завладѣли. Большая часть дружинниковъ разошлись. Девять изъ нихъ остались ночевать въ столовой. 21-го въ 7 ч. утра раздался оглушительный взрывъ. Столовая взлетѣла на воздухъ. На мѣстѣ вчерашнихъ героевъ остались обожженные трупы.

Оставшіеся въ живыхъ дружинники, члены Исп. Ком. и жел. дор. Бюро въ теченіе слѣдующихъ дней скрылись изъ Ростова. Реакція начинала торжествовать. Начались обыски, аресты. 21-го былъ пущенъ трамвай, полиція начала открывать банки, магазины. По словамъ Макѣева, въ городѣ устанавливалось спокойствіе. Спокойствіе кладбища!

III.

Таковы факты декабрьскихъ дней въ Ростовѣ н/Д. Постараемся подвести кое-какіе итоги. Уже выше я указалъ, что какъ ни основательны могли быть тѣ мотивы, которые руководили петербургскими и московскими организаціями при объявленіи забастовки, неоспоримымъ фактомъ является то, что такое раннее объявленіе всеобщей политической забастовки было тактической ошибкой. И, если въ Ростовѣ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, полная забастовка прошла очень удачно, то другая сторона общей неподготовленности давала себя сильно знать. Я говорю о взаимной освѣдомленности, объ объединенности дѣйствій. Отсутствіе освѣдомленности отразилось уже при объявленіи забастовки: кромѣ лаконической телеграммы объ объявленіи ея, ни одна изъ руководящихъ организацій въ Ростовѣ не получила изъ столицъ никакихъ тактическихъ директивъ. Ростовцы были предоставлены самимъ себѣ. На телеграфные запросы Пет. и Моск. Сов. Раб. Деп., Центр. и Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П. не было получено никакого отвѣта. Положеніе ухудшилось съ началомъ военныхъ дѣйствій. Боевыя рабочія дружины испортили три линіи правительственнаго телеграфа, въ рукахъ администраціи осталась только одна линія черезъ Кіевъ-Варшаву. Желѣзнодорожный телеграфъ находился въ рукахъ рабочихъ, но администрація 16-го или 17-го числа перерѣзала проволоку, и такимъ образомъ революціонный Ростовъ былъ изолированъ отъ всей Россіи. Приходили фантастическія вѣсти о переходѣ Петербурга и Москвы въ руки рабочихъ и т. д., но всѣмъ этимъ слухамъ организаціи не придавали вѣры. Эта оторванность парализовала всю дѣятельность. Отсутствіе освѣдомленности сковывало иниціативу и энергію мѣстныхъ руководителей. Тактическія директивы—я сказалъ бы—диктовались не поставленными себѣ цѣлями, а только дѣйствіями противника.

Посмотримъ теперь, насколько вообще были возможны рѣшительныя военныя дѣйствія. Не будемъ обманывать себя фактами, вдумаемся въ нихъ. Никто не посмѣетъ отрицать высокаго героизма ростовскихъ рабочихъ, вооруженная кучка которыхъ въ теченіе *восьми* дней выдерживала осаду артиллерійской батареи и шести сотенъ казаковъ. Наша задача, отдавъ должное беззавѣтной храбрости геройскимъ защитникамъ Темерника, выяснить, чѣмъ обусловливался ихъ продолжительный успѣхъ, и могли ли они предпринять какое-либо нападеніе. Несомнѣнно, такая продолжительная осада объясняется невыразимою трусостью казаковъ. Брошенная въ нихъ при первой атакѣ бомба навела на нихъ такой ужасъ, что никакая дисциплина не могла заставить ихъ двинуться на Темерникъ Между тѣмъ, если бы казаки совершили аттаку не на гору, а обойдя Темерницкое поселеніе съ горы, то они не могли бы подвергнуться метанію бомбъ. Подъ прикрытіемъ артиллеріи они въ полъ-часа заняли бы Темерникъ. Рабочія дружины это прекрасно понимали, и вниманіе патрулей было сосредоточено главнымъ образомъ на тылъ. Нерѣшительности казаковъ содѣйствовали, можетъ быть, фантастическіе слухи, ходившіе по городу, что весь Темерникъ минированъ, что кругомъ него фугасы, волчьи ямы и пр. и пр.

Возможны ли были наступательныя дѣйствія рабочихъ, т. е. перенесеніе военныхъ операцій въ самый городъ? Безусловно нѣтъ. Болѣе горячія головы предлагали это, но совѣтъ десятниковъ отвергалъ всякіе нелѣпые планы. Ростовъ идеальный городъ въ смыслѣ расланировки его. Широкія и прямыя улицы даютъ возможность дѣйствовать артиллеріи на какомъ угодно разстояніи. Не было ни одного мѣста, ни одного угла, которые могли бы служить базисомъ. Кромѣ того 25—35 винтовочниковъ были сильны, когда они изъ хорошихъ засадъ обстрѣливали батареи; выведенные на улицу они были бы моментально уничтожены. На Темерникѣ дружины были у себя—среди жителей или самихъ рабочихъ, или близко къ нимъ стоящихъ; большой вопросъ, какъ отнеслось бы къ нимъ городское населеніе, если даже предположить тотъ немыслимый фактъ, что рабочіе могли бы укрѣпиться гдѣ-нибудь въ городѣ.

Невозможность наступательныхъ дѣйствій въ связи съ отсутствіемъ какихъ-либо иногородныхъ свѣдѣній вносили деморализацію въ ряды дружинниковъ. Когда не было непосредственной борьбы, не было видно противника, не чувствовалось опасности, которая, зажигая отвагу, превращаетъ человѣка въ героя, тогда выступали наружу будничные интересы, мелкіе нужды и счеты. Бездѣлье массы дружинниковъ только способствовало этому про-

цессу. Не нужно забывать, что въ числѣ дружинниковъ было много элементовъ пришлыхъ, постороннихъ, пріѣхавшихъ съ линіи. Только часть дружинниковъ была вполнѣ сознательнымъ, идейнымъ борцомъ за рабочее дѣло. Но у нихъ было такъ много дѣла, что они не имѣли возможности во время военныхъ дѣйствій еще заниматься агитаціей среди дружинниковъ.

Отъ рабочей же массы, которая могла ихъ вдохновлять и революціонизировать, дружинники были оторваны. Этотъ дефектъ естественно вытекаетъ изъ самыхъ условій вооруженныхъ столкновеній. Количество оружія ничтожное; естественно, что вооружается очень незначительное количество рабочихъ, да и притомъ вовсе не всегда тѣхъ, которыхъ обыкновенно масса привыкла видѣть въ своихъ первыхъ рядахъ. Для того, чтобы быть идейнымъ руководителемъ, нужны совсѣмъ иныя качества, чѣмъ для того, чтобы быть военнымъ руководителемъ. Но больше того, при вооруженныхъ столкновеніяхъ на аренѣ борьбы остается кучка вооруженныхъ дружинниковъ. Масса скрывается; съ голыми руками на улицѣ не останешься. Особенно рельефно это проявилось въ Ростовѣ. Фактически въ ростовскихъ событіяхъ активное участіе принимали 300—400 человѣкъ, остальные десятки тысячъ сидѣли по домамъ. И если рабочіе Влад. ж. д., живущіе въ громадномъ большинствѣ на Темерникѣ, были втянуты въ движеніе пассивно, хотя бы какъ непосредственные свидѣтели, какъ подвергавшіеся артиллерійскому обстрѣлу, то масса ростовскихъ и нахичеванскихъ рабочихъ были совершенно внѣ борьбы. Только благодаря хорошо организованной помощи стачечникамъ, благодаря возможности печатать все время воззванія, и такимъ образомъ поддерживать настроеніе, удалось провести все время стачку. Но былъ моментъ, когда нѣкоторыя фабрики должны были начать работать, когда на Темерникѣ шелъ еще бой.

Какъ проявляли себя войска? Былъ только одинъ моментъ, когда взводъ солдатъ отказался стрѣлять въ рабочихъ. Это было въ помѣщеніи III-го класса вокзала въ первый день событій, но тамъ рабочіе и солдаты сгояли грудь объ грудь. Чѣмъ характерны событія въ Ростовѣ, что такого рода встрѣча была единственной. Все время борьба продолжалась на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Ни казаки, ни солдаты, ни тѣмъ болѣе артиллеристы *), не сходились вплотную съ рабочими, не могли слышать ихъ братскихъ призывовъ, не могли заразиться ихъ энтузіазмомъ, ихъ самоотверженностью. Солдаты не видѣли предъ собою людей, а видѣли

*) Ходили слухи въ городѣ, что артиллеристы заряжали пушки подъ угрозою казацкихъ винтовокъ. Насколько это вѣрно, не могу сказать.

только цѣли для стрѣльбы. При такихъ условіяхъ о переходѣ войскъ на сторону народа не можетъ быть и рѣчи.

Необходимо отмѣтить еще одно обстоятельство. Брошенныя въ казаковъ бомбы произвели на нихъ устрашающее дѣйствіе, но они ихъ и озлобили. Агитація начальства на этой почвѣ имѣла огромный успѣхъ. Казаки дѣйствовали уже не за страхъ, а за совѣсть. Въ ихъ глазахъ рабочіе становились дѣйствительно ихъ врагами.

Какъ отнеслась ростовская буржуазія къ декабрьскимъ событіямъ? Выше я уже указалъ на отношеніе городской думы, та не только аплодировала рѣшенію Макѣева разстрѣлять рабочихъ, она поддерживала его и письменною агитаціей (выше я указывалъ на воззваніе Г. Д.) противъ рабочихъ. Эта же Дума въ первые дни забастовки посылала депутацію къ предсѣдателю жел. д. Бюро (слесарь Влад. ж. д.) вести переговоры объ отправкѣ безработныхъ на мѣсто ихъ жительства.

Мелкая буржуазія и интеллигенція относилась сочувственно къ движенію рабочихъ, но, за исключеніемъ денежной помощи, только платонически. Характерно въ этомъ отношеніи поведеніе армянскихъ дружинъ. Когда рабочіе обратились къ нимъ за поддержкой, онѣ заявили, что выступятъ только во время погрома, т. е. когда будетъ подвергаться риску ихъ имущество.

В. С.

Выборы во Франціи.

За Англіей послѣдовала Франція, а черезъ нѣсколько дней мы, по всей вѣроятности, сможемъ прибавить: за Франціей идетъ Бельгія! Какое совпаденіе! Блестящій тріумфъ соціализма въ Западной Европѣ рядомъ съ русской революціей и австрійской борьбой за избирательное право! Славная побѣда нашихъ французскихъ товарищей составляетъ только часть общаго международнаго развитія, и съ этой именно стороны мы и будемъ ее здѣсь разсматривать.

До самаго недавняго времени развитіе соціалдемократіи во всѣхъ европейскихъ странахъ шло рядомъ съ упадкомъ либерализма, съ ростомъ консервативныхъ партій и реакціи. Но сейчасъ въ Западной Европѣ произошелъ переломъ въ такомъ ходѣ вещей. Уже

прошлогодніе выборы въ Голландіи дали одновременную побѣду либераловъ и соціалдемократіи. Въ январѣ нынѣшняго года были разбиты на голову англійскіе консерваторы, а побѣда досталась новой рабочей партіи совмѣстно съ либералами. Теперь мы видимъ то же самое во Франціи, гдѣ буржуазные радикалы и соціалисты торжествуютъ побѣду надъ консерваторами и клерикалами, а наши бельгійскіе товарищи надѣются также, что тамошніе выборы, которые должны состояться на дняхъ, принесутъ паденіе клерикальнаго министерства.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, не специфически французскимъ, а общимъ для всѣхъ странъ съ парламентскимъ режимомъ. Объясненіе этого явленія можно найти, если не цѣликомъ, то въ значительной мѣрѣ, въ тѣхъ превратностяхъ, которыя были пережиты консервативной партіей.

Первоначально противоположность между либералами и консерваторами покоилась въ крайнемъ счетѣ на противоположности между городомъ и деревней, между прибылью и рентой, между быстрымъ темпомъ экономическаго развитія большихъ городовъ и относительнымъ застоемъ въ деревняхъ и маленькихъ городахъ. Но цитадели либерализма—крупные городскіе центры были также питомниками соціалдемократіи. Здѣсь прежде всего пріобрѣталъ пролетаріатъ классовое сознаніе и силу, необходимую для самостоятельной классовой политики. Такимъ образомъ, либерализму, съ одной стороны, былъ закрытъ доступъ въ деревни и маленькіе города, а съ другой стороны, соціалдемократія все болѣе и болѣе вытѣсняла его изъ крупныхъ центровъ. Можно было поэтому думать, что въ концѣ концовъ либерализмъ будетъ растертъ между консервативными элементами и соціализмомъ.

Первоначально усиленію консервативныхъ элементовъ благопріятствовало экономическое развитіе,

приводившее различнѣйшими путями къ устраненію замкнутости сельскаго населенія, что сначала было равносильно наростанію консервативнаго образа мыслей въ городахъ. Заокеанская конкуренція понизила поземельную ренту и принудила крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ покрывать эту потерю повышеніемъ промышленной прибыли, т. е. придать сельскому хозяйству промышленный характеръ, превративъ его въ придатокъ къ прибыльному промышленному предпріятію, вродѣ сахороваренаго завода, винокуреннаго, сыроварни и т. д. Такимъ образомъ, исчезала противоположность между рентой и прибылью: аграріи, которые прежде относились враждебно къ капиталу, теперь стали застрѣльщиками капиталистической эксплуатаціи.

Далѣе, усовершенствованіе путей сообщенія притянуло въ крупные промышленные центры цѣлыя толпы сельскихъ жителей, а также торговцевъ и ремесленниковъ изъ маленькихъ городовъ. Чтобы обезпечить свое существованіе, они занимали мѣста стачечниковъ, жили мелкой торговлей или ремесломъ, а политически оставались при традиціонныхъ консервативныхъ взглядахъ, которымъ они, такимъ образомъ, создавали широкую почву въ большихъ городахъ.

Наконецъ, быстрое развитіе крупнаго капитала вызвало постепенное паденіе мелкаго производства и въ большихъ городахъ, а вслѣдствіе этого либеральный нѣкогда мелкій буржуа также сталъ склоняться къ консервативнымъ, якобы антикапиталистическимъ тенденціямъ.

Такимъ образомъ, консервативная партія, какое бы названіе она себѣ не придавала, превратилась изъ партіи одного единаго класса въ защитницу разнообразнѣйшихъ и противоположнѣйшихъ классовыхъ интересовъ. Это обстоятельство часто способствовало ея быстрому распространенію по всей странѣ, содѣйствовало устраненію

аграрно-мѣщанской ограниченности, но оно же присуждало ее не только къ безплодности, но и къ безчестности и къ противорѣчивѣйшимъ мѣропріятіямъ, въ результатѣ которыхъ не могли не явиться разнаго рода непріятности, неудовольствіе или даже раздраженіе.

Въ не-парламентскихъ странахъ консервативнымъ партіямъ иногда еще удается скрыть свое безсиліе и свои неудачи, взваливъ отвѣтственность за нихъ на правительство. Но въ парламентскихъ странахъ каждая партія, находящаяся въ большинствѣ, сама несетъ отвѣтственность за акты правительства, и именно безсиліе и дурное веденіе дѣлъ привели къ столь жалкому паденію англійской консервативной партіи, обладавшей въ теченіе цѣлаго десятилѣтія огромнымъ большинствомъ. Если въ Бельгіи удастся низвергнуть клерикальный режимъ, опустошающій эту страну уже въ теченіе двухъ десятилѣтій, то это обстоятельство навѣрное также явится, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ вредной дѣятельности этого режима.

Во Франціи въ послѣднія десятилѣтія консерваторы не были у власти, хотя при выборахъ 1898 года они имѣли значительный успѣхъ. Но во многихъ крупныхъ коммунахъ они временно были въ большинствѣ, а этого было достаточно для того, чтобы обнаружить ихъ безсиліе. Но кромѣ того, даже какъ партія оппозиціи, они своей особой манерой выступленія сумѣли самымъ недвусмысленнымъ образомъ доказать свою полную безпрограммность и безыдейность и полную неспособность къ какой-нибудь положительной работѣ.

Потерявши свой аграрный характеръ, найдя доступъ въ большіе города и превратившись въ защитника капитала, консервативная партія, съ одной стороны, расшатала тѣ корни, которые она пустила въ деревнѣ, а, съ другой стороны, натолкнулась на соціалдемократію, т. е. на гораздо болѣе опаснаго противника, какимъ былъ либерализмъ.

Такимъ образомъ, причины ея преходящаго роста стали причинами ея теперешней гибели. Либерализмъ же и буржуазный радикализмъ побѣдили, не благодаря своей собственной силѣ, а благодаря безсилію своихъ противниковъ; не вслѣдствіе могущества своей программы, а вслѣдствіе того, что консерваторы могутъ противопоставить безпрограммному радикализму только неясности и глупости. И результатомъ этой побѣды радикализма будетъ его собственная гибель. Для нашей же партіи эта побѣда создаетъ самую благопріятную почву.

Радикализмъ можетъ дать такъ же мало, какъ консерваторы, по той простой причинѣ, что въ настоящее время всякій значительный шагъ впередъ въ области соціальной можетъ совершиться только за счетъ капитала, путемъ ограниченія капиталистической эксплуатаціи или путемъ ограниченія орудій господства капиталистическаго государства. Но на такія мѣропріятія буржуазный радикализмъ нынче менѣе, чѣмъ когда-либо, способенъ.

Всѣ реформы, на которыя отважится радикальный режимъ, должны потерпѣть крушеніе или будутъ изуродованы вслѣдствіе противодѣйствія капитала, данникомъ котораго состоитъ французскій радикализмъ, какъ и всякая другая буржуазная партія. Въ борьбѣ за подобныя реформы эти радикалы превратятся въ консерваторовъ. Судьба буржуазной демократіи въ современномъ обществѣ рѣшена: поскольку эта демократія не смѣнится соціализмомъ и не растворится въ немъ, она должна быть задавлена теченіями консервативными. Тамъ, гдѣ радикализмъ побѣждаетъ консервативную партію, онъ попадаетъ въ положеніе, заставляющее его самого взять на себя исполненіе функцій консервативной партіи.

Какъ разъ теперь больше, чѣмъ когда либо, французскій радикализмъ принужденъ измѣнить самому

себѣ и, ставши у власти, дѣлать все то, на что онъ нападалъ, бывши въ оппозиціи. Постоянное обостреніе классовыхъ противорѣчій, особенно поддерживаемое русской революціей, дошло въ данный моментъ до такого пункта, что повсюду возникаютъ массовыя столкновенія между рабочими и предпринимателями. Радикальному режиму, этому покорному лакею капитала, предстоитъ такимъ образомъ задача превзойти всѣ прежніе буржуазные режимы самымъ безсовѣстнымъ пусканіемъ въ ходъ военныхъ и полицейскихъ силъ. Нѣсколько назидательныхъ образчиковъ этого сорта онъ уже приподнесъ намъ въ день перваго мая и въ предшествовавшіе дни.

Въ то же время русско-японская война нарушила европейское равновѣсіе, а всеобщее недовѣріе и колоніальное хищничество создали новые элементы конфликтовъ, которые сегодня въ Марокко, завтра на берегахъ Краснаго моря, а послѣ завтра, можетъ быть, у Персидскаго залива или въ Китаѣ, грозятъ нарушить международный миръ. При такихъ обстоятельствахъ капиталистическому правительству, будь оно наирадикальнѣйшимъ, приходится исчерпать всѣ силы страны на военное вооруженіе, такъ что для соціальныхъ реформъ ничего не остается.

Затѣмъ, та же внѣшняя политика заставляетъ радикальное правительство стать сильнѣйшей опорой русскаго абсолютизма. Благодаря этому, оно не только приходитъ въ рѣзкое столкновеніе съ русскимъ народомъ и всѣми истинными друзьями русской свободы,—и среди нихъ на первомъ мѣстѣ съ французскимъ пролетаріатомъ,—но беретъ также на себя отвѣтственность за весьма непрочное финансовое хозяйство Россіи и за то страшное банкротство Франціи, которое должно здѣсь наступить вслѣдъ за полнымъ крушеніемъ русскаго государственнаго хозяйства.

А въ тоже время радикальный режимъ потерялъ

единственный пунктъ программы, дѣлавшій его популярнымъ—отдѣленіе церкви отъ государства. Хотя въ проведеніи этой реформы обнаружились недостатки и шатанія, хотя сама реформа очень мало поколебала силу церкви въ ея основахъ, все же для ближайшихъ лѣтъ церковная политика вычеркнута изъ порядка дня и, такимъ образомъ, радикализмъ лишенъ крупнѣйшаго пункта своей притягательной силы.

Соціалдемократію больше ничто не соединяетъ съ радикализмомъ, такъ какъ и республиканскій государственный строй установленъ окончательно. Ходъ событій ясно предначерталъ теперь передъ соціалдемократіей ея поведеніе по отношенію къ радикализму: это должна быть рѣшительная оппозиція, которая поможетъ оторвать отъ буржуазнаго радикализма и послѣдніе остатки пролетаріата. А рядомъ съ этимъ этотъ радикализмъ, благодаря логикѣ фактовъ, будетъ становиться все болѣе консервативнымъ, все болѣе похожимъ на правыя партіи.

Мы можемъ, слѣдовательно, ожидать, что нынѣшніе французскіе выборы были послѣдними, происходившими подъ знакомъ противоположности между республиканами,—какъ буржуазными, такъ и соціалистическими,—съ одной стороны, и монархистами и клерикалами, съ другой. Можно надѣяться, что въ новой палатѣ столкновенія противоположныхъ интересовъ примутъ такой характеръ и размѣры, что на ближайшихъ выборахъ будутъ знать одно только противопостановленіе: здѣсь буржуазныя партіи, тамъ соціалдемократія.

И то, что здѣсь сказано о Франціи, относится также, съ соотвѣтствующими измѣненіями, и къ Англіи, и къ парламентскимъ странамъ вообще. Насущная задача практической политики нашихъ товарищей въ этихъ странахъ существенно отличается отъ той же задачи въ полуабсолютистскихъ странахъ Восточной Европы. У насъ въ Германіи отдѣленіе пролетаріата отъ либе-

рализма происходило относительно легче—хотя абсолютно съ достаточно еще большими трудностями—благодаря ничтожеству этого самаго либерализма. Но именно это ничтожество привело къ тому, что всемогуществу арміи, бюрократіи и юнкерства нельзя было противопоставить сильный парламентъ. Поэтому задача сломить это всемогущество выпадаетъ на долю соціалдемократіи, а пока эта трудная задача не рѣшена, наши западно-европейскіе товарищи будутъ часто удивляться тому, что сильному росту нашихъ голосовъ не соотвѣтствуетъ ростъ нашего политическаго вліянія.

Не слѣдуетъ искать причину этой кажущейся слабости въ ложной тактикѣ германской соціалъ-демократіи, такъ какъ повинна въ этомъ единственно слабость прежняго либерализма. Но было бы безумiемъ видѣть въ союзѣ съ жалкими остатками этого самаго либерализма средство, которое можетъ дать намъ силу завоевать то, что не осмѣливался взять борьбой либерализмъ въ дни своего гордаго расцвѣта и силы и что онъ хотѣлъ выманить какъ подаяніе.

Не менѣе неправы были и тѣ германскіе товарищи, которые, удивляясь кажущейся слабости западно-европейскаго соціалистическаго движенія, искали причину этой слабости въ ложной тактикѣ. Если причина относительной слабости германской соціалдемократіи, ея политическаго безсилія при огромномъ числѣ голосовъ, лежитъ въ безсиліи германскаго рейхстага, то причину прежней относительной слабости европейскихъ соціалистическихъ партій, медленнаго наростанія числа ихъ голосовъ, предоставленія значительныхъ пролетарскихъ массъ руководству буржуазнаго либерализма надо искать въ силѣ парламента. Эта сила парламентаризма создана либеральной буржуазіей цѣлымъ рядомъ блестящихъ революціонныхъ битвъ, оставившихъ сильнѣйшее впечатлѣніе у населенія всѣхъ классовъ и глубоко вкоренившихъ въ нихъ взгляды либерализма, такъ что

даже опытъ пролетарской классовой борьбы и просвѣтительныя идеи соціализма получили во многихъ пролетарскихъ слояхъ либеральную окраску.

Этимъ объясняется то обстоятельство, что либералы въ Англіи, радикалы во Франціи умудрялись всякій разъ снова и снова, въ той или иной формѣ, овладѣть ускользающими отъ нихъ пролетарскими массами. Можно ожидать, что для Англіи такое положеніе вещей кончается, и можно еще съ большей увѣренностью допустить, что для Франціи этотъ конецъ уже наступилъ. Процессъ обособленія пролетарскихъ массъ отъ буржуазной демократіи, поскольку первыя къ ней еще примыкали, теперь будетъ идти гигантскими шагами. А въ такой парламентской странѣ, какой является Франція, партія, обладающая такой силой, какой обладаетъ германская соціалдемократія, имѣетъ совершенно другой политическій вѣсъ, чѣмъ въ странѣ стыдливаго или безстыднаго абсолютизма.

Но сила, которую пріобрѣтетъ французская соціалдемократія, должна такъ же, какъ и сила, развиваемая россійской соціалдемократіей, повліять въ свою очередь на борьбу, ведущуюся германской соціалдемократіей противъ всемогущества арміи, юнкерства и бюрократіи. Такимъ образомъ, и тамъ и здѣсь, различными средствами, но одинаковымъ темпомъ, мы, при постоянномъ обостреніи политическихъ и соціальныхъ противорѣчій, идемъ на встрѣчу одному и тому же событію— великой и рѣшительной битвѣ, въ которой пролетаріатъ завоюетъ политическую власть.

К. Каутскій.

Первая недѣля Думы.

I. Кадеты.

День 27-го апрѣля не удовлетворилъ ту часть петербургской демократіи, которая смотрѣла на предстоявшее открытіе Думы безъ излишняго пессимизма. Почему не удовлетворилъ, этого вѣроятно никто изъ недовольныхъ не сумѣлъ бы объяснить точно. Чего-то не хватало въ событіяхъ перваго думскаго дня для того, чтобы прочно утвердить въ умахъ представленіе о дѣйствительномъ началѣ новаго періода въ русской революціи.

Открытію Думы предшествовалъ съѣздъ партіи „Народной Свободы", выступавшей и имѣвшей извѣстныя основанія выступать въ качествѣ „хозяйки" Думы. Ходъ работъ этого съѣзда долженъ былъ настроить демократію въ высшей степени подозрительно. Партія, объявлявшая себя побѣдительницей одновременно реакціонныхъ и революціонныхъ силъ, на вопросъ, какъ она намѣрена воспользоваться побѣдой, отвѣтила: „смотря по обстоятельствамъ". Все показывало, что сердца „кадетовъ" значительно размягчились подъ вліяніемъ отставки министерства Дурново-Витте и что это размягченіе роковымъ образомъ отразилось на ихъ, и безъ того не чрезмѣрной, „боевой готовности".

Самыя событія перваго дня заключали въ себѣ нѣчто неожиданное. Рѣчь избраннаго предсѣдателя говорила о твердомъ его намѣреніи охранять прерогативы верховной власти. Но эти прерогативы, только что октроированныя „основными законами", до послѣдней степени умаляли власть и значеніе Думы. По точному смыслу словъ г-на Муромцева, выходило, что онъ считаетъ своей задачей держать Думу въ рамкахъ „основныхъ законовъ". Демократія ожидала, что Дума явится органомъ „народнаго гнѣва", и языкъ „кадетовъ"

во время выборовъ и, частью, еще на самомъ съѣздѣ не спѣшилъ опровергнуть такія ожиданія демократіи. Слова предсѣдателя, встрѣченныя аплодисментами, были первымъ ушатомъ холодной воды.

Засимъ послѣдовало „истерическое“, какъ говорили нѣкоторые, выступленіе г-на Петрункевича, который внѣ порядка засѣданія издалъ продолжительный „вопль“ о необходимости заявить объ амнистіи. Почему именно объ амнистіи?. Почему не о разслѣдованіи преступленій заблаговременно скрывшагося кабинета, почему не о замѣнѣ его „парламентскимъ“ министерствомъ, почему не объ „основныхъ законахъ“ и нарушеніи октябрьскаго манифеста, почему не о немедленномъ снятіи военнаго положенія и чрезвычайной и усиленной охранъ?. Почему изъ всѣхъ этихъ одинаковыхъ въ принципіальномъ смыслѣ требованій выдѣляется амнистія, какъ единственно заслуживающая взятія за скобки тѣхъ „законныхъ рамокъ“, въ которыхъ кадетская группа, видимо, собирается вести Думу?. Совершенно вѣрно впослѣдствіи объяснилъ кадетскій же депутатъ, проф. Щепкинъ: „если амнистія связана съ цѣпью реформъ, совокупность которыхъ явится правовымъ переворотомъ и сведеніемъ къ нулю всѣхъ прежнихъ политическихъ преступленій, тогда она становится принципіальной и совпадаетъ съ признаніемъ стараго строя безвозвратно отошедшимъ въ прошлое“. Но вѣдь Думѣ 27 апрѣля было ясно, что правительство, какъ нельзя болѣе, далеко отъ такого признанія? Не означало ли при такихъ условіяхъ выдѣленіе вопроса объ амнистіи намѣренное лишеніе его всякаго принципіальнаго характера?

Г-нъ Петрункевичъ настолько чувствовалъ это, что сразу заговорилъ о „мольбѣ“ и „милосердіи“. Повидимому, кадетскіе вожди, вѣрные своей обычной манерѣ, сразу вели двѣ игры: съ одной стороны, они нащупали въ амнистіи наименѣе защищенное мѣсто правитель-

ства, которое, какъ показало уже 21 октября, всего легче можетъ согласиться, безъ опасенія за прочія позиціи, пожертвовать тысячами тюремныхъ плѣнниковъ. Поднимая во „внѣпарламентской“ формѣ вопросъ объ амнистіи, кадеты могли расчитывать, что правительство поспѣшитъ взять дѣло всецѣло въ свои руки и тѣмъ избавитъ Думу отъ соблазна выхода за предѣлы „основныхъ законовъ“, которые, по буквальному смыслу, изымаютъ подобный вопросъ изъ сферы думскаго законодательства. Съ другой стороны, постановка этого вопроса въ первый же день должна была поднять симпатію народа къ Думѣ и ея хозяевамъ. И волки могли бъ остаться сыты, и овцы—цѣлы. Но—за двумя зайцами погонишься... Сведеніе амнистіи къ милости покоробило демократію и вызвало гласные протесты ссыльныхъ и заключенныхъ, а правительство, понявъ, какую роль ему отводятъ думскіе Улиссы, предпочло пережидать, справедливо соображая, что въ войнѣ предназначенную къ сдачѣ позицію всегда выгоднѣе сдать позже, а не раньше.

Выступленіе г-на Петрункевича должно было служить прелюдіей къ поѣздкѣ г-на Муромцева въ Царское Село. 29 апрѣля всѣ ждали отчета г-на Муромцева объ этой поѣздкѣ. Такого отчета не послѣдовало ни тогда, ни послѣ, и ни одна любопытная душа не освѣдомилась у предсѣдателя, въ какомъ положеніи стоитъ дѣло съ амнистіей. Но г-нъ Родичевъ, очевидно, посвященный въ исторію поѣздки, открылъ второе думское засѣданіе вторичной постановкой вопроса объ амнистіи. На этотъ разъ опять предлагалось почему-то отвлечься отъ логическаго порядка и сдѣлать постановленіе о томъ, чтобы въ отвѣтъ на тронную рѣчь было включено предложеніе объ амнистіи. Почему было прямо не приступить къ составленію такого отвѣта? Увы! въ политикѣ не всегда предпочитаются пути прямые. Первое благожелательное предостереженіе правительству не

подѣйствовало и, подъ вѣчный рефренъ кадетской печати: „еще не поздно“, либералы приступили къ формулированію второго предостереженія. Дѣло выяснилось: кадеты хотѣли, чтобы амнистія послѣдовала до того, какъ они станутъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь излагать свою „боевую“ программу. Не для того ли, чтобъ, подъ шумъ народнаго ликованія, этотъ отвѣтъ могъ быть составленъ съ надлежащей „мудростью“?.

На этотъ разъ подмѣна амнистіи „милостью“ и „всепрощеніемъ“ была совершенно очевидна и вызвала протестъ въ самой Думѣ. Г-нъ Родичевъ дошелъ до того, что предложилъ реакціи „наказать“ своихъ неисправимыхъ политическихъ противниковъ .... „прощеніемъ“. Стремясь сдѣлать „амнистію“ пріемлемой для правительства, кадеты, естественно, всего выше ставили привлечь къ „ходатайству“ объ ней всю Думу вплоть до явно реакціонныхъ „ерогинскихъ“ элементовъ ея. Они этого достигли, на первый взглядъ, цѣной униженія томящихся въ тюрьмахъ рабочихъ, крестьянъ и интеллигентовъ; на самомъ дѣлѣ, цѣною самоуниженія Думскаго либерализма передъ реакціей. Принципіально содержаніе амнистіи совершенно испарилось, на очередь все болѣе выдвигался „истинно-русскій“ аргументъ земскихъ съѣздовъ, звучавшій нелѣпо уже годъ назадъ: „мы не можемъ спокойно работать, пока“... Второе „представленіе объ амнистіи“ включаетъ и прямо начинается съ заявленія г. Родичева, что амнистія — прерогатива короны, и Дума въ этомъ вопросѣ не можетъ идти дальше ходатайства. Отмѣтимъ, согласно частнымъ сообщеніямъ, что такое толкованіе основныхъ законовъ сначала дано было вождями кадетовъ, а затѣмъ только совѣтомъ министровъ. Въ Думѣ оно не встрѣтило отпора. Отмѣтимъ еще, что за нѣсколько дней до заявленія г. Родичева былъ опубликованъ составленный, по порученію кадетской партіи, г-номъ Набоковымъ законопроектъ объ амни-

стіи, предназначенный, какъ и другіе аналогичные законопроэкты, для внесенія въ Думу. Между тѣмъ, при данномъ г-мъ Родичевымъ толкованіи внесеніе такого законопроекта не можетъ имѣть мѣста. Странное противорѣчіе! Г-нъ Муромцевъ, что же собственно случилось 28-го апрѣля?

Желанное для кадетовъ единогласіе было достигнуто во второмъ засѣданіи Думы. Единогласно рѣшено включить пожеланіе объ амнистіи въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Второе предостереженіе дано, и когда депутатъ крайней лѣвой упоминаетъ, что публика уже упрекаетъ Думу за медленность, предсѣдатель грозно обрываетъ его и даже призываетъ къ порядку: „Дума выше упрековъ“. Было бы смѣшно, еслибъ не было грустно ....

Слѣдующій день приноситъ „осложненіе“. Депутаты крайней лѣвой, видимо, перестаютъ понимать кадетскую дипломатію и пытаются сказать свое слово. Они снова извлекаютъ вопросъ объ амнистіи и предлагаютъ послать телеграмму въ Царское село. Совершенно послѣдовательно: послѣ эстафеты, которую въ данномъ случаѣ повезъ г. Муромцевъ, но на которую не привезъ отвѣта, полагается запросъ телеграммой. Но для кадетовъ это „слишкомъ сильно“. Они вовсе не хотятъ прослыть назойливыми. Они ждутъ, что дипломатическое предостереженіе Думы окажетъ еще свое дѣйствіе и все разрѣшится по семейному. Предложеніе крайней лѣвой проваливается послѣ довольно безтолковыхъ дебатовъ, во время которыхъ предсѣдатель окончательно показываетъ когти. Онъ заявляетъ депутату крайней лѣвой, что слово „требованіе“—въ примѣненіи къ правительству—изгоняется его властью изъ лексикона Думы. Это невѣроятно, но это—фактъ. Лидеръ хозяйничающей въ Думѣ партіи торжественно объявляетъ, что дальше челобитныхъ Дума идти не должна.

Благонамѣренныя „предостереженія“ не подѣйствовали, и черезъ 2 дня Думѣ приходится приступить къ составленію отвѣта на тронную рѣчь, не имѣя возможности укрыться подъ сѣнью народнаго ликованія. Руководимая кадетами комиссія выработала проэктъ адреса—первый политическій документъ Думы.

Надо признать, что, по своему тону,—имѣя въ виду позицію кадетской партіи—этотъ адресъ составленъ весьма прилично и оставляетъ далеко за собой прежнія земскія „представленія“.

Что касается содержанія, то приходится констатировать, что кадеты своей партійной программы въ адресѣ не изложили. Нечего и прибавлять, что всѣ отклоненія отъ программы сдѣланы не влѣво, а вправо. Торжественныя клятвы добыть Россіи всеобщее, прямое и равное избирательное право не помѣшали кадетамъ при первомъ же выступленіи въ Думѣ ограничиться только „всеобщимъ“ и только на мужчинъ распространеннымъ, избирательнымъ правомъ. Иначе говоря, по основному вопросу объ организаціи народнаго представительства кадеты формулировали свои пожеланія (назвавъ ихъ пожеланіями страны) не по своей программѣ, а по программѣ Союза 17-го октября.

Проэктъ говоритъ объ „обновленіи“ администраціи, но умалчиваетъ о судѣ надъ реакціонной камарильей. Говорится объ аграрной реформѣ и умалчивается о соціальныхъ реформахъ, обѣщанныхъ кадетами пролетаріату.

Въ общемъ и цѣломъ политическая программа кадетовъ урѣзана, насколько это возможно, въ интересахъ ея пріемлемости для правой стороны Думы. Снова кадеты стремятся объединить „націю“ вмѣсто того, чтобы объединять ея демократическіе, прогрессивные элементы. И они при голосованіи проэкта добиваются своей цѣли... и объединяютъ думское большинство противъ крайней лѣвой. Вмѣсто объединенія

оппозиціи противъ самодержавія, получается соединеніе реакціонной и либеральной части имущихъ классовъ противъ крестьянъ и рабочихъ. Передовая „Рѣчи“ отъ 4 мая отмѣчаетъ эту начавшуюся „передвижку“ тревожнымъ указаніемъ на признаки дифференціаціи въ средѣ думскаго большинства.

Голосованіемъ по вопросу о прямомъ и равномъ избирательномъ правѣ завершены первыя дѣйствія думскаго либерализма. Открыто попирая свою программу, кадеты показали себя во весь ростъ. Они желаютъ импонировать верховной власти не силой тѣхъ народныхъ массъ, во имя которыхъ говорила крайняя лѣвая, а авторитетомъ „генеральскихъ“ именъ октябристскаго союза и „партіи демократическихъ реформъ“.

II. Крайняя лѣвая.

Съ первыхъ же дней работъ Думы рѣзкимъ диссонансомъ въ кадетскій хоръ врываются голоса крайней лѣвой. Эти-то голоса придаютъ думскимъ засѣданіямъ тотъ характеръ, благодаря которому каждый лишній день думскихъ засѣданій усиливаетъ броженіе въ странѣ.

Несмотря на избирательную систему, на правительственный терроръ и трижды-нелѣпый бойкотъ, голосъ крестьянства и пролетаріата, голосъ революціи раздается въ Думѣ.

Но онъ раздается очень невнятно и неувѣренно.

Крайняя лѣвая спѣшно организуется и къ началу засѣданій выступаетъ, какъ формально единая группа, по численности не многимъ уступающая кадетамъ. Но она сколочена на скорую руку, поставлена на гнилое организаціонное основаніе, руководится поэтому случайными вождями и, что всего важнѣе, не выработала тактику.

Безпринципная кадетская тактика—„смотря по об-

стоятельствамъ"—при всей своей неосновательности—оказывается поэтому все же болѣе пригоднымъ орудіемъ борьбы, чѣмъ полный разбродъ, царящій среди крайней лѣвой. Ибо въ основѣ этой безпринципной тактики лежитъ совершенно опредѣленный принципъ: „противъ революціи, соглашеніе во что бы то ни стало".

Въ крайней лѣвой аналогичнаго принципа нѣтъ. Не безъ труда вырабатываетъ она свою программу и формулируетъ весьма радикально. Учредительное Собраніе—долой органическую работу!—соціалдемократическая программа минимумъ по рабочему вопросу—революціонное рѣшеніе аграр. вопроса не въ Думѣ, а въ Учредительномъ Собраніи при посредствѣ новаго демократическаго самоуправленія — право національнаго самоопредѣленія—дѣйствительная амнистія—парламентское министерство—судъ надъ старымъ режимомъ. Все это принципіально—выдержано и выгодно отличается отъ туманной программы „кадетовъ". Но что дѣлать съ этой программой, какъ ее проводить въ данной Думѣ—крайняя лѣвая не знаетъ; можно сказать, не ставитъ передъ собой этого вопроса. И при каждомъ столкновеніи съ практикой она теряется, говоритъ рѣчи, иногда весьма хорошія, и, въ концѣ концовъ, запутывается въ тенетахъ кадетской тактики, либо добровольно плетется за „господствующей" партіей.

Организаціонное основаніе этой группы не выдерживаетъ критики. Исходная точка—объединеніе „крестьянъ", то есть, въ сущности, лицъ крестьянскаго сословія. Не политическая партія, не классовая группа, а сословный союзъ. Это сразу открываетъ въ группу двери справа—„ерогинскимъ" черносотеннымъ мужичкамъ, кадетскимъ „благоразумнымъ" поселянамъ. Это сразу принижаетъ политическое значеніе группы передъ лицомъ оформленныхъ политическихъ фракцій, дѣлая ее представительницей временныхъ и спеціальныхъ, а не постоянныхъ и общихъ инте-

ресовъ. Разнопестность, опредѣленная сословнымъ признакомъ, даетъ себя знать при выработкѣ программы. Еврейское равноправіе вызываетъ страстные дебаты. По свидѣтельству защитника группы, г-на А. Новикова, до 40 крестьянъ (изъ 122) высказываются за неравноправіе евреевъ. При голосованіи они стушевываются, но три руки все же смѣло поднимаются противъ. По пункту отмѣны военнаго положенія тоже находится одна смѣлая рука. Меньшинство, конечно, подчиняется большинству, но, когда въ основу группы кладется всѣми принятый внѣшній, сословный признакъ, то для отдѣльной личности не остается полной свободы программнаго самоопредѣленія, и элементы, которые при другихъ условіяхъ ушли бы изъ группы послѣ принципіальнаго голосованія по кардинальному вопросу, теперь торчатъ въ ней чуждымъ тѣломъ.

По мѣрѣ выработки программы на первоначальномъ сословномъ основаніи выростаетъ новый этажъ. Все еще не программный признакъ, не классовый принципъ, а нѣчто, замѣняющее программу — метафизическая абстракція, отпущенная на прокатъ стыдливыми „бойкотистами“ — соціалистами-революціонерами. Появляется „трудовой принципъ“, развертывающійся въ тріединую формулу союза пролетаріевъ, трудовыхъ крестьянъ и трудовой интеллигенціи. Къ этой формулѣ, естественно, хотя и нелогично, прибавляется четвертое звено—угнетенныя національности. Литовскіе націоналисты и еврейскіе сіонисты увеличиваютъ калейдоскопичность группы. Въ конечномъ результатѣ группа обнимаетъ демократовъ, крестьянскихъ членовъ кадетской партіи и партіи „демокр. реформъ“ (гг. Назаренко, Быстровъ и др.), „безпартійныхъ соціалистовъ“, соціалистовъ-революціонеровъ, соціалдемократовъ-интеллигентовъ „съ оговорками“ и соціалдемократовъ-рабочихъ безъ оговорокъ, націоналистовъ и просто безпартійныхъ крестьянъ. При такомъ составѣ руково-

дящая группа сравнительно легко царитъ въ этомъ хаосѣ, „протаскивая“ свои программныя резолюціи. Но это „протаскиваніе“, разумѣется, плохо сплачиваетъ группу, такъ какъ не можетъ создать тактическаго единства и въ рѣшительныя минуты голосуютъ въ разбродъ. Самые вожаки, пользующіеся, повидимому, большимъ авторитетомъ, являются довольно случайными, и едва ли не часто ихъ авторитетъ пріобрѣтается демагогической ловкостью.

Прослѣдимъ дѣятельность крайней лѣвой на фонѣ кадетской дипломатіи.

Принесеніе присяги и представленіе ко двору проходятъ при полномъ молчаніи „трудовой группы“. Часть ея присоединяется къ безсодержательному заявленію кадетовъ по поводу присяги, часть, недовольная его текстомъ, отказывается присоединиться, но своего не вырабатываетъ. Обыски, произведенные полиціей у крестьянскихъ депутатовъ, и насилія надъ собраніями, въ которыхъ они участвовали, проходятъ безъ отпора—въ Думѣ вопроса объ этихъ происшествіяхъ не ставится. Въ день открытія Думы крестьянскіе и рабочіе депутаты говорятъ къ народу, обѣщаютъ освободить заключенныхъ. Но выступленіе въ Думѣ Петрункевича застаетъ ихъ врасплохъ, и они „проглатываютъ“ его заявленіе о милосердіи. Не группа, близко стоящая къ революціи, ставитъ вопросъ объ амнистіи, а партія, боящаяся и ненавидящая революціонеровъ.

Въ выборѣ предсѣдателемъ г-на Муромцева крайняя лѣвая участвуетъ, какъ одинъ человѣкъ. Избранный на слѣдующемъ же засѣданіи начинаетъ „обуздывать“ крайнихъ лѣвыхъ депутатовъ.

При выборѣ товарищей предсѣдателя крайняя лѣвая проявляетъ полное непониманіе своего возможнаго значенія въ Думѣ. Пренебрегая парламентскимъ обычаемъ, требующимъ, чтобы часть мѣстъ въ президіумѣ была отдана старой по силѣ партіи, кадеты хотятъ за-

хватить все бюро въ свои руки, чтобы твердо „вести“ Думу. Крайняя лѣвая поднимаетъ вопросъ о своихъ правахъ, но... скоро уступаетъ, склонившись передъ нелѣпѣйшими аргументами. Группа „трудовой интеллигенціи“ не имѣетъ де у себя достаточно интеллигентныхъ силъ, чтобы съ честью работать въ президіумѣ. Она не можетъ отрывать эти силы отъ работы въ группѣ для работы въ бюро. Послѣдній доводъ прямо говоритъ, что группа не доросла до пониманія своей роли въ почти „мужицкой“ по составу Думѣ. Она добровольно отдаетъ Думу въ руки кадетовъ. Послѣдніе доставляютъ ей совершенно невинное удовлетвореніе — предоставляютъ трудовой группѣ намѣтить кандидатовъ изъ состава „Народной Свободы“. Трудовики останавливаются на Гредескулѣ потому только, что онъ сейчасъ изъ ссылки и, надо полагать, изъ любезности утверждаютъ кандидата кадетовъ — кн. Петра Долгорукова. „Крестьянская“ партія выражаетъ довѣріе человѣку, недавно еще выступавшему печатно съ рѣзкими нападками противъ крестьянъ, участвующихъ въ аграрномъ движеніи.

Дипломатическіе ходы кадетовъ въ вопросѣ объ амнистіи не встрѣчаютъ отпора крайней лѣвой. Противъ Родичевскаго униженія „политическихъ“ она протестуетъ, говоритъ рѣшительныя, радикальныя *рѣчи*, но не противопоставляетъ умѣреннымъ, дипломатическимъ предложеніямъ кадетовъ своихъ *предложеній*. Получается такое впечатлѣніе, подтверждаемое слѣдующими засѣданіями, что кадеты умышленно отводятъ энергію крайней лѣвой на путь „агитаціонныхъ“ рѣчей, оставляя за собой единоличное руководство тактикой всего думскаго большинства. Раздѣленіе труда, при которомъ, въ концѣ концовъ, крайняя лѣвая рискуетъ остаться въ самомъ нелѣпомъ положеніи.

Я отмѣтилъ, что послѣ единогласнаго постановленія Думы объ амнистіи, крайняя лѣвая на слѣдующій день

подняла вопросъ снова, выдвинувъ проэктъ телеграфнаго обращенія въ Царское Село. Противъ идеи трудно возразить, но въ возникшемъ словесномъ турнирѣ крайняя лѣвая не оказалась на высотѣ положенія и кадеты свели къ нулю дебаты этого дня.

Вожди крайней лѣвой—Аладьинъ, Аникинъ, Жилкинъ, Шапошниковъ, Бондаревъ—выбираются въ комиссію для составленія отвѣта на тронную рѣчь. Въ комиссіи они борются противъ кадетскихъ стремленій сузить и умѣрить содержаніе адреса, чтобы сдѣлать его доступнымъ для правой. Но крайняя лѣвая не доводитъ своей оппозиціи до конца—до внесенія въ Думу *своего* отдѣльнаго проэкта, который былъ бы пріемлемъ для революціоннаго авангарда народныхъ массъ. Она пасуетъ передъ обычными аргументами кадетовъ „сохранить единство Думы“. Заявляя свою полную солидарность съ революціоннымъ движеніемъ, крайняя лѣвая на дѣлѣ поддерживаетъ кадетскую тактику, стремящуюся задушить въ Думѣ всякое проявленіе междупартійной, междуклассовой борьбы, питающей революціонное движеніе. Заявляя о своемъ взглядѣ на Думу, какъ фальшивое представительство народа, она на дѣлѣ поддерживаетъ кадетовъ въ попыткахъ укрѣпить фикцію единаго и дѣйствительнаго народнаго представительства. Въ самомъ проэктѣ, который гг. Аникинъ, Бондаревъ и Жилкинъ внесли въ комиссію (а не въ Думу), замѣтно слишкомъ явное стремленіе „не возстановлять“ противъ себя кадетовъ. Если кадеты въ своемъ проэктѣ тянутся за октябристами, то трудовики въ своемъ—за кадетами. *Тонъ* ихъ проэкта умѣреннѣе тона кадетскаго. Изъ программы они выкидываютъ Учредительное Собраніе.

Въ засѣданіи Думы крайняя лѣвая опять говоритъ рѣчи противъ кадетской умѣренности, но, когда дѣло доходитъ до голосованія, она должна убѣдиться, что кадетскіе „объединители“ предали ее ради „объедине-

нія“ съ правыми. По предложенію М. Ковалевскаго свобода стачекъ, принятая въ кадетскомъ адресѣ, вычеркивается комиссіей. Разумѣется, „только потому“, что эта свобода „сама собой подразумѣвается“ въ словахъ „самодѣятельность рабочаго класса“ *). Обычной доводъ либераловъ! И никто не догадывается спросить ихъ: почему же свобода печати не „сама собой подразумѣвается“ въ словахъ: „порядокъ, основанный на правѣ“?

Крайніе лѣвые требуютъ голосованія по вопросу о замѣнѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права—октябристскимъ „только всеобщимъ“. Это—единственный ихъ *политическій* шагъ за все время. Но природа группы осуждаетъ ее на моральное пораженіе въ самый моментъ перваго принципіальнаго выступленія. Ее предаетъ ея собственный вождь—г. Аладьинъ—который заявляетъ, что изъ „тактическихъ“ соображеній жертвуетъ программнымъ лозунгомъ—четырехчленной формулой...

Въ этомъ (5-мъ) засѣданіи впервые рабочій депутатъ подчеркиваетъ, что онъ и его товарищи надѣются не на Думу, а „на улицу“ и на соціалдемократическую партію. По мѣрѣ достающагося тяжелымъ опытомъ самоопредѣленія крестьянской („трудовой“) группы внутри лѣваго блока,—внутри самой трудовой группы медленно совершается самоуправленіе рабочей группки. Понемногу идетъ къ своему распаденію карточная постройка „единой Думы“, слѣпленная кадетами, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушается не менѣе химерическая постройка „трудовой“ лѣвой, воздвигнутая соціалистами-революціонерами. Эффектъ, который произведетъ погребеніе „четырехчленной“ формулы, ускоритъ этотъ

*) Дума вновь внесла это требованіе.

процессъ распаденія. Наблюдаемый астрологами кадетской печати политическій горизонтъ заволакивается тучами.

III. Народъ.

Приближеніе 27-го апрѣля возбуждающе дѣйствовало на народъ. Проводы депутатовъ явились первыми значительными демонстраціями послѣ декабрьскаго пораженія. Въ день открытія Думы настроеніе еще болѣе поднялось. Крики „амнистія“ и „учредительное собраніе“ привѣтствовали депутатовъ на улицахъ Петербурга.

Первыя засѣданія Думы съ агитаціонными рѣчами демократовъ и соціалистовъ усилили, несомнѣнно, возбужденіе. Въ этой атмосферѣ рабочій классъ, въ большей своей части только что проведшій „бойкотъ“, могъ успѣшно организовать майскую манифестацію и съ свойственнымъ ему инстинктивнымъ политическимъ тактомъ, дѣйствительно, организовалъ ее. Первое мая еще никогда не проходило въ Россіи такъ единодушно.

Одновременно изъ разныхъ мѣстъ, изъ разныхъ слоевъ населенія къ депутатамъ несутся наказы, резолюціи, привѣтствія, протесты противъ жалкихъ словъ кадетской дипломатіи (въ вопросѣ объ амнистіи). Конотопскіе рабочіе предостерегаютъ Думу отъ излишнихъ „изліяній чувствъ“. Складывается стихійное движеніе отъ народныхъ низовъ къ Думѣ. Черезъ короткое время оно станетъ важнымъ факторомъ какъ думской дѣятельности, такъ и политической жизни вообще.

Думская работа началась въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя я въ своей статьѣ въ № 1 журнала указалъ, какъ естественно вытекавшія изъ положенія, созданнаго разгуломъ реакціи и самоотстраненіемъ революціонныхъ партій отъ выборовъ. Мы предвидѣли господство кадетовъ и безпомощность крайней лѣвой,

какъ неизбѣжное послѣдствіе такого положенія. Теперь въ Думѣ внутренняя борьба позаботится объ исправленіи тогдашнихъ ошибокъ. „Сплошное“ единство оппозиціи уже трещитъ, намѣчается совершенно опредѣленное раздѣленіе либерализма, крестьянской демократіи и союзной съ послѣднею пролетарской группы.

Внесеніе планомѣрности въ этотъ только еще начинающійся процессъ должно стать тактической задачей соціалдемократіи. На нее указываютъ и рѣшенія недавняго съѣзда. Организація внѣдумскаго давленія на Думу—вотъ рычагъ для выполненія этой задачи. Чѣмъ скорѣе обособившіеся въ Думѣ пролетарскіе элементы эмансипируются отъ идейнаго руководства с.-р-овъ и практическаго руководства кадетовъ, тѣмъ вѣрнѣе они посодѣйствуютъ организованному пролетаріату въ выпадающей на его долю миссіи.

Л. М.

Объединительный Съѣздъ.

Закончившемуся недавно съѣзду Р. С. Д. Р. П. суждено, несомнѣнно, играть видную роль въ исторіи партіи. Всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ этой исторіей, знаетъ, что все внутреннее содержаніе ея за то десятилѣтіе, что партія фигурируетъ на исторической сценѣ въ качествѣ реальной политической силы, сводилось къ борьбѣ двухъ тенденцій, коренившихся въ самыхъ условіяхъ возникновенія и развитія россійской соціалдемократіи. Стихія буржуазной революціи и обусловленное ею, въ конечномъ счетѣ, преобладаніе интеллигентскаго элемента въ составѣ складывавшейся партіи, съ одной стороны, и стихія международнаго соціалистическаго движенія пролетаріата, находившая себѣ выраженіе въ сознательной соціалистической мысли, въ вздымавшихся волнахъ классоваго движенія рабочихъ массъ, съ другой. Вотъ Ормуздъ и Ариманъ, которые своею борьбою раздирали партію втеченіе десятилѣтія. И какъ нѣкогда, въ другой обстановкѣ, въ другой соціальной средѣ специфическія условія русской исторіи заставили народническую интеллигенцію продѣлать колоссальный зигзагъ отъ полнаго самоуничиженія передъ моремъ сермяжной стихіи къ героическому самовозвеличенію народовольческаго бланкизма, такъ и теперь, тѣ же ус-

ловія привели соціалдемократическую интеллигенцію отъ „экономическаго“ преклоненія передъ пролетарской стихіей къ заговорщическому самодовольству „большевизма“.

Три послѣдніе года партійной исторіи были наполнены шумомъ борьбы „меньшевиковъ“ съ „большевиками“. Заслоненныя грудой мелочныхъ организаціонныхъ столкновеній, неясными чертами вырисовывавшіяся въ дебатахъ II съѣзда, разногласія между „меньшевиками“ и „большевиками“ приняли вполнѣ отчетливый, наглядный характеръ ко времени новаго партійнаго съѣзда. Филистеры партійнаго „болота“ лишились всякой возможности изливать свое дешевое негодованіе по поводу внутреннихъ „дрязгъ“ и, какъ подержанное платье, крики о „дрязгахъ“ переходятъ въ монопольное владѣніе остроумцевъ буржуазной печати, отъ „Новаго Времени“ до „Нашей Жизни“ включительно, пользующихся всякимъ случаемъ, чтобы въ этой формѣ излить свою злобу противъ соціалдемократіи.

Двѣ тактическихъ линіи, рѣзко сталкивающіяся, намѣтились вполнѣ опредѣленно въ партіи. Чѣмъ быть партіи?—такой вопросъ стоялъ передъ новымъ съѣздомъ. Быть ли партіи заговорщическимъ кружкомъ, „штабомъ спѣвшихся руководителей“, сосредоточивающихъ все вниманіе свое на технико-боевой подготовкѣ пресловутой „рѣшительной битвы“, или быть ей партіей широкихъ и самодѣятельныхъ массъ, ведущихъ многообразную политическую и экономическую борьбу, наступающихъ по всему фронту, пользующихся всякой брешью стараго порядка для новаго шага впередъ въ дѣлѣ укрѣпленія своей организованности и сознательности, въ дѣлѣ подготовленія себя къ политическому использованію битвъ, которыхъ немало еще предстоитъ пережить народу въ борьбѣ за свое освобожденіе? Или, иначе—такъ какъ для всякаго соціалдемократа, чуждаго утопій бланкизма, было ясно, что классовая партія м а с с ъ во всякомъ случаѣ должна образоваться въ ходѣ великой россійской революціи,—вопросъ стоялъ такъ: можетъ ли быть, будетъ ли использована для дѣла образованія массовой рабочей партіи та партійная организація, которая исторически сложилась въ обстановкѣ подполья и кружковщины, подъ именемъ Р. С. Д. Р. П., или же возникновеніе и развитіе новой массовой партіи пойдетъ мимо этого стараго организаціоннаго аппарата, превратитъ его въ никому не нужную постройку, годную только на сломъ? Вотъ о чемъ шла рѣчь, и вотъ тотъ вопросъ, на который предстояло дать отвѣтъ съѣзду.

Выбрать ту или иную тактическую линію и значило сдѣлать шагъ въ сторону того или иного рѣшенія поставленнаго выше вопроса. Вся узкая, однобокая и въ существѣ своемъ, несмотря на революціонность формы, глубоко реакціонная тактика, которая проводилась подъ флагомъ „большевизма“, имѣла тенденцію закрѣпить въ партіи тѣ подпольныя, кружковыя, заговорщическія тенденціи, которыя фактически вели къ

отмиранію партіи, какъ самостоятельной политической величины, къ самоустраненію ея съ политической сцены. къ прекращенію всякой возможности для партійной организаціи переродиться качественно соотвѣтственно новымъ условіямъ дѣятельности, стать основою для роста и развитія массовой, рабочей партіи. Тактика „бойкота", восторжествовавшая въ значительной части партіи, была однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій „большевистскихъ" тенденцій и, главное, она была первымъ практическимъ опытомъ „большевизма" въ крупномъ масштабѣ на политической аренѣ. И въ этомъ первомъ же опытѣ съ бьющей въ глаза очевидностью сказались всѣ пагубныя для пролетаріата и соціалдемократіи послѣдствія „большевистской" тактики. Но именно поэтому „бойкотъ" лучше, чѣмъ томы разсужденій, раскрылъ сознательнымъ пролетаріямъ истинный смыслъ этой тактики. „Бойкотъ" былъ тою цѣною, которою партія расплачивалась за свое начинающееся освобожденіе отъ традиціи и навыковъ подпольной, кружковой эпохи...

Скажемъ сейчасъ же: однимъ изъ главныхъ достоинствъ закончившагося съѣзда было то, что вопросъ о смыслѣ и значеніи принятія той или иной тактической платформы былъ съ самаго начала поставленъ рѣзко и опредѣленно и, главное,—съ самаго начала сознанъ значительнымъ числомъ участниковъ съѣзда. Это обстоятельство и обрекало на неудачу всякую попытку затопить важныя и глубоко принципіальныя пренія въ тинѣ мелочныхъ организаціонныхъ столкновеній и споровъ. Занятія съѣзда въ началѣ налаживались туго, и цѣлыхъ 2 дня пришлось потратить на разрѣшеніе ряда формальныхъ вопросовъ по конституированію съѣзда (насчитывавшаго съ совѣщательными голосами до 150 участниковъ), составленію регламента и пр. и пр.

Но лишь только съѣздъ приступилъ къ обсужденію перваго дѣлового вопроса, стоявшаго въ порядкѣ дня—вопроса о пересмотрѣ аграрной программы,—для всѣхъ участниковъ съѣзда стало ясно, что формальнымъ препирательствамъ необходимо положить конецъ; ясно стало также и то, что, въ сущности, всѣ вопросы, поставленные на обсужденіе съѣзда, являются частью того же основного вопроса о двухъ направленіяхъ партійнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ. Уже въ началѣ обсужденія аграрной программы однимъ изъ ораторовъ было указано, что и новая аграрная программа, проектъ которой былъ выработанъ Н. Ленинымъ, стоитъ цѣликомъ на почвѣ общаго „большевистскаго" взгляда на ходъ революціи; что эта программа, выдвигающая въ качествѣ лозунга „націонализацію" земли, предполагаетъ неизбѣжно захватъ власти тѣми элементами, которые выдвигаютъ эту программу; что только на почвѣ такого стремленія къ захвату власти возможно для соціалдемократа стоять за немедленное сосредоточеніе въ рукахъ государства всѣхъ земельныхъ богатствъ страны, между тѣмъ какъ такое сосредоточеніе, уже бывшее основой московской азіатчины, такъ легко можетъ

стать опорой для реставраціи. И отвѣчавшій этому оратору лидеръ „большевиковъ“ съ похвальнымъ мужествомъ и откровенностью призналъ, что аграрная программа Н. Ленина дѣйствительно связана съ захватомъ власти. Этимъ пренія по вопросу объ аграрной программѣ невольно превратились въ значительной степени въ пренія по вопросу объ общемъ ходѣ россійской революціи.

Мы здѣсь не имѣемъ въ виду останавливаться на изложеніи преній и рѣшеній съѣзда по отдѣльнымъ вопросамъ; это придется сдѣлать въ связи съ разборомъ отдѣльныхъ резолюцій. Здѣсь мы хотимъ лишь подчеркнуть общій смыслъ и духъ занятій съѣзда. И потому ограничимся по вопросу объ аграрной программѣ констатированіемъ того, что отверженіе съѣздомъ Ленинскаго проекта аграрной программы и принятіе программы и тактической резолюціи по аграрному вопросу, выдвинутыхъ другой стороной,—этотъ вотумъ съѣзда выражалъ не только взгляды большинства съѣзда на аграрный вопросъ, но и взгляды его на общій ходъ русской революціи и на задачи соціалдемократической партіи. Этотъ вотумъ предрѣшалъ, въ сущности, и все остальное. Въ долгихъ и страстныхъ преніяхъ по аграрному вопросу уже вполнѣ опредѣленно намѣтились основныя точки зрѣнія и неминуемость пораженія „большевизма“.

Пренія по вопросу объ оцѣнкѣ т е к у щ а г о м о м е н т а не закончились принятіемъ опредѣленной резолюціи, т. к. большинство съѣзда, отстаивая принятіе вполнѣ опредѣленныхъ рѣшеній по тактическимъ вопросамъ, по вопросамъ о тѣхъ или иныхъ практическихъ шагахъ, которые всѣ члены партіи о б я з а н ы д ѣ л а т ь, не сочло умѣстнымъ навязывать всѣмъ членамъ партіи о б я з а т е л ь с т в а д у м а т ь о текущемъ моментѣ именно такъ, какъ думаетъ оно само. Для партіи важно прежде всего, что ея члены дѣлаютъ, а не то, что они думаютъ. За правильнымъ дѣломъ сама собою придетъ правильная мысль. А между тѣмъ принятіе обязательной для всѣхъ членовъ партіи резолюціи по вопросу объ о ц ѣ н к ѣ текущаго момента означало бы именно наложеніе на членовъ партіи обязанности думать такъ, какъ думаютъ авторы резолюціи.

Пренія по вопросу объ оцѣнкѣ текущаго момента естественно вертѣлись вокругъ того пункта, который—хотятъ ли того тѣ или другіе доктринеры, или нѣтъ—является центральнымъ пунктомъ современнаго политическаго момента, вокругъ вопроса о Г о с у д а р с т в е н н о й Д у м ѣ. Такимъ образомъ, эти пренія являлись какъ бы вступленіемъ къ непосредственно слѣдовавшему за ними обсужденію резолюціи объ отношеніи къ Государственной Думѣ. Эти пренія имѣли весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что явно нанесли смертельный ударъ самому центральному пункту „большевистской“ аргументаціи. Читатели, видѣвшіе № 2 „Партійныхъ Извѣстій“, помнятъ, вѣроятно, статью т. Большевика, служившую общимъ введеніемъ къ напечатаннымъ въ этомъ же №: „боль-

шевистскимъ" резолюціямъ. Въ этой статьѣ вполнѣ правильно и основательно указывалось, что основнымъ положеніемъ, изъ котораго исходятъ в с ѣ „большевистскія" резолюціи, является признаніе того факта, что „конституція" и „революція" суть понятія, взаимно исключающія другъ друга. „И л и конституція, и л и революція—такъ ставитъ вопросъ авторъ статьи. И если—революція, тогда Дума есть просто „полицейская канцелярія", тогда на первую очередь встаетъ вопросъ о „боевыхъ дружинахъ", о „партизанскихъ дѣйствіяхъ" и т. д. и т. д. Вотъ эту-то основную позицію, изъ которой, какъ—повторяемъ—вполнѣ вѣрно указываетъ т. Большевикъ во 2 № „Партійныхъ Извѣстій", вытекаютъ всѣ тактическіе шаги „большевиковъ", эту-то основную позицію т. „большевики", вынуждены были сдать на съѣздѣ цѣликомъ. Ее пытались еще отстаивать въ началѣ преній по вопросу объ оцѣнкѣ текущаго момента, но затѣмъ анархическая постановка вопроса „или—или" почти совершенно исчезаетъ изъ дебатовъ, какъ будто бы ея никогда и не бывало. Отсутствіе непримиримой противоположности между „конституціей" и „революціей", между „47 годомъ" и „49 годомъ", признаніе возможности и необходимости пользоваться конституціей какъ орудіемъ революціи—становится общимъ достояніемъ почти всѣхъ членовъ съѣзда. Это взятіе штурмомъ основной „большевистской" позиціи и нанесло смертельную рану въ самое сердце „большевизма". Напрасно потомъ т. „большевики" пытались отстоять свою тактику уже не принципіальными соображеніями „или—или", а ссылкой на конкретныя условія мѣста и времени. На этой почвѣ они были разбиты безповоротно, ибо конкретная дѣйствительность, и, прежде всего, дѣйствительность только что проведеннаго „бойкота" говорила слишкомъ явно противъ нихъ. Резолюція о Государственной Думѣ, подчеркивавшая революціонное значеніе Думы, настаивавшая на желательность образованія с. д.-ой фракціи внутри Думы и на необходимости принять участіе въ выборахъ тамъ, гдѣ они еще не состоялись, и резолюція о вооруженномъ возстаніи, переносившая центръ тяжести дѣятельности партіи и въ этомъ вопросѣ съ технико-боевыхъ задачъ на политическія, обѣ эти резолюціи были приняты большинствомъ съѣзда. Огромнымъ большинствомъ, значительно превышавшимъ ту норму 15—20 голосовъ, которая обыкновенно давала перевѣсъ „меньшевистскимъ" взглядамъ, была принята резолюція, отвергавшая такъ называемыя „партизанскія дѣйствія". Пунктъ этой резолюціи, запрещающій нападенія дружинъ на частную собственность, былъ принятъ всѣми голосами противъ одного.

Изъ остальныхъ резолюцій съѣзда слѣдуетъ отмѣтить резолюцію о профессіональныхъ союзахъ, настаивающую на „безпартійности" этихъ союзовъ и на необходимости пользоваться при ихъ основаніи всѣми

легальными зацѣпками, въ томъ числѣ и закономъ о профессіональныхъ союзахъ. Эта резолюція была принята единогласно.

Мы далеко не исчерпали всей той огромной работы, которую произвелъ съѣздъ. О чемъ необходимо еще упомянуть, это о состоявшемся объединеніи съ соціалдемократіей Польши и Литвы и выработкѣ проектовъ объединенія съ Латышской С. Д. Р. П. и съ Бундомъ, проектовъ, которымъ предстоитъ еще быть утвержденными этими обѣими организаціями.

Каковъ же итогъ только-что закончившагося съѣзда? Прежде всего партія открыто подтвердила, что она остается по прежнему партіей революціонной, что, пользуясь всѣми легальными возможностями, она ставитъ себѣ цѣлью использовать ихъ въ интересахъ развитія революціи, доведенія буржуазной революціи до конца. Но при этомъ партія въ своихъ тактическихъ рѣшеніяхъ сказала, что она хочетъ не революціи заговорщическихъ кружковъ, а революціи народныхъ массъ. Помня слова Маркса, что „основательность историческаго дѣйствія возростаетъ пропорціально массѣ участниковъ этого дѣйствія", партія попыталась приспособить всю свою тактику къ мобилизаціи и организаціи рабочихъ массъ. Этимъ самымъ партія сдѣлала первый шагъ по тому пути, который даетъ возможность использовать существующую партійную организацію для созданія новой массовой партіи. Но, не обольщаясь ложнымъ оптимизмомъ, нужно помнить, что это только первый шагъ, что созданная возможность должна еще стать дѣйствительностью. Отъ умѣнья дѣйствовать на новомъ тактическомъ пути, отъ рѣшительности и безповоротности слѣдованія по этому пути и разрыва съ традиціями подполья и кружковщины будетъ зависѣть, удастся ли партіи успѣшно совершить процессъ своего собственнаго перерожденія, или нѣтъ.

Въ этомъ смыслѣ огромное значеніе имѣетъ объединеніе съ тремя національными соціалдемократическими организаціями, несмотря на нѣкоторыя, крайне нежелательныя принципіальныя уступки, сдѣланныя во имя объединенія Бунду. Объединяя весь сознательный россійскій пролетаріатъ въ одно цѣлое, выводя пролетаріатъ окраинъ изъ той изолированности, въ которой онъ находился до сихъ поръ и втягивая его въ кругъ общерусскихъ вопросовъ, увеличивая численность организованной пролетарской массы партіи и тѣмъ самымъ увеличивая давленіе сознательнаго пролетаріата на воспитанные въ кружковыхъ и подпольныхъ традиціяхъ верхи партіи, это объединеніе, несомнѣнно, можетъ являться факторомъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствующимъ внутреннему перерожденію и отдѣльныхъ частей объединенной партіи и всей партіи въ цѣломъ. Если же прибавить, что всѣ впечатлѣнія на съѣздѣ говорятъ за то, что давленіе организованныхъ массъ положитъ быстро предѣлъ всѣмъ попыткамъ поддержать существовавшій организаціонный расколъ, то можно сказать, что съѣздъ былъ названъ „объединитель-

нымъ“ съ полнымъ правомъ, и что въ этомъ названіи подчеркнута и та черта дѣятельности съѣзда, которая имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ общему вопросу о реформированіи всей партіи.

Надо только помнить и неустанно повторять, что гигантская работа преобразованія партіи только еще начинается, что съѣздъ не завершилъ побѣды соціалдемократіи надъ врывающейся въ партію буржуазно-демократической стихіей, а положилъ лишь начало этой побѣдѣ; что теперь именно на плечахъ „меньшевиковъ“ лежитъ самая трудная и отвѣтственная работа, и что, только совершивъ эту работу, они смогутъ сказать, что дѣйствительно спасли партійное знамя..

Ф. Данъ.

Отклики.

Бойкотисты до и послѣ выборовъ въ Государственную Думу.

Не одинъ г. Струве долженъ былъ поставить вопросъ: что же дальше? Это вопросъ также грозно стоитъ передъ всѣми нынѣ дѣйствующими общественными группами и партіями, и въ той или иной формѣ онъ ставится и разрѣшается въ періодической печати. Къ сожалѣнію, какъ одно изъ слѣдствій бойкота, создалось такого рода ненормальное положеніе: въ то время, какъ г. Струве поставилъ вопросъ и далъ на него отвѣтъ отъ имени и въ интересахъ своей партіи, почти вся такъ называемая лѣвая печать только то и дѣлаетъ, что топчется около этой же самой партіи-побѣдительницы, занимаясь весьма хитроумными размышленіями на тему о томъ, что дѣлали, что будутъ дѣлать, чего не могутъ дѣлать и чего не должны дѣлать кадеты. Скажутъ: это весьма естественно, ибо партія к.-д. представляетъ единственную сплоченную силу въ Думѣ и является естественнымъ центромъ политической жизни страны въ данный моментъ. Все это, можетъ быть, и вѣрно, но вѣдь принципіальнымъ бойкотистамъ, людямъ, кричавшимъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ о парламентскомъ кретинизмѣ, о конституціонныхъ иллюзіяхъ, нельзя же ограничиваться

одной критикой кадетовъ. Пора бы заняться изложеніемъ собственныхъ плановъ и видовъ.

Интересно было бы, напримѣръ, знать мнѣніе на этотъ счетъ составителей московскаго сборника „Текущій моментъ“. Тогда (мѣсяца полтора—два тому назадъ) они устами С. Цейтлина въ статьѣ «Государственная Дума» говорили:

„Что можетъ, что должна дѣлать революція при встрѣчѣ своей съ этой Государственной Думой? Какова тактика революціоннаго пролетаріата при столкновеніи съ ней? Пролетаріатъ не можетъ удовлетвориться новой Государственной Думой, какъ онъ не могъ прекратить своей борьбы противъ абсолютизма и послѣ старой Думы. Пролетаріатъ не ожидаетъ и не могъ ожидать отъ новой Государственной Думы смѣлыхъ шаговъ къ развитію революціонныхъ силъ народа, безпощадной борьбы съ феодально-полицейской контръ-революціей, разрѣшенія *великихъ* задачъ *великой* россійской революціи. Этого не могло бы дать ему и чисто классовое буржуазное представительство. Наглядныя доказательства представляются каждодневно современной либерально-земской оппозиціей. Тому же учитъ вся исторія Западной Европы и вся нынѣшняя соціальная политика хотя бы прусскаго ландтага, сводящаяся къ порабощенію всякими способами рабочихъ массъ. Тѣмъ менѣе пролетаріатъ можетъ расчитывать въ этомъ смыслѣ на феодально-полицейскій черносотенный парламентъ, въ которомъ разбитые буржуазные элементы будутъ подчиняться численному превосходству безсознательныхъ и своекорыстныхъ силъ. Пролетаріатъ не можетъ ни на минуту ослабить свое революціонное напряженіе, и Государственная Дума—не то спасительное орудіе, которое задержитъ его бурный натискъ. Наоборотъ, „избирательная агитація“, въ какомъ бы жалкомъ видѣ она не проектировалась правительствомъ, какими бы рогатками она ни была окружена, будетъ использована имъ со всѣмъ тѣмъ мужествомъ и искусствомъ, которыя даются лишь яснымъ сознаніемъ конечной цѣли. Съ этой избирательной агитаціей повторится та же исторія, что и, напримѣръ, съ недавней университетской автономіей. Какъ и университеты, грядущія предвыборныя собранія и собранія избирателей въ городахъ и деревняхъ, на фабрикахъ и въ общественныхъ и частныхъ помѣщеніяхъ,—превратятся въ центральные пункты, въ которые соціалдемократія вступитъ со всей своей программой, съ тактическими резолюціями III съѣзда, со всѣми своими бое-

выми лозунгами. Передовое крестьянство, какъ показываютъ послѣднія резолюціи крестьянскаго съѣзда въ Москвѣ,—явившагося, впрочемъ, слишкомъ несовершеннымъ выразителемъ сознательныхъ деревенскихъ элементовъ,—передовое крестьянство уже примыкаетъ къ испытанной политикѣ пролетаріата, которая формулируется въ крылатомъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ стилистически-удачномъ, выраженіи „активный бойкотъ". Предшествовавшая дѣятельность соціалдемократіи ясно доказала насколько революціонной и пролетарской является эта тактика. Булыгинская Дума была сметена съ лица земли еще ранѣе, чѣмъ закончились подготовительныя работы по выборамъ въ нее, и кто станетъ отрицать вліяніе правильныхъ и выдержанныхъ лозунговъ на столь печальную судьбу ея? Но если новая Государственная Дума и будетъ счастливѣе старой—въ чемъ позволительно весьма и весьма сомнѣваться,—то та же тактика „активнаго бойкота" явно обнаружитъ, по меньшей мѣрѣ, ея черносотенный, феодально полицейскій характеръ, ясно вскроетъ ея лукавую природу, прикрытую конституціонными тряпками съ чужого плеча".

Тогда, слѣдовательно, составители сборника были увѣрены, что «активный бойкотъ» или сдѣлаетъ Думу невозможной или обнаружитъ ея черносотенный характеръ. Жизнь уже надсмѣялась надъ этой формулой и надъ многими другими утвержденіями автора. Не оправдалась его надежда на избирательную агитацію, ибо оказалось, что связать избирательную агитацію съ активнымъ бойкотомъ невозможно не только логически, но и практически. Массы, примкнувшія къ бойкоту, не шли на предвыборныя собранія, потому что имъ тамъ дѣлать нечего было, а тѣ, которыя шли, не примыкали къ бойкоту. Указаніе на митинги, въ автономныхъ университетахъ какъ нельзя болѣе поучительно: возбужденіе, въ которомъ держались массы этими митингами, должно было вылиться въ какое-нибудь дѣйствіе, и, поскольку ораторы и агитаторы такого дѣйствія въ тотъ моментъ указать не могли, они рисковали навлечь на себя гнѣвъ возбужденной ими массы. Только репрессіи правительства спасли ихъ отъ подобнаго фіаско. То же случилось бы съ активнымъ бойкотомъ, если бы онъ могъ осуществиться. Не оправдалась

также надежда автора на крестьянство, которое, за рѣдкими исключеніями, Думы не бойкотировало.

Но оставляя въ сторонѣ предсказанія, надо сказать, что самыя предпосылки автора, которыя являются типичными для цѣлой группы, дѣлающей отсюда соотвѣтствующіе выводы не только на счетъ прошлаго, но и на счетъ будущаго,—эти предпосылки не выдерживаютъ никакой критики. Пролетаріатъ, видите ли, долженъ былъ принять тактику активнаго бойкота, потому что онъ «не можетъ удовлетвориться новой Государственной Думой», потому что онъ «не можетъ ни на минуту ослабить свое революціонное напряженіе» и т. д. Но спрашивается, значитъ ли это, что пролетаріатъ долженъ идти только въ такую Думу, которой онъ можетъ удовлетвориться? И мыслима ли вообще такая Дума, которая могла бы удовлетворить пролетаріатъ? Не основана ли вся наша революціонная теорія на томъ, что пролетаріатъ ничѣмъ не можетъ быть удовлетворенъ въ современномъ обществѣ? Значитъ ли это, что пролетаріатъ только тогда можетъ идти въ Думу, когда онъ напередъ будетъ знать, что она готова на смѣлые шаги другихъ? Пролетаріатъ не «долженъ ни на минуту ослабить свое революціонное напряженіе». Мы сказали бы, что онъ долженъ постоянно усиливать это напряженіе, но можетъ онъ это сдѣлать только въ томъ случаѣ, если въ процессѣ участія въ общественно-политической жизни онъ будетъ укрѣплять и расширять свою собственную организацію.

Скажутъ: тактика бойкота отошла въ прошлое, и мы напрасно такъ долго на ней останавливаемся. Нѣтъ, эта тактика еще жива, она жива именно тѣми предразсудками, которые дали ей возможность восторжествовать среди наиболѣе активной части населенія. Предразсудокъ, напримѣръ, и очень вредный предразсудокъ—это разсужденіе: или-или, или Государственная Дума, или бурный натискъ. Никогда никакой парламентъ не останавливалъ бурнаго натиска, если для него имѣлись на лицо всѣ необходимые элементы, но за то очень часто бурный натискъ терпѣлъ крушеніе,

когда расчитывалъ только на силу натиска и не считался со всѣми многосложными вліяніями окружающей среды. Парламентъ, какъ и всякая другая общественная организація, можетъ послужить организующимъ началомъ для самаго натиска. Предразсудокъ также, будто Булыгинская Дума была сорвана активнымъ бойкотомъ: Булыгинская Дума была сорвана именно бурнымъ натискомъ, который ни въ какой связи съ активнымъ бойкотомъ не стоялъ, потому что объ активномъ бойкотѣ въ то время еще только разговаривали, но его не примѣняли. Предразсудокъ, наконецъ, сравненіе Думы съ нынѣшнимъ прусскимъ ландтагомъ. Тутъ произошелъ удивительный обмѣнъ ролями: активный бойкотъ былъ выдвинутъ какъ тактика, наиболѣе соотвѣтствующая революціонному времени, но когда рѣчь заходитъ о тактикѣ буржуазныхъ классовъ, то о революціи, о всѣхъ соціальныхъ противорѣчіяхъ, дѣлающихъ эту революцію неизбѣжной, попросту забываютъ: на буржуазію наклеивается ярлыкъ либерализма и заставляютъ ее съ этимъ ярлыкомъ проходить безъ всякихъ измѣненій черезъ всю революцію. На сценѣ дѣйствія остается только революціонный пролетаріатъ да мелкая буржуазія, но и эта послѣдняя какъ-то незамѣтно замѣняется революціоннымъ крестьянствомъ, которое тоже въ свою очередь очень быстро превращается въ Крестьянскій Союзъ или просто передовое крестьянство, какъ выражается авторъ цитируемой статьи. Предсказаніями подобнаго же рода, занимался въ февральской книжкѣ «Образованіе» П. Румянцевъ:

„Законъ 11-го декабря дѣйствительно увеличилъ избирательныя права такъ называемой интеллигенціи, чиновничества и мелкой буржуазіи—городской и землевладѣльческой. Но послѣдняя, какъ извѣстно, отличается наибольшей политической пассивностью и врядъ ли явится къ избирательнымъ урнамъ, если ее не поведутъ за собой партіи крупной буржуазіи, какъ „торгово-промышленная“, „правового порядка“, союза 17-го октября“ и т. д. Чиновничество врядъ ли также можно считать независимымъ политическимъ элементомъ, въ особенности послѣ послѣднихъ правительственныхъ репрессій; въ общемъ оно сдѣлаетъ такъ, какъ прикажетъ ему пра-

вительство. Какъ новый участникъ выборовъ, остается, слѣдовательно, одна интеллигенція; но она такъ немногочислена, такъ разсѣяна по сторонѣ, что было бы странно ожидать отъ нея замѣтнаго вліянія на составъ будущей Государственной Думы. Очевидно, что если даже допустить полную свободу предвыборной агитаціи и самыхъ выборовъ, то и тогда въ Думѣ окажутся въ громадномъ большинствѣ представители крупнаго землевладѣнія и капитала, сорганизовавшіеся въ „правыя“ конституціонно-монархическія партіи“.

Что сбылось изъ этихъ предсказаній? Ничего. Люди, толкующіе на каждомъ шагу о переживаемомъ нами революціонномъ моментѣ, не учли значенія этого момента для выборовъ. Казалось бы, что полное фіаско ихъ предсказаній должно было заставить ихъ пересмотрѣть свой анализъ политическихъ силъ и свою характеристику этихъ силъ. Но разъ принятая тактика бойкота тоже имѣетъ свою логику. Для пересмотра тактики необходима какая-нибудь точка опоры, какой-нибудь новый исходный пунктъ, исходя изъ котораго можно было опять войти въ ту общественно-политическую жизнь, изъ которой, благодаря предыдущей тактикѣ, партія оказалась выброшенной. Но такого исходнаго пункта тактика бойкота не дала, ибо она оставила силы пролетаріата въ томъ же аморфномъ состояніи, въ какомъ онъ очутился послѣ ноябрьскихъ и декабрьскихъ дней. Оставалось одно: заниматься новыми предсказаніями и поругивать кадетовъ, третируя ихъ сверху внизъ, какъ дѣлаетъ это передовикъ № 1 журнала «Вѣстникъ Жизни».

„Теперешніе выборы въ государственную думу—пишетъ этотъ передовикъ—и дѣятельность самой думы,если она соберется, только первые пробные шаги русскаго общества по пути парламентаризма Мы не отрицаемъ значенія этихъ шаговъ для освободительнаго движенія, но не при всякихъ условіяхъ и не всякой партіи умѣстно ихъ дѣлать“.

О да! Существуютъ сверхъ-партіи, партіи ничшеанскаго толка, партіи-аристократки, которыя не могутъ спуститься въ эту грязь повседневной жизни, которыя участвуютъ въ выборахъ только на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, которыя идутъ только въ настоящій пар-

ламентъ, снабженный всѣми парламентскими правами и полномочіями... Существуютъ говорятъ, такія партіи. Но нашъ вѣкъ демократиченъ, онъ знать не хочетъ аристократическихъ капризовъ и быстро сводитъ съ ними счеты, просто поставивъ ихъ на смарку.

Мы уже выше указывали, въ какой мѣрѣ идетъ на смарку все бойкотистское теченіе, которое даже не въ состояніи поставить вопросъ о собственной тактикѣ въ настоящій моментъ. Въ такомъ же положеніи находится и выше цитированный передовикъ:

„Итакъ—пишетъ онъ—большинство за буржуазной оппозиціей въ государственной думѣ обезпечено. Что же дальше? Вотъ вопросъ, который приходится рѣшать теперь каждому политику."

Надо думать, что означенный передовикъ себя «политикомъ» не считаетъ, ибо мы напрасно стали бы искать у него отвѣта на поставленный вопросъ, если не считать отвѣтомъ слѣдующій символъ его вѣры:

„Въ одномъ лишь мы по прежнему твердо убѣждены, это въ томъ, что только то народное представительство жизнеи-дѣеспособно, которое явилось результатомъ побѣдоноснаго освободительнаго движенія. Вотъ почему мы полагаемъ, что стенанія нѣкоторыхъ «крайнихъ лѣвыхъ», не-бойкотистовъ, о сдѣланной устраненіемъ отъ выборовъ пагубной тактической ошибкѣ, по меньшей мѣрѣ преждевременны".

А мы, съ своей стороны, полагая, что символъ вѣры не есть отвѣтъ на вопросъ, позволяемъ себѣ думать, что бойкотисты и не въ состояніи дать сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, кромѣ повторенія общихъ фразъ о бурномъ натискѣ и побѣдоносномъ освободительномъ движеніи, а потому „стенанія не-бойкотистовъ" имѣютъ весьма реальное основаніе. Натискъ, да еще побѣдоносный, конечно, великолѣпная вещь, но для этого надо организовать натискъ и организовать возможность побѣды. Объ этихъ двухъ вещахъ господа „жизнерадостные бойкотисты" всегда забываютъ.

«Намъ сдается, что «кадетской» думѣ суждено—въ несравненно большемъ масштабѣ, конечно,—сыграть роль „банкет-

ной кампаніи“ въ эпоху пресловутой „весны“. Банкеты дали извѣстный толчекъ революціонной самодѣятельности массъ. Но за банкетами шло 9 января, шелъ пролетаріатъ-гегемонъ» (Вѣстн. Ж., № 3).

Суждено, такъ суждено! Противъ судьбы не попрешь. Но все таки слѣдовало бы вспомнить, что 9-му января предшествовала открытая организаціонная работа гапоновскихъ отдѣловъ, которыми въ рѣшительный моментъ соціалдемократія только воспользовалась. И какъ ни велико значеніе этого дня въ жизни петербургскаго и всего русскаго пролетаріата, можетъ ли соціалдемократія, положа руку на сердце, сказать, что въ движеніи 9-го января сказалось въ сколько-нибудь значительной степени соціалдемократическое сознаніе? Не лучше ли, поэтому, вмѣсто предсказыванія судьбы кадетской думы, показать, гдѣ тотъ созданный бойкотомъ организаціонный аппаратъ, при помощи котораго намъ удастся сдѣлать натискъ, да еще побѣдоносный, въ тотъ моментъ, когда роль кадетской думы будетъ сыграна? Конечно, мы говоримъ не о стихійномъ движеніи: повторяя ежедневно:—„завтра будетъ дождь“, мы дождемся, несомнѣнно, того завтра, когда дождь дѣйствительно пойдетъ. Но навряд ли найдется такой слабоумный, который станетъ объяснять дождливую погоду нашимъ ежедневнымъ восклицаніемъ. Но мы напрасно станемъ искать въ статьяхъ «Вѣстника Жизни» отвѣта на поставленный вопросъ, ибо его нѣтъ, этого отвѣта, его нельзя выдумать людямъ, выведшимъ себя за свой собственный носъ изъ сферы, гдѣ кипитъ общественная жизнь, въ тупой закоулокъ подполья. Бойкотъ фатально привелъ къ политическому безсилію и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, къ риторическому пафосу при критикѣ кадетовъ.

„Ихъ (т. е. кадетовъ) успѣхи имѣютъ для насъ лишь симптоматическое значеніе“, пишетъ г. Л. Ш—гъ въ № 3—4 „Народнаго Вѣстника“, тоже органа бойкотистовъ другого толка. Будущее думы и послѣ избирательныхъ успѣховъ столь же темно, какъ и раньше. Сами к.-д. расчитываютъ лишь на почетное изгнаніе. „Русское Государство“ имъ это положительно обѣщаетъ и имѣетъ, повидимому, солидныя основанія. Слѣдовательно, дѣло не въ думѣ

и не въ к.-д., которые недолго тамъ посидятъ, а въ томъ, что будетъ потомъ".

А что будетъ потомъ, мы такъ и не узнаемъ изъ этой статьи, какъ и не узнаемъ ни изъ ст. г. М. Б. Ратнера, который самъ поставилъ себѣ вопросъ: „Что же дальше?" и отвѣтилъ на него совѣтомъ замѣнить кадетовъ другими людьми, „посвятившими себя дѣлу, святому дѣлу освобожденія, цѣликомъ, до самаго конца, безъ всякаго остатка", ни изъ ст. г. М. Кр-ля, который пристаетъ къ кадетамъ съ претензіей, зачѣмъ они не соціалисты. Ахъ, зачѣмъ ты не чурбанъ! Это относится не къ г. Кр-лю, а ко всѣмъ этимъ „Сборникамъ", „Вѣстникамъ", принужденнымъ заниматься пустыми разговорами надъ пустымъ мѣстомъ.

„Степанія не-бойкотистовъ" раздаются не по тому поводу, что соціалдемократы не попали въ думу,—хотя присутствіе нѣсколькихъ соціалдемократовъ въ думѣ несомнѣнно оказало бы на нее самое и на страну въ высшей степени революціонизирующее дѣйствіе,—а потому, что, не участвуя во всемъ процессѣ выборной агитаціи, мы упустили благопріятный случай для организаціи своихъ собственныхъ силъ и для усиленія своего вліянія на пролетарскіе и мелко-буржуазные слои населенія. Какъ организуется партія въ процессѣ даже самой несовершенной выборной агитаціи, намъ показали при всей своей буржуазной ограниченности тѣ же кадеты. Если противъ этого возражаютъ, что намъ пришлось бы встрѣтиться съ неимовѣрно большими трудностями, то вѣдь къ трудностямъ намъ не привыкать стать: выступали же на кадетскихъ собраніяхъ соціалдемократы и призывали къ бойкоту. Намъ предстояли другія трудности, о которыхъ обыкновенно забываютъ бойкотисты—это почти полное отсутствіе въ нашихъ рядахъ политическихъ вожаковъ. У насъ есть пропагандисты, агитаторы, конспираторы всякихъ ранговъ и величинъ, но нѣтъ политиковъ. И пишущій эти строки больше всего склоненъ приписывать успѣхъ бойкота именно этому обстоятельству. Но такъ какъ первый шагъ все-таки долженъ быть сдѣланъ,

такъ какъ вездѣ и повсюду рабочій классъ, только участвуя въ политическихъ кампаніяхъ, выдвигалъ своихъ собственныхъ вожаковъ, то лучше было сдѣлать этотъ первый шагъ раньше, чѣмъ позже.

Что касается усиленія нашего вліянія на мелкую буржуазію и крестьянство, то и тутъ дѣло вполнѣ ясно. Посмотрите на теперешній составъ думы. Мы имѣемъ здѣсь два блока—кадеты и крестьяне. Первый еще имѣетъ опредѣленный политическій отпечатокъ, но наше отсутствіе въ выборной агитаціи дало возможность кадетамъ повсюду замазывать противорѣчія между отдѣльными группами населенія, создать свою внѣклассовую партію и усилить въ ней оппортунистическіе элементы на счетъ радикальныхъ. Бойкотисты обыкновенно утѣшаютъ себя тѣмъ, что эта партія должна въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ распасться, но вѣдь то, что будетъ, могло бы въ извѣстной степени уже быть.

Еще интереснѣе крестьянскій блокъ или трудовой союзъ, какъ онъ себя теперь назвалъ. Уже въ самомъ этомъ названіи чувствуется то свойственное с.-р.'амъ затушевываніе дѣйствительныхъ классовыхъ противорѣчій съ которымъ соціалдемократія столь упорно и съ нѣкоторымъ успѣхомъ боролась. Боролась для того, чтобы спасовать въ послѣднюю минуту. Въ этомъ блокѣ имѣются и рабочіе, настоящіе пролетаріи, готовые голову положить за рабочее дѣло, даже утверждающіе: „въ рабочемъ вопросѣ мы соціалдемократы, а во всемъ прочемъ мы идемъ вмѣстѣ съ крестьянами". И мы спрашиваемъ: развѣ такая путаница понятій, развѣ такое отведеніе мѣста соціалдемократіи на задворкахъ рабочаго вопроса могли бы произойти, еслибъ соціалдемократія (а не пара соціалдемократическихъ ораторовъ изъ бойкотистовъ) приняла участіе въ избирательной борьбѣ!

Мы знаемъ, что теперь кое-кто изъ бойкотистовъ спохватился и, по крайней мѣрѣ, самой думы бойкотировать не собираются. Но невозможно безъ чувства досады и глубокой горечи читать такое мѣсто въ № 1 газеты „Волна":

„Организованный пролетаріатъ долженъ организовать внѣ думы самое усиленное давленіе на думу, чтобы она не затушевывала, не смягчала народныхъ требованій, чтобы она ставила ихъ опредѣленно и ясно и требовала отъ реакціонной бюрократіи тоже яснаго и опредѣленнаго отвѣта на всѣ требованія". Организованный пролетаріатъ? Но не вы ли, господа, сдѣлали все возможное и невозможное, чтобы удержать его въ неорганизованномъ состояніи, потому что нельзя же назвать организаціей пролетаріата тѣ сотни рабочихъ, которые ютятся около нашихъ комитетовъ. Не вы ли толковали о бурномъ натискѣ, когда именно объ организаціи прежде всего и надо было позаботиться? И этому неорганизованному пролетаріату дается совѣтъ оказывать давленіе на думу, тогда какъ раньше вся тактика была направлена на то, чтобы повернуть пролетаріатъ спиной къ этой думѣ!

Бойкотъ оставилъ партію внѣ предѣловъ политической жизни. Но сознавши свою ошибку, партія могла бы планомѣрной организаціонной работой на живомъ политическомъ дѣлѣ собъединить всѣ свои силы, и тогда ей удалось бы наверстать то, что она потеряла.

К—въ.

На съѣздѣ у кадетовъ *).

Съѣздъ кадетовъ наканунѣ открытія первой парламентской сессіи, послѣ блестящей избирательной побѣды, поставившей ихъ на первомъ планѣ „парламентской" борьбы съ упорно отстаивающимъ свое существованіе старымъ порядкомъ, представлялъ особый интересъ. Этотъ съѣздъ долженъ былъ показать, существуетъ ли у насъ дѣйствительно либерально-буржуазная *партія*, какъ далеко подвинулась организація ея кадровъ, чего можно ожидать отъ нея въ предстоящей неизбѣжной и упорной борьбѣ.

Вотъ почему я съ большимъ интересомъ слѣдилъ за работами кадетскаго съѣзда.

Говоря правду, пошелъ я на этотъ съѣздъ безъ особенной

*) Къ вопросу о к. д. съѣздѣ мы надѣемся вернуться еще въ слѣдующемъ номерѣ. Ред.

вѣры въ силу кадетской партіи. Западно-европейскій опытъ научилъ меня относиться съ недовѣріемъ къ слишкомъ скорымъ, головокружительнымъ успѣхамъ политическихъ партій. Такія побѣды, захватывая широкіе и разнообразные слои населенія, всегда покупаются цѣною компромиссовъ, вокругъ которыхъ можно еще, въ исключительные моменты, группировать въ избирательной компаніи разнообразные группы избирателей, но которые являются крайне шаткимъ фундаментомъ для какого бы то ни было партійнаго строительства. Такія побѣды даже для старыхъ партій почти всегда являются залогомъ будущихъ кризисовъ и даже крушеній партійныхъ организацій. Случайно сошедшіеся элементы, объединенные временнымъ лозунгомъ, не могутъ ужиться рядомъ въ рамкахъ одной и той же организаціи, и это противуестественное сожительство вызываетъ болѣзненныя тренія, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока не выдѣлятся однородные элементы, могущіе построить свое партійное зданіе на основѣ общей теоретической и практической программы.

Тѣмъ большее недовѣріе, съ точки зрѣнія роста партійной организаціи, долженъ былъ внушать поистинѣ головокружительный успѣхъ кадетовъ у насъ, при почти полномъ отсутствіи политическаго воспитанія широкихъ слоевъ населенія, которое, подъ вліяніемъ временныхъ, скоро-преходящихъ условій, можетъ сегодня наполнять ряды одной партіи, а завтра такъ же легко очутиться въ рядахъ другой. А такія условія были на лицо: кровавый разгулъ реакціи—съ одной стороны, бойкотъ крайнихъ лѣвыхъ партій—съ другой, жгучая потребность добиться свободы—съ третьей; и при этомъ—одна почти кадетская партія выбрасываетъ знамя непосредственной борьбы на почвѣ избирательной кампаніи, въ данный моментъ наиболѣе легкой и доступной, а главное сейчасъ единственной, дѣйствительно, ведущейся борьбы.

Кадетская партія очутилась во главѣ пестрой, разношерстной арміи. Есть ли какая-нибудь возможность удержать эту разношерстную армію въ рамкахъ одной организаціи, спаять ее партійной дисциплиной, не стѣснительной, когда она объединяетъ людей съ одинаковымъ міровоззрѣніемъ и идеаломъ, тяжелой и прямо невыносимой, когда она искусственно сковываетъ людей разнообразныхъ классовыхъ стремленій и темпераментовъ? На этотъ вопросъ можно было, конечно, дать только одинъ отрицательный - отвѣтъ.

Итакъ, я пошелъ на съѣздъ въ очень скептическомъ настроеніи. Долженъ, однако, сказать, что то, что я увидѣлъ въ

дѣйствительности, было гораздо ниже даже того, что я себѣ заранѣе рисовалъ.

Картина, развернувшаяся предо мною въ дѣйствительности, показала мнѣ, что кадетской партіи, какъ *партіи*, т. е. какъ организованнаго цѣлаго, не существуетъ вовсе. Это даже не „блокъ" въ томъ смыслѣ, какой получило это слово въ послѣдніе годы въ парламентскихъ странахъ,—ибо „блокъ" предполагаетъ извѣстное соглашеніе на почвѣ программы и тактики,—это стихійное сцѣпленіе самыхъ разнородныхъ элементовъ, которые соединяетъ лишь общее стремленіе свалить общаго врага и которыхъ ничто не сможетъ удержать вмѣстѣ, какъ только это стремленіе будетъ хотя бы въ нѣкоторой степени осуществлено. Единственный организованный элементъ въ этой „партіи"—это центральный комитетъ, который поэтому играетъ такую прямо-подавляющую роль, какой ни одинъ центральный комитетъ не играетъ ни въ одной партіи въ мірѣ. Все дѣлается въ этой „партіи" именемъ центральнаго комитета: онъ составляетъ программу, онъ вырабатываетъ тактику, онъ диктуетъ резолюціи, безъ его предварительнаго обсужденія и одобренія не проходитъ ни одна, хотя бы самая ничтожная, поправка къ резолюціямъ; ни одно, самое пустяшное, предложеніе не имѣетъ никакихъ шансовъ пройти (даже предложеніе о продолжительности перерыва между засѣданіями, о времени открытія или закрытія ихъ), разъ противъ него высказывается всесильный, всеобъемлющій центральный комитетъ.

Кадетская партія — единственная партія въ мірѣ, на съѣздахъ которой не слышется слова критики по адресу центральнаго комитета: онъ все дѣлаетъ, какъ нельзя лучше, какъ нельзя умнѣе, ко всеобщему удовлетворенію. и сторонніе посѣтители съѣзда то и дѣло слышатъ лирическое славословіе по адресу „излюбленныхъ людей" изъ ц. к., которые лучше всѣхъ знаютъ, какъ нужно будетъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, потому что у нихъ имѣются „необходимыя знанія", и они спеціально посвятили себя „этому дѣлу". И эта атмосфера „полнаго довѣрія" настолько заразительна, что тѣ же делегаты, которые сейчасъ только въ буфетѣ или въ „кулуарахъ" выражали крайнее возмущеніе „оппортунизмомъ" вождей и собирались покинуть ряды партіи, возвращаясь въ залъ засѣданій, начинаютъ, въ свою очередь, славословить въ не менѣе прочувствованныхъ рѣчахъ. Счастливая, наивная Аркадія, въ которой всегда „все обстоитъ благополучно"!

Полное отсутствіе какой бы то ни было организаціи пар-

тіи показали дебаты о „тактикѣ“ и объ организаціонныхъ вопросахъ.

Дебаты о тактикѣ. Рѣчь и „тезисы“ Милюкова вызвали всеобщее недоумѣніе. Милюковская „трезвенность“ слишкомъ явно не соотвѣтствовала настроенію делегатовъ, еще слишкомъ живо чувствовавшихъ всѣ ужасы царящаго въ провинціи административнаго произвола, еще слишкомъ кипѣвшихъ накопившеюся ненавистью къ существующему режиму, жаждою открытой борьбы съ нимъ. Изъ нѣсколькихъ десятковъ ораторовъ, принимавшихъ участіе въ дебатахъ по поводу Милюковскаго доклада, едва четверо или пятеро поддержали кадетскаго лидера; всѣ остальные единодушно, многіе даже съ негодованіемъ отвергали его „тезисы“. Во всякой другой партіи, члены которой привыкли и умѣютъ дѣйствовать сообща, это означало бы, что будетъ принята другая тактическая платформа. У кадетовъ неистово аплодировали негодующимъ рѣчамъ, а голосовали, почти безъ всякихъ измѣненій (были сдѣланы нѣкоторыя поправки стилистическаго характера), за тезисы Милюкова. Чѣмъ же это было достигнуто? Можетъ быть, второй рѣчью Милюкова, которому удалось переубѣдить своихъ товарищей по „партіи“? Нисколько. Просто на просто, тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ тѣхъ, кто протестовалъ противъ тактической платформы Милюкова, даже не попытался сговориться со своими единомышленниками; предложенія „протестантовъ“, такимъ образомъ, проваливались одно за другимъ, и предъ съѣздомъ оставалась одна лишь платформа Милюкова, которая благополучно и восторжествовала. Негодованіе этимъ, конечно, не было устранено. Оно только слегка прикрыто формальнымъ „все обстоитъ благополучно“. При первой оказіи оно прорвется...

Милюковъ и Ц. К., такимъ образомъ, торжествовали побѣду. Эта побѣда заранѣе была обезпечена. Они одинаково торжествовали бы, если бы предложили болѣе революціонную или еще болѣе умѣренную тактическую платформу. Имъ некого было побѣждать, потому что въ „партіи“ нѣтъ организованнаго мнѣнія, т. е. нѣтъ партіи въ смыслѣ организаціи; ну, а съ отдѣльными мнѣніями имъ, организованнымъ, уже изловчившимся, конечно, легко бороться; и Милюковъ легко, безъ малѣйшаго усилія, съ добродушной улыбкой на устахъ, опрокидывалъ своихъ противниковъ, даже не пытавшихся отстаивать свои позиціи. И я невольно вспоминалъ, какая страстная упорная, энергичная борьба мнѣній происходитъ на съѣздахъ дѣйствительныхъ, организованныхъ партій, какія усилія должны

употреблять Бебели, Жоресы, Геды, Адлеры, Вандервельды, чтобы провести то или другое свое предложеніе, и какъ часто они терпятъ пораженія. Тамъ умѣютъ отстаивать свое мнѣніе, п ч. оно дѣйствительно существуетъ, потому что тамъ существуютъ дѣйствительныя партіи, между тѣмъ какъ у кадетовъ есть только центральный комитетъ, только штабъ безъ какой бы то ни было арміи.

Съ особенной рельефностью это обнаружилось въ дебатахъ по организаціоннымъ вопросамъ. „Излюбленные люди" изъ Ц. К—та, конечно, прекрасно видятъ полное отсутствіе какой бы то ни было организаціи въ своей „партіи", а они, естественно, хотѣли бы использовать свою избирательную побѣду, чтобы положить хоть какое-нибудь начало партійной организаціи. Докладъ по этому вопросу сдѣлалъ бывшій соціалдемократъ Струве, близко знакомый съ организаціей германской соціалдемократіи. Это знакомство онъ обнаружилъ въ своей—довольно скучной, признаться—рѣчи. Но перенести цѣликомъ организаціонныя формы партіи, вся сила которой состоитъ въ организаціи народныхъ массъ, въ „партію", никакихъ связей съ массами не имѣющую, оказалось, разумѣется, невозможнымъ. И вотъ Струве предложилъ чисто-кадетскую формулу: „связать партію въ думѣ съ партіею внѣ думы". Въ развернутомъ видѣ эта формула получила на реальномъ языкѣ „реалистической политики" слѣдующее выраженіе. Такъ какъ „партіи въ странѣ" въ дѣйствительности не существуетъ, то необходимо было обратить сугубое вниманіе на „партію въ думѣ" и сдѣлать ее орудіемъ для созданія хоть какой-нибудь „партіи въ странѣ". Съ этой цѣлью реалистъ Струве предложилъ двѣ мѣры. Во 1-хъ, онъ ввелъ весь Ц. К тъ (свыше 40 человѣкъ) въ парламентскую фракцію, съ рѣшающими голосами *), подчинивъ, такимъ образомъ, фактическому вліянію Ц. К—та всю парламентскую фракцію. Во 2-хъ, взявъ парламентскую фракцію въ руки Ц. К—та, онъ даетъ всѣмъ депутатамъ партіи (даже обязываетъ ихъ) право участія на партійныхъ съѣздахъ съ рѣшающими голосами.

Во всякой другой партіи такое предложеніе вызвало бы

*) Сдѣлавъ это предложеніе, онъ самъ почувствовалъ неловкость его но поспѣшилъ прибавить, что „непридично" было бы проводить разницу между совѣщательными и рѣшающими голосами,—все въ кадетской партіи должно быть основано на взаимномъ довѣріи. Въ результатѣ Ц. К., единственно организованный въ партіи и состоящій изъ довольно видныхъ людей, получаетъ преобладающее вліяніе въ парламентской фракціи.

бурю негодованія и было бы отвергнуто почти единогласно. Здѣсь мы услышали два-три критическихъ замѣчанія отъ знающихъ толкъ въ „реалистической“ политикѣ. Остальные... остальные воспользовались случаемъ еще разъ воспѣть хвалебные гимны „излюбленнымъ людямъ“: разумѣется, такъ оно, дескать, и должно быть; кому же распоряжаться судьбами партіи, какъ не Ц. К--ту и депутатамъ. Нѣсколько делегатовъ такъ прямо и сказали: „Мы участвовали въ выборахъ, — этимъ мы сдѣлали все, что могли,—а теперь... вы этому дѣлу отдали себя, вамъ и книги въ руки. Заранѣе одобряемъ все, что вы сдѣлаете“. Рѣчи делегатовъ какъ на этомъ засѣданіи, такъ и на слѣдующее утро, когда обсуждался вопросъ о внѣпарламентской организаціи партіи, были прямо поразительны по... ихъ непониманію самыхъ элементарныхъ вопросовъ партійной организаціи. Ясно было, что такіе вопросы передъ ними никогда не стояли, а это, въ свою очередь, свидѣтельствовало о томъ, что никакой организаціи въ сущности нѣтъ, ибо тамъ, гдѣ имѣются хотя бы эмбріоны организаціи, тамъ такіе вопросы естественно возникаютъ—и не только возникаютъ, но приковываютъ къ себѣ вниманіе членовъ партіи. Я смотрѣлъ на это собраніе, состоявшее на $^4/_5$ изъ интеллигентовъ, и невольно сравнивалъ его съ собраніями еле затронутыхъ соціалдемократической пропагандою рабочихъ. Многому могли бы васъ, гг. интеллигенты, научить эти рабочіе,—и ужъ во всякомъ случаѣ они не позволили бы разнымъ Струве и Милюковымъ водить себя за носъ такъ, какъ водятъ васъ эти господа...

Разумѣется, предложеніе Струве было принято подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Но ярче всего обнаружили полное отсутствіе какой бы то ни было организаціи въ „партіи“ дебаты, имѣвшіе мѣсто на слѣдующее утро послѣ описаннаго засѣданія—по вопросу о внѣпарламентской организаціи партіи. Докладчикъ Корниловъ предложилъ, чтобы въ основу организаціи были положены коллегіи выборщиковъ и уполномоченцыхъ. „Мѣстные“ люди, т. е. делегаты, въ этомъ дѣлѣ знаютъ толкъ, и они—иногда съ наивной непосредственностью—разоблачали жалкую дѣйствительность. Коллегіи выборщиковъ—да какъ ихъ удержать вмѣстѣ? „За насъ голосовали самые разнообразные элементы—говорили одни просто потому, что мы были единственной оппозиціонной партіей, выступавшей на выборахъ. Эти люди разбредутся по разнымъ партіямъ, и сдѣлать ихъ основой организаціи значитъ построить послѣднюю на пескѣ“. Другіе развертывали еще болѣе любопытныя картины: „Иногда, чтобы провести одного

нужнаго намъ человѣка въ выборщики. мы принуждены были проводить десятокъ негодныхъ".

Но какъ только отъ этого фактическаго изложенія переходили къ „разсужденіямъ" по поводу организаціонныхъ вопросовъ вообще, снова обнаруживалось полнѣйшее непониманіе того, что такое партія, что такое организація, полнѣйшая безпомощность и растерянность. И только Винаверъ, предсѣдательствовавшій на этомъ собраніи, съ поистинѣ феноменальной ловкостью выудилъ изъ этихъ безсвязныхъ рѣчей рядъ „предложеній", которыя затѣмъ и были приняты. Фикція организаціоннаго плана получилась, но это только фикція, которая разсѣется, какъ дымъ, при первомъ же серьезномъ испытаніи, которое придется пережить „партіи".

Такова организація партіи, вожди которой – въ особенности г. Струве—любятъ скалить зубы по поводу слабой организованности рабочей партіи. Мы меньше всего склонны, разумѣется, самообольщаться на этотъ счетъ,—больше всѣхъ другихъ сознаемъ мы неотложную необходимость реорганизовать соціалдемократическую партію на основѣ широкой самодѣятельности рабочихъ массъ, — но вамъ, гг. кадеты, еще долго придется учиться, не одинъ кризисъ еще придется пережить, пока вы достигнете хотя бы той степени организованности, которая уже въ настоящее время достигнута рабочей партіей.

Но кадеты не организуются въ настоящую политическую партію, пока они не измѣнятъ самаго метода своей теперешней дѣятельности. Каждая партія, естественно, стремится вовлечь въ сферу своего вліянія, переварить въ своемъ котлѣ возможно болѣе широкіе слои населенія. Но это реально осуществимо лишь тогда, когда въ основу партійной организаціи положенъ опредѣленный общественный классъ, который затѣмъ подчиняетъ своему вліянію другіе классы населенія.

Каковъ основной элементъ партіи „народной свободы?" Разночинная интеллигенція и мѣщанство, мелкая буржуазія. Эти слои населенія, по самой своей соціальной природѣ, чрезвычайно туго поддаются организаціи. Даже въ странахъ съ широкимъ политическимъ опытомъ, съ обширными политическими традиціями, съ болѣе укоренившимися привычками къ политической организаціи, не удалось еще болѣе или менѣе прочно организовать эти слои. Тѣмъ труднѣе, конечно, достигнуть этого у насъ.

Вся „партія" кадетовъ построена на компромиссахъ. Поли-

тическое положеніе до сихъ поръ крайне благопріятствовало этому. Условія избирательной кампаніи сразу подняли кадетовъ до кульминаціоннаго пункта развитія, о которомъ они только могли мечтать. Элементы, которые сгруппировались вокругъ ихъ пестраго знамени, настолько разнообразны, что единственное общее, что между ними имѣется,—и то далеко не въ одинаковой степени,—это *настроеніе*. И это настроеніе „партіею" дѣйствительно отражается. Но только на настроеніи строить организацію нельзя.

Только послѣ съѣзда,—я впервые присутствовалъ на кадетскомъ съѣздѣ,—я понялъ „тактику" кадетовъ, понялъ, что другой тактики у нихъ не можетъ быть. Не можетъ партія, лишенная дѣйствительныхъ связей съ народными массами. не имѣющая никакого реальнаго организованнаго фундамента, принимать рѣшительную тактику. Самое ближайшее будущее для нея темно,—все является для насъ скачкомъ въ неизвѣстность. Она боится болѣе или менѣе рѣшительнаго шага, который можетъ ее лишить хотя какого-нибудь элемента, потому что малѣйшее разстройство въ ея рядахъ грозитъ ей полнымъ крахомъ. Она боится опредѣленности, потому что опредѣленность указываетъ границы возможнаго развитія А единственная граница, которую кадеты признаютъ,—это стремленіе замѣнить самодержавный строй конституціоннымъ. Все остальное для нихъ—предметъ компромиссовъ и торга. Какъ скоро и легко отмахиваются они отъ „радикальныхъ" рѣшеній, которыя они принимаютъ на своихъ съѣздахъ, какъ только они видятъ, что такимъ отказомъ можно привлечь къ себѣ хотя бы небольшія группы *).

И все же кадеты уже сыграли и сыграютъ еще видную роль въ ликвидаціи стараго режима. Подобно освобожденцамъ, они будили и будятъ политическую мысль въ такихъ слояхъ населенія, которые недоступны были пропагандѣ соціалдемократіи; подобно имъ же, они привлекаютъ въ свои ряды и даютъ политическую работу такимъ элементамъ интеллигенціи, бывшимъ раньше въ рядахъ соціалдемократіи, которыхъ отпугиваетъ слишкомъ яркое для нихъ опредѣленное классовое

*) Какъ нельзя болѣе характернымъ для нихъ является ихъ отказъ внести въ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь полную формулу избирательнаго права – единственно въ цѣляхъ уловленія нѣсколькихъ голосовъ центра. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, они сами запутались въ сѣтяхъ своей дипломатіи, лишившись голосовъ центра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно возстановивъ противъ себя часть трудовой и всю рабочую группу.

знамя пролетаріата или которые, продолжая „сочувствовать“ соціалдемократіи, не настолько опредѣлились, чтобы найти въ себѣ силы пережить вмѣстѣ съ нею всѣ, временами тяжелые, „кризисы роста“.

Если кадеты ни въ какомъ случаѣ не представляютъ еще собою организованной буржуазно-демократической партіи, то они довольно вѣрно отражаютъ протестующее и негодующее *настроеніе* буржуазныхъ слоевъ населенія. Если они, между прочимъ, по своей неорганизованности, сами на рѣшительную борьбу со старымъ режимомъ неспособны, то они все же представляютъ собою силу, достаточную для того, чтобы непрестанно расшатывать старый порядокъ, пробивать въ немъ бреши, которыя напорами массъ расширяются.

Но ихъ главная историческая и политическая роль состоитъ въ томъ, что они являются, такъ сказать, естественными преемниками отходящихъ въ область исторіи господствующихъ группъ стараго режима. Пока борьба велась только между самодержавіемъ и организованнымъ пролетаріатомъ, буржуазія боялась революціи, потому что она являлась для нея „скачкомъ въ неизвѣстность“. Когда же на сценѣ появились кадеты, „свои люди“, „благоразумная“ политическая партія, умѣренная, избѣгающая острыхъ конфликтовъ, выступающая подъ знаменемъ свободы, основанной на буржуазномъ порядкѣ, имѣющая въ виду установить лишь „правовой строй“ вмѣсто всѣхъ гнетущаго произвола,—революція перестала пугать буржуазію, и она въ огромномъ большинствѣ поднялась противъ самодержавія.

Эту роль кадеты, даже при полной неорганизованности, выполнить могутъ. А затѣмъ вошедшіе въ ихъ партію разношерстные элементы разбредутся въ разныя стороны, и на ея развалинахъ образуется, быть можетъ, настоящая буржуазно-демократическая партія.

Таковы впечатлѣнія, вынесенныя мною со съѣзда кадетовъ.

Е. С.

Редакторъ-издатель *А. В. Малышевъ.*

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Николаевская ул. 29.
въ С.-Петербургѣ.

ЦѢНА ВЪ ГОДЪ
5 руб.

Типо-литографія „Энергія“, Загородный просп., 17

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. **А. М.** Старыя схемы и современ. дѣйствит. . . . 1
2. **Ю. Ларинъ.** Будущее русской революціи. . . . 19
3. **П. Стрѣльскій.** По поводу одного предисловія . 32
4. **Машинъ.** Въ манчжурскихъ арміяхъ 48
5. **В. С.** Декабрьскіе дни въ ростовѣ 61
6. **К. Каутскій.** Выборы во Франціи. 78
7. **Л. М.** Первая недѣля Думы. 87
8. **Ф. Данъ.** Объединительный съѣздъ 101
9. **К—въ.** Отклики 107
10. **Е. С.** На съѣздѣ у кадетовъ 117